

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	1
1. Вступление.....	3
1.1. Актуальность и новизна исследования.....	3
1.2. Цели и объект данного исследования.....	12
1.3. Вопросы терминологии по поводу наименования языков-посредников в междэтнической коммуникации: <i>lingua franca</i> , койне, пиджин.....	15
1.4. Методы проведенного исследования.....	20
2. Представление изучаемого языкового пространства.....	23
2.1. Географическое расположение Солотвина и исторические данные, повлиявшие на местную языковую ситуацию.....	23
2.2. Демографические, этнические, социальные и языковые соотношения в Солотвине в цифрах и датах.....	27
2.3. Сожительствующие народы Солотвина: румыны, венгры, русины, украинцы, русские, евреи.....	30
2.4. Официальные языки и языки национальных меньшинств в Солотвине в исторической перспективе и на основе полевых замечаний.....	35
2.5. История распространения русского языка в регионе, его меняющийся статус и престиж.....	37
3. Особенности многоязычия в Солотвине (в сопоставлении с другими примерами из Украины и Молдовы).....	50
3.1. Языковое сообщество, языковая ситуация, коммуникативная ситуация, родной язык, основной код, переключение языкового кода.....	50
3.1.1. Модель двуязычного диалога: рецептивный билингвизм в Украине.....	63
3.1.2. Проявление многоязычия и переключение кодов в спонтанной речи солотвинцев в общественных местах на основе полевой работы (местный венгр – местный румын: по-русски, vs. местный венгр – неместный румын: по-румынски).....	68
3.1.3. Внутрисемейная коммуникативная модель разноэтнических браков: каждый родитель говорит на своем (венгерском, соответственно румынском) родном языке с детьми, а с супругом говорит по-русски.....	90
3.2. Результаты анкетирования, проведенного в Солотвине и в других местах исследования.....	101
3.2.1. Результаты письменных опросов среди школьников украинско-русской школы в Солотвине: языковой состав.....	101
3.2.2. Результаты письменных опросов среди школьников венгерской школы в Солотвине (октябрь 2008).....	104
3.2.3. Результаты письменных опросов среди школьников украинско-русской школы в Тячеве (октябрь 2007 г.).....	106
3.2.4. Результаты письменных опросов среди школьников русскоязычной Средней общеобразовательной школы-интерната с. Парканы (Приднестровская Молдавская Республика, сентябрь 2009 г.).....	108
3.2.5. Результаты письменных опросов среди школьников румыноязычного Теоретического Лицея «Лучин Блага» г. Тирасполь (Приднестровская Молдавская Республика, сентябрь 2009 г.).....	109
3.3. Заключительные замечания по поводу функционирования многоязычия в исследуемом языковом пространстве.....	110
4. Особенности русского языка в Солотвине.....	113
4.1. Фонетические особенности.....	118
4.1.1. Система вокализма.....	119
4.1.2. Система консонантизма.....	121
4.2. Лексические особенности.....	126
4.3. Грамматические особенности.....	136
4.3.1. Морфосинтаксические замечания.....	136
4.3.1.1. Замечания по поводу использования глагольного вида в местном русском языке.....	143
4.4. Заключительные замечания о состоянии русского языка в Солотвине.....	151
5. Выводы.....	153
5.1. Заключительные замечания по поводу поставленных целей и достигнутых результатов исследования.....	153
5.2. Прогноз будущего русского языка в Закарпатье в сопоставлении с Одессой, Гагаузией и Приднестровьем.....	153
Литература.....	160

Приложения.....	169
Диалог № 1 (Из разговора продавщицы с разноязычными покупателями, Солотвино, август 2008 г.)...	169
Диалог № 2 (Из разговора продавщицы с румыноязычным и венгероязычным покупателями, Солотвино, бар «Марамуреш», январь 2010 г.)	170
Диалог № 3 (два румына и один венгр, кафе-бар возле шахты Солотвино, сентябрь 2007 г.)	171
Диалог № 4 (в венгерско-румынской семье М. А., Солотвино, январь 2010 г.)	172
Диалог № 4/а (Из разговора учительницы русского языка со своими учениками, Солотвино, Украинская школа, 6-Б класс, октябрь 2007 г.).....	173
Диалог № 5 (С венгерско-румынской семьей Т. В., Солотвино, август 2008 г.).....	174
Диалог № 5/а (В гостях у венгерско-румынской семьи Т. В., Солотвино, август 2008 г.).....	176
Диалог № 6 (Интервью с учительницей русского языка О. А., Солотвино, октябрь 2007 г.).....	177
Диалог № 7 (Из интервью с Э. А., Солотвино, февраль 2011 г.)	178
Карта № 1: Украина и граничащие с ней страны	182
Карта № 2: Солотвино на карте <i>Закарпатська область з угорсько-українською та українсько-угорською назвою населених пунктів</i> (Будапешт, 2004).	182
Карта № 3: Солотвино на карте <i>Закарпатська Область. Загальногеографічна карта</i> (Київ, 1993).	183
Карта № 4: Солотвина на карте Закарпаття (издание Картография СССР, Москва, 1988).....	184
Карта № 5: Военная карта Мараморошского края 1914 года (<i>42-48 Máramaros-Sziget, Ungarn XXX. K.u.k. militär-geographisches Institut, 1914</i>)	185
Карта № 6: Венгроязычное население в Закарпатье (перепись 2001 года).....	186
Карта № 7: Поддержка государственного статуса русского языка в регионах Украины по данным ИС НАНУ, 2005 г.	186
Карта № 8: Кандидаты в президенты, которые получили самый большой процент голосов по районам и городам республиканского (областного) значения (7 февраля 2010 г.)	187
Карта № 9: Украинские президентские выборы 2010 года	187
Карта № 10: Гагаузия и Приднестровье на карте Молдовы	188
Фотографии сделанные во время полевой работы в Солотвине.....	189
Фотографии сделанные во время полевой работы в Гагаузии.....	191
Фотографии из Приднестровья (ПМР).....	193

1. Вступление

1.1. Актуальность и новизна исследования

Тема данной работы зародилась во время одной из наших поездок из Будапешта к родственникам в Кишинев через Украину в 2004 году. По дороге мы остановились у придорожного магазинчика в каком-то загадочном селении, которое длилось уже несколько километров, и дома которого были разбросаны по одну и другую стороны дороги или же скоплялись вокруг нескольких озёр, а над ними возвышались устрашающие башни какой-то шахты. Я с опаской вошла в магазин, где ожидала быть обслуженной на каком-то местном русинско-украинском диалекте (как это уже не раз случалось с нами в селениях Тячевского и Раховского районов), но с удивлением услышала однородный русский язык, и не только в обращении к приезжим, но и в общении продавцов между собой, а также при обращении к местным покупателям. В скором времени удалось выяснить, что русскоговорящие жители этого городка не являются потомками белогвардейцев чешских времён и, тем более, – переселенцев-старообрядцев XVIII века, а представителями местных венгров и румын, общающимися между собой на русском языке, но сохранившими при этом и свои родные языки. Эта уникальная ситуация спонтанного выживания русского языка без какой-либо официальной поддержки со стороны украинского государства возбудила мой личный и научный интерес. Периодически возвращаясь в Солотвино, я старалась провести как можно больше времени среди ее жителей, наблюдая за особенностями их общения, делая письменные и звуковые записи, заполняя опросные листы и анкеты. Таким образом, зародилась идея посвятить свою докторскую работу функционированию русского языка в многоязычном языковом сообществе, фокусируя свое внимание на четырехязычную среду закарапатского городка Солотвино, в которой живут солотвинские румыны и венгры уже больше века.

Новизна нашей темы, таким образом, состоит в том, что Солотвино¹ является закарапатским городом с этнически смешанным населением, где титульное украинское население составляет лишь незначительный процент, а большинство

¹ Официальное украинское название этого населенного пункта – Солотвино, в советские времена больше употреблялось название Солотвина. Румынское название городка – *Slatina*, а венгерское название еще со средних веков – *Aknaszlatina* (для шахтерской части селения) и *Faluszlatina* (для сельской части селения).

населения составляют именно два национальных меньшинства: румыны и венгры². До сих пор этнографы и языковеды интересовались только «своими» нациями и языками: румыны – румынским национальным меньшинством Закарпатья³, а венгерские исследователи изучают с всё более нарастающим интересом венгерское национальное меньшинство этого края⁴, хотя венгроязычные острова мараморошского Закарпатья долгое время оставались «белым пятном» в венгерской диалектологии. Об этом говорится и во введении к недавно изданному пособию по венгерской диалектологии Закарпатья⁵. Существуют работы посвященные, и двуязычию в Закарпатье⁶. Но до сих пор почти ничего не написано по поводу многоязычия и взаимодействия трех, четырех языков в Закарпатье, и никто особенно не изучал языковую ситуацию в выдающемся с этой точки зрения городе Солотвино. По нашим сведениям, единственный языковед, который заметил эту чрезвычайно интересную языковую ситуацию еще в 60-х годах, был закарпатский лингвист-полиглот ужгородского, а потом будапештского университетов, Ш. Рот. Ему удалось записать на ферромагнитную ленту четырехязычное высказывание, прозвучавшее по его свидетельству в Солотвинском колхозе (Рот 1973: 418-419).

В центре наших исследований стоит не одна определенная этническая группа – венгры или румыны в Закарпатье –, а межэтническая коммуникация. Раскрытие функционирования реальной многоязычной коммуникации невозможно, если мы сосредоточиваем наше внимание лишь на титульный украинский и на более изученные языки национальных меньшинств, то есть румынский и венгерский. Мы же сознательно поставили перед собой цель рассмотреть и по возможности проанализировать конкретные языковые ситуации как бы извне, уделяя внимание

² См. подробнее вторую главу данной работы, где мы приведем подробную статистику о национальном составе Солотвина в прошлом и настоящем.

³ См., в частности, из недавних изданий, книгу о румынах, живущих в тячевском и раховском районах Закарпатья (Botos 2004). Название данной книги свидетельствует о патетическом, эмоциональном подходе к этому вопросу: *Istoria care ne doare: o carte despre românii din Transcarpatia (Maramureșul istoric) / История, которая нас болит: книга о румынах из Закарпатья (Исторический Марамуреш)*.

⁴ См., в частности, Orosz 2007, Csernicskó 2003, Csernicskó–Márku 2007, а также другие работы Закарпатского Венгерского Института имени Ф. Ракоци II.

⁵ „A mai Kárpátalja nyelvváltozatai kapcsán közel egy évszázaddal ezelőtt többen is úgy fogalmaztak, hogy a nyelvészek számára ismeretlen, felderítetlen terület, fehér folt [...] a MNyA.-ból Máramaros Kárpátaljához tartozó nyelvcsigetei teljesen kimaradtak” Csernicskó–Márku 2007: 9.

⁶ Среди свежих работ, приведем, к примеру, исследование Золтана Кармачи, который вел наблюдения в двуязычных семьях Мукачева и Берегова (Karmacsí 2007). Среди работ советского периода, напомним статью Ш. Рота о венгерско-украинском и украинско-венгерском билингвизме (Рот 1967), о украинско-румынских языковых контактах в Тячевском и Раховском районах Закарпатской области см. Орос 1966.

всем участвующим в коммуникации языковым кодам и особенно общему языку коммуникантов, когда к таковому прибегали.

Этот «сверх-национальный» подход к изучаемому языку, сегодня как никогда актуален. Он отражает более общий, мировой процесс глобализации. Вопрос об английском языке как *lingua franca* вызывает тревогу или восторг в зависимости от отношения к глобализации. Параллельно с английским, существуют (или существовали?) и другие служившие в межнациональной коммуникации языки. Таким был еще недавно и французский язык в Западной Европе, немецкий – в Центральной Европе и русский язык – в Восточной Европе и Центральной Азии. В настоящее время мы являемся свидетелями провала этих региональных *linguae francae* в пользу глобального английского, хотя темпы вытеснения французского, немецкого и русского языков не одинаковы. Некоторые исследователи заметили поворот данного процесса, в том смысле, что первое десятилетие независимых постсоветских государств характеризовалось «нативизацией», т.е. ростом титульных национальных языков, а второе – осознанием важности русского языка как региональной *lingua franca*⁷. Перед языковедами, социолингвистами, а также перед простыми пользователями языком встает с нарастающей важностью вопрос: перерастет ли русский язык в «нейтральное» (то есть, свободное от коммунистической и империалистической окраски) средство межнациональной коммуникации или эту роль переймёт неизбежно и окончательно английский язык во всем мире? Венгерские историки и языковеды тоже заметили необходимость многоязычия будущего европейского гражданина, который кроме своего родного языка должен знать «глобальный английский» и «местную *lingua franca*», роль которой исполняет немецкий, французский, испанский или русский «в нашем случае» или же арабский или китайский в Азии⁸.

Благодаря особенной многоязыковой ситуации в Солотвине, где ни одна группа не господствует над другой, вытесненный из обихода в Западной Украине русский язык сохранил свою роль как «средство межнационального общения». Эта функция сегодня считается многими анахроничной и даже «политически

⁷ “The first independence decade emphasized nativization, while the second decade witnessed a realization of the importance of Russian as a regional *lingua franca*” (Pavlenko 2008/a: 302).

⁸ „A világnyelv mellett ugyanakkor szükséges a lokális *lingua franka* ismerete, amilyen az angolon túl a francia, a spanyol, az orosz, az arab, a kínai, a német” (Ференц Глац, цит. по: Beregszászi 2004: 16). „Az angol nyelv mai világunk *lingua francája* [...] a régiótól függően ehhez legalább még egy idegen (‘nemzetközi’) nyelv járul (a mi esetünkben a német, más régiókban a francia, a spanyol, az orosz stb.)” (Kiefer 2001: 11).

некорректной», так как до распада Советского Союза именно эта межнациональная роль русского языка была первичным предметом языковой политики и социолингвистики. Об этом отлично свидетельствует изданное в Киеве в 1981 году книга *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*: «Глубокая и всесторонняя разработка проблематики функционирования русского языка как средства межнационального общения народов нашей страны на территории национальных республик в условиях иноязычного языкового окружения на современном этапе является одной из важнейших и первоначальных задач советского языкознания» (Ижакевич 1981: 3). Заметим, что вышеприведенное высказывание окружено и подтверждено разными брежневскими цитатами.

У читателей нашей работы может возникнуть и другой вопрос: не является ли наше исследование идеологически устаревшим и неоправдываемым 20 лет после распада СССР? Тем более, что данный подход в прошлом приводил к одностороннему усилению русского языка в ущерб местным национальным языкам. Автор данных строк осознает немалые риски начатого исследования, его трудности и догадывается о несчитанных подводных камнях, на которых может наткнуться, взявшись за такой чувствительный вопрос, трактованный нередко по-разному, да и противоположно.

В этом порядке идей, примечателен вывод Г. Н. Захаровой, которая изучала украинско-молдавские межэтнические связи в восьмидесятые годы на Севере Молдавии⁹ и Юго-западе Украины и который – как подтвердилось во время нашей полевой работы – оказался еще актуален: «В овладении русским языком существенную роль играет иноэтническое окружение. Возникает реальная необходимость перехода на «общий», в данном случае русский, язык» (Захарова 1985: 64). Приведем пример из другой советской работы, посвященной развитию национально-русского двуязычия (на примере литовско-русских языковых контактов), опубликованной в 1976 году: «Одним из факторов, способствующих развитию литовско-русского двуязычия, является наличие в республике представителей других социалистических наций, что делает актуальным применение русского языка для межнационального общения» (Дешериев 1976: 349). Из данной цитаты подразумевается, что переселенцы других «социалистических наций»

⁹ В дальнейшем мы будем употреблять название Молдавия, если речь идет о советском периоде (т.е. о Молдавской ССР), и Молдова, если речь идет о постсоветском независимом государстве.

автоматически будут прибегать к русскому языку в общении с литовцами, а также с представителями других наций. Вопрос о владении местным титульным языком в советском периоде и не ставился.

Из-за этого и возникла современная националистическая риторика в большинстве постсоветских республик, где применение русского языка в роли языка межнационального общения рассматривается как вредное «коммунистическое» наследство империалистических времен. Молдавский лингвист и политический деятель в нынешнем молдавском парламенте Г. Молдован, как и другие националистически настроенные политики и «псевдо-ученые» во всех постсоветских державах¹⁰, придерживается именно такой точки зрения. В своей работе он посвящает отдельную главу «анализу неудачной попытки решить языковые проблемы посредством территориализации гагаузского языка»¹¹, то есть введения трех официальных языков (русского, гагаузского и молдавского) на территории Гагаузской автономии¹² в составе Республики Молдова. Он утверждает, что «уязвимость данного решения» обусловлено именно официальным статусом русского языка, то что ведет к «деградации» как территориально официального гагаузского языка, так и государственного «молдавско-румынского»¹³ в этом регионе. Под маской борьбы за гагаузский язык, автор борется за новый государственный румынский язык против русского языка, который еще с начала 19-

¹⁰ Примечательна по этому поводу оценка Т. Б. Крючковой в своей книге о типологии языковых конфликтов: «языковую карту разыгрывает не господствующая группировка, а группа, стремящаяся пробиться в языковую элиту. Люди, не имеющие в политической борьбе никаких особых преимуществ, пытаясь их добиться, стремятся создать в обществе такую атмосферу, при которой знание языка титульной нации считалось бы чуть не основным критерием при отборе руководящих кадров» (Крючкова 1994: 127-128).

¹¹ „[...] analizei tentativei stângace de soluționare a problemelor lingvistice prin teritorializarea limbii găgăuze. [...] Vulnerabilitatea soluției date rezidă în oficializarea limbii ruse în Gagauz-Yeri, fapt care contribuie atât la degradarea limbii găgăuze ca limbă oficială la nivel regional, cât și a limbii oficiale a statului în acest teritoriu” (Moldovan 2008: 19).

¹² Автономное Территориальное Образование Гагаузии было провозглашено в 1994 году. Согласно данным переписи 2004-го года на территории АТО Гагаузии проживает 155.000 человек, из которых 82 % гагаузы, молдоване 7 %, болгары 5 %. У Гагаузии – свой флаг, герб, гимн. Свой парламент (Народное Собрание Гагаузии / Халк Топлушу), который избирается по мажоритарным округам (а молдавский парламент – пропорционально), свой глава – башкан, которого избирают всеобщим прямым голосованием (а молдавского президента избирает парламент). Башкан также является членом правительства Молдовы. Это очень интересный пример того, как в одной стране сосуществуют две политические системы. Гагаузские политики недовольны тем, что они очень слабо представлены в органах власти на федеральном уровне, молдавские официальные лица – превалированием русского в Гагаузии, хотя, как они говорят, есть все условия для развития своей, гагаузской культуры и традиций. Информацию о Гагаузии на русском языке предоставляет сайт автономного округа: <http://www.gagauzia.md>.

¹³ Государственный язык Республики Молдова в литературной своей форме тождествен румынскому языку, но оба наименования (румынский и молдавский) используются параллельно, в зависимости от политической ориентации говорящего.

го века в южной Бессарабии исполняет роль языка межнационального общения¹⁴ и на сегодняшний день является препятствием на пути строительства новой политической нации. По его мнению, нельзя пользоваться «экзогенным языком в качестве языка межэтнического общения в условиях, где язык автохтонного населения имеет многовековую литературную традицию», так как языком межэтнического общения, «естественно», должен быть язык большинства населения, то есть в Молдове это румынский, а не русский, «который не может быть принят как язык межэтнического общения ввиду критерия политического нейтралитета, так как русский язык в этом пространстве носит печать угнетающего языка»¹⁵.

Сам того не ведая, автор использует в своих размышлениях приемы той же коммунистической идеологии, заклеив без апелляции русский язык как «врага народа». Он приводит демагогические экономические доводы против румынско-русского билингвизма на официальном уровне: «билингвизм в такой бедной стране как Молдова, это просто бессмысленно»¹⁶. Член государственной комиссии по языку, Г. Молдован «оплакивает» языковые права местных украинцев, гагаузов и болгар, которые «вынуждены» пользоваться русским языком в ущерб своим национальным

¹⁴ Гагаузы – тюркоязычные христиане – переселились из Османской Империи в южную Бессарабию под покровительством Российской Империи на места, освобожденные после изгнания местных татар мусульман. В сознании гагаузов Советский Союз перенял в некотором роде эту роль покровителя. Мы думаем, что именно поэтому до сегодняшнего дня на территории Гагауз Йери (в переводе: Гагаузский Край) местные власти сохранили внешнюю символику коммунизма (названия улиц, памятники), независимо от экономического строя и идеологического направления новой территориальной автономии. Ситуация тождествена и в соседних болгарских районах, а также в Приднестровье. По поводу советского «сверх-национального» самоопределения большинства приднестровцев в конце 90-х годов примечательно утверждение В. Колосова: "According to a recent poll, 78 % of the population still feel themselves totally, or to a large extent, 'Soviet people'" (Kolossoff 2000: 73).

¹⁵ „Utilizarea unei limbi exogene în calitate de limbă de comunicare interetnică, în condițiile în care limba populației autohtone are o tradiție literară datând de câteva secole, [...] alegerea firească a limbii oficiale și/sau a limbii de comunicare interetnică, în aceste state, urmând să se bazeze pe criteriul majorității numerice a locutorilor și criteriul evoluției naturale a limbilor în spațiul respectiv. [...] soluția optimă pentru noua formațiune statală este promovarea limbii populației autohtone, în același timp, ca limbă oficială și limbă de comunicare interetnică. [...], limba rusă nu poate fi acceptată ca limbă de comunicare interetnică în virtutea criteriului neutralității politice, rusa purtând în acest spațiu ștampila de limbă de oprire” (Moldovan 2008: 27-28). Противоположной позиции придерживается одесский языковед К. Смолина: «Проблема функционирования русского языка на постсоветском пространстве – сложная проблема. В отношении к русскому языку во многих новых независимых государствах примешиваются социальные, идеологические и экономические процессы. Русский язык один из важнейших информационных ресурсов, оставленных Российской империей и СССР в наследие новым независимым государствам. Ценность этого наследия как инструмента межнационального общения трудно переоценить» (Смолина 2009: 16).

¹⁶ „Promovarea bilingvismului într-o țară atât de săracă este total lipsită de sens [...]” (Moldovan 2008: 16).

языкам¹⁷. Больше всего новый националистически настроенный политический деятель огорчен тем, что роль русский язык сохранил свою роль языка межнационального общения в этих многоэтнических регионах, и что он не превратился в один из непрестижных языков какого-то национального меньшинства¹⁸.

Похожую ситуацию наблюдаем и в Украине, хотя после отстранения от власти оранжевых сил в феврале 2010 года, позиция украинских политиков по поводу украинизации общества стало более умеренной. В интервью, данном венгерскому журналисту Г. Штиру, председатель Украинской Рады В. Литвин объясняет роль русского языка в качестве средства межнационального общения как исторически сложившаяся ситуацию, без особой отрицательной оценки, но все-таки намекает на неизбежность перенятия этой роли украинским языком¹⁹. Заметим, что идея предоставить функцию межнационального языка не только русскому, но также украинскому языку возникала даже в советские времена. В своей работе о функционировании русского языка в близкородственном языковом окружении, Г. П. Ижакевич описывает следующим образом языковую ситуацию в многоэтнических областях Украины: «В некоторых районах республики (например, Измаильщина, Закарпатье) представители ряда народов, проживающих в полосе этнического смешения, достаточно свободно говорят на несколько языках, чаще всего – на языке своей национальности, украинском и русском. [...] Подобного рода языковая ситуация благоприятствует расширению сфер действия русского и украинского языков и интенсифицирует процессы всестороннего языкового взаимодействия в республике» (Ижакевич 1981: 11). Как в советском периоде украинский язык мог претендовать на роль языка межнационального общения, так сегодня и русский язык может снова получить этот статус. Нынешний вице-премьер Украины, Сергей Тигипко в программе своей партии Сильная Украина 2010-го года писал: «Украинцы

¹⁷ „[...] instituționalizarea trihotomiei limbă oficială – limbă de comunicare interetnică – limbi minoritare constituind o discriminare a limbii oficiale și o sfidare a drepturilor lingvistice ale etnicilor ucraineni care depășesc numeric minoritatea de etnie rusă” (Moldovan 2008: 28).

¹⁸ Отметим, что на сегодняшний день в постсоветском пространстве русский язык остался государственным лишь в Белоруссии. Пока еще относительно сильны позиции русского языка в Казахстане, где он имеет статус «языка официального общения», а также в Киргизии, где русскому языку в 2000 году придан аналогичный официальный статус. В остальных странах СНГ русский язык имеет более низкий статус языка межнационального общения (в Молдове, Узбекистане, Таджикистане, а также формально – в Туркмении), языка национального меньшинства (в Украине) или иностранного (в Азербайджане, Армении, Грузии, Латвии, Литве, Эстонии). В последней группе стран русский язык фактически служит средством межнационального общения, но юридически, согласно национальным законам о языке, он таковым не является (см. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php>).

¹⁹ *Magyar Nemzet*, 23-го ноября 2010 г.

должны понимать друг друга. [...] Я верну русскому языку статус языка межнационального общения»²⁰.

В советской языковедческой литературе вообще старались не использовать термин «государственный язык», довольствуясь обозначениями национальных языков и «языка межнационального общения». Сам первый вождь социалистической державы В. И. Ленин резко выступал против идеи государственного языка, подчеркивая, что «потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений [...]»²¹. М. И. Исаев, изучая этнолингвистические проблемы в СССР и на постсоветском пространстве, пишет по поводу данной цитаты Ленина: «В полном соответствии с этой доктриной в научной и пропагандистской литературе советского периода к понятию государственного языка существовало негативное отношение. Даже русский язык по существу ставший государственным, не именовали таковым; ограничивались лишь названием языка межнационального общения» (Исаев 2002: 114-115).

Из вышеприведенных цитат, мы видим, что вопрос о государственном языке в двуязычных и многоязычных странах и языковых контактах, в общем, всегда был очень чувствительным, идеологически и политически окрашенным. Пуристы всегда с опаской относились к этой теме. Даже в период самого строгого идеологического контроля существовали разногласия между языковедами, которые по-разному относились к языковым интерференциям и влиянию официального административного языка на местный язык национального меньшинства. В 1973 году Ш. Рот настаивает на «естественном» характере проникновения славянских элементов в закарпатский вариант венгерского языка и строго критикует тех, кто видит в этом опасность для венгерского языка: «Мы здесь имеем дело с явлениями не искусственного, а естественного билингвизма, в котором административный фактор не играет доминирующей роли. [...] Так, если до 1945 года динамика языковой интерференции в подтипе венгерско-украинского билингвизма была незначительна, то в настоящее время под воздействием украинского административного и других факторов она усилилась. Неправы и те исследователи,

²⁰ <http://tigipko.com/Programm> (12. 06. 2010).

²¹ В. И. Ленин: Критические заметки по национальному вопросу. В кн. *Полное собрание сочинений*, изд. 5, т. 24, стр. 114 ([http://ru.wikisource.org/wiki/Критические_заметки_по_национальному_вопросу_\(Ленин\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Критические_заметки_по_национальному_вопросу_(Ленин))).

которые считают административный фактор тем «троянским конем», который изнутри пробивает брешь в сцеплении языковой системы языка-рецептора, давая возможность проникать в него вслед за терминами, названиями, относящимися к семантической микроструктуре администрации и государственности и другим названиям» (Рот 1973: 373). Отметим, что эта полемика в рядах языковедов продолжается и в сегодняшние дни между сторонниками нормативно-прескриптивной лингвистики и дескриптивной лингвистики²² (т.е. между пуристами и лаксистами), хотя в идеологическом плане постановка вопроса, конечно, радикально изменилась после распада СССР. Исследования по межнациональной коммуникации, которые в 60-80-ые годы получали в СССР существенную государственную и финансовую поддержку, в 90-ые годы практически прекратились²³. А. Павленко в своей статье о многоязычии в постсоветских странах пишет, что до сегодняшнего дня «колючий вопрос о правах носителей постколониальных языков не нашел свое место в работах посвященных правам языковых меньшинств»²⁴. С другой стороны, в последнее время возникают и споры между социолингвистами разных постсоветских стран по отношению к языковой политике Российской Империи и СССР. Сотрудник Минского Университета Н. Б. Мечковская несколько лет назад строго критиковала авторитетную книгу по социолингвистике Л. П. Беликова и В. И. Крысина из-за оправдания «русификации в Российской Империи и в СССР»²⁵. Используемые ею прилагательные «обидный», «недобрый» и «ожесточающий» показывают высокую чувствительность этого вопроса много лет

²² Среди сторонников современной дескриптивной лингвистики числится и известный венгерский ученый М. Контра, который настаивает на превосходстве метода «описания» языка по сравнению с «предписанием»: „A mi szavunk járása című könyvben, [...] nyoma sincs az előírásnak, de annál több bene a tudományosan jól megalapozott leírás” (Csernicskó 2003: 18).

²³ В рецензии на американскую книгу о пост-советской социолингвистике (*When East Met West. Sociolinguistics in the Former Socialist Bloc*. Edrs J. Harlig, Cs. Pléh. Berlin–New York, 1995), М. Ладани характерно описала эту ситуацию: „A hatalom, felismerve az ilyen jellegű munkák szerepét, hatalmas (az ország nagyságának arányosan megfelelő vagy talán azt még meg is haladó) összegekkel támogatta ezeket a kutatásokat, miközben ugyanakkor politikai nyomást is gyakorolt a kutatókra a vizsgálandó kérdések kiválasztásában és a kutatási eredmények interpretálásában egyaránt. A peresztrojkrát követő időszak átrendeződése, a demokratizálódási folyamatok beindulása liberálisabb légkört teremtett, de paradox módon – az anyagi támogatás drasztikus csökkenésének következtében – a kutatás az összeomlás szélére került” (Ladányi 1999: 490).

²⁴ “To date, however, the thorny issue of the rights of speakers of ‘postcolonial’ languages has not yet found its way into the work on minority language rights” (Pavlenko 2008/a: 305).

²⁵ Н. Б. Мечковская критикует следующее утверждение авторов, которое напоминает советскую «русофильскую» языковую политику: «Все это не означает, что в СССР проводился намеренный курс на русификацию, скорее можно говорить о всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего государства языка» (Беликов–Крысин цит. по: Мечковская 2003: 51).

после распада СССР. Интересно заметить, что эта полемика напоминает исторические споры о русификации, например противоположные аргументы «про-украинского» В. И. Ленина и «про-русского» А. Мейе во время Первой мировой войны²⁶.

Только в последние годы социалингвистика вошла в свои права и на постсоветском пространстве, но работы посвящены в первую очередь возрождению национальных языков и только эпизодически изучается местный русский язык²⁷.

Местному исследователю не всегда комфортно заниматься таким чувствительным, «анахроничным» и «политически некорректным» вопросом как функционирование русского языка в постсоветском пространстве. Не случайно изучавший особенности одесского русского языка Е. Н. Степанов был парадоксально вынужден издать свой труд в своем русскоязычном родном городе на украинском языке. Оказывается, с Будапешта намного удобнее изучать данную проблематику. Есть и более личный фактор, а именно языковой пейзаж Солотвина, который как нельзя лучше соответствует моим языковым компетенциям. Выросши в русско-румынском билингвизме в Молдове и живучи в Венгрии уже 18 лет, у меня есть возможность слиться с солотвинцами любой национальности, и, исходя из этого, стать «вписывающимся в пейзаж» наблюдателем.

1.2. Цели и объект данного исследования

Наша задача в предстоящей работе состоит именно в выяснении нынешнего положения русского языка в нескольких конкретных многоязычных сообществах постсоветского пространства (Украина и Молдова), уделяя повышенное внимание венгро-румынскому Солотвино в Закарпатье. Как и во всей Украине, русский язык и здесь уже два десятилетия потерял официальную поддержку со стороны политической власти. Но, несмотря на это, он удерживает свои позиции на «близком зарубежье», в чем мы не раз убеждались во время нашей полевой работы. Вот уже

²⁶ См. Meillet 1918: 209-216, а также В. И. Ленин: О праве наций на самоопределение, *Полн. собр. соч.*, т. 25. с. 255-320 (<http://www.revolucia.ru/pravonac.htm>)

²⁷ Примечательна в этом порядке идей статья А. Павленко о состоянии русского языка в бывших советских республиках (Pavlenko 2008). По поводу русского языка в Украине, обратим внимание на монографию Степанова о русском городском койне Одессы (Степанов 2004). После распада СССР, характерен нарастающий интерес к русскоязычным диаспорам Западной Европы и Америки в ущерб русскоязычным меньшинствам постсоветского пространства (см., среди прочих источников, Земская 2001, Рогова 2010, где дается перечень самых свежих социалингвистических исследований речи иммигрантов).

после 20 лет интенсивной национализации языкового состава Украины, а также Молдовы, русский язык не только выживает, но в отдельных регионах этих стран продолжает пользоваться популярностью. Во время наших исследований мы пытались найти причину этого явления, а также зафиксировать особенности функционирования русского языка в этих регионах на данный момент.

Мы поставили перед собой цель описать местный (то есть солотвинский) вариант русского языка²⁸, и по возможности сопоставить его с русским языком других многонациональных общин бывшего СССР, а именно города Тирасполя (Приднестровье) и города Комрата (Гагаузия), находившихся в Молдове.

Особенность наших исследований состоит в том, что мы изучаем функционирование русского языка не в русско-национальном билингвизме, а в трех-или даже четырехязычных общинах постсоветского пространства, где русскому языку отведена роль *lingua franca*. В восьмидесятых годах ожидали исчезновение традиционного многоязычия в пользу русско-национального билингвизма и даже представляли этот процесс как прогрессивное и желаемое событие²⁹. Вопреки этим предвидениям, мы увидим, что в некоторых регионах бывшего Советского Союза многоязычие сохранилось, именно благодаря русскому языку, который выживает рядом с местными языками национальных меньшинств и рядом с новым официальным языком. В Закарпатье (западно-южная область Украины) и на юге Молдовы, в Гагаузии, мы имеем дело с особым трилингвизмом, так как исследуемые языки относятся к разным языковым семьям: в Закарпатье это венгерско-румынско-русский, а в Гагаузии это турецко-молдавско-русский трилингвизм и в обоих случаях добавляется еще один славянский язык: украинский в Закарпатье и болгарский на юге Молдовы. Заметим, что в автономной Гагаузии это официальное

²⁸ В зависимости от ситуации, языковеды говорят в таких случаях о «региональном варианте русского языка, бытующем в данном регионе» или же о новом регистре речи, который можно назвать «иностранным русским», используемым «языковым сообществом» местных русских (см. Рогова 2010: 28-29).

²⁹ Примечательна в этом порядке идей трактовка многоязычия на примере языковой ситуации в Дагестане советского периода: «Раньше знание языка преобладающего большинства населения района – даргинского языка – было необходимо, то теперь для удовлетворения разного рода официально-деловых потребностей в райцентре, для общения с официальными лицами в районных учреждениях используется русский язык. [...] В настоящее время этот фактор, стимулировавший в прошлом знание наряду с родным и русским еще аварского или даргинского, или лезгинского языка, то есть многоязычие, почти утратил свою актуальность. [...] Смена многоязычия национально-русским двуязычием – типичное явление в языковой жизни народов СССР» (Абдуллаев 1984: 85-86).

трехязычие³⁰. В этих конкретных населенных пунктах мы изучали посредством полевой работы языковой узус проживающих в них национальных меньшинств, которые сожительствуют уже века.

Мы сознательно ограничили наши наблюдения в основном на одном конкретном населенном пункте, параллельно приводя примеры из других похожих по национальному составу селений, следуя принципам одного из основателей современной социалингвистики Дж. Гумперца, который подчеркивает целесообразность изучать не язык в общем, а язык(-и) в конкретном сообществе³¹. Данная работа не претендует стать исчерпывающим анализом состояния русского языка ни на постсоветском пространстве, ни даже в Украине, а скромным вкладом в разработку вопроса о функционировании языков-посредников в общем, и русского как межэтнического средства коммуникации в частности, к которому мы надеемся, в скором будущем примкнут и другие исследования.

Чем оправдывается изучение этого вопроса именно сегодня? На данный вопрос мы можем ответить словами современного американского специалиста по *lingua franca* Ф. Чью: «Как и их носители, языки вымирают. И ту же участь постигает и языков посредников»³²: солотвинский русский язык тоже может исчезнуть. Нам показалась и актуальной, и географически доступной³³ задача зафиксировать это хрупкое языковое состояние. То, что мы думали постоянным и стабильным, оказалось хрупким и переходящим вследствие политических событий двух последних десятилетий.

Мы говорили об обязательном территориальном ограничении изучаемого предмета, то есть о горизонтальном ограничении. Но мы добавим к нему и анализ в глубину данного явления, исходя из которого мы изучаем коммуникативные

³⁰ В Автономном Территориальном Образовании Гагаузия (АТОГ) – три официальных языка: молдавский (т.е. румынский), русский и гагаузский. Здесь сложилась совершенно необычная языковая ситуация. Большинство населения (особенно сельское) говорит между собой на гагаузском, однако русский остается основным языком в бизнесе, делопроизводстве и доминирует в образовательной сфере. Еще в 1996 году гагаузский язык перевели с кириллицы на латиницу, взяв за основу алфавит очень близкого ему турецкого языка. Между тем, часть «гюркских» вывесок в Комрате до сих пор написана кириллическим алфавитом. Но, согласно нашим наблюдениям, в «столичном» Комрате далеко преобладают вывески и билборды на русском языке.

³¹ “Speech diversity and code-switching among different dialects or languages will probably hold more interest for scholars oriented toward functional analysis. Such studies must however begin with a specific community, not with a linguistically defined entity” (Gumperz 1971: 100).

³² “Like the owners, languages die. So too, those which function as *lingua francas*” (Chew 2009: 8).

³³ Солотвино является одним из самых близких к Будапешту русскоязычных островов, в 400 км, то что имеет не малое значение для исследователя, имея в виду необходимость длительной и многократной полевой работы.

ситуации на трех уровнях. На первом – индивидуальном уровне – мы стараемся описать особенности языкового узуса отдельных лиц, то есть интерференции с родным или государственным языком. На втором – семейно-общественном уровне – предметом нашего исследования становится языковой узус в смешанных семьях и в общественных местах конкретного языкового сообщества. На третьем, сверхрегиональном уровне мы рассмотрим параллельные ситуации на Западе и Юго-западе Украины и в Молдове.

1.3. Вопросы терминологии по поводу наименования языков-посредников в межэтнической коммуникации: *lingua franca*, койне, пиджин

В начале мы хотели использовать термин койне³⁴ для определения функции русского языка в многонациональном Салотвине. Среди разных интерпретаций термина койне, приведем определение в связи с городским койне Одессы Е. Н. Степанова, которое, в некоторой степени подходит функции русского языка и в Салотвине. По словам одесского исследователя, в урбанолингвистике традиционно подчеркивается смешанный характер городского койне. В одних случаях, речь идет о койне, возникшем при смешении нескольких диалектов одного языка, в других – при смешении одного или нескольких диалектов с литературным языком, в третьих же – нескольких диалектов, литературного языка и иностранных субстратов и адстратов (в новых городах колониального типа), к которым автор относит петербургский и одесский койне³⁵. Этот третий тип городского койне стоит в некоторых случаях на грани пиджинов. Для языковой ситуации Одессы был характерным процесс пиджинизации разговорной речи большинства этнических групп, впоследствии чего функционировали разные «препиджины» и пиджины с общим лексификатором, роль которого выполнял русский язык: например, украинско-русский, греко-русский, молдавско-русский пиджины (Степанов 2004: 83-

³⁴ Термин койне для обозначения русского языка в Салотвине показался нам уместным именно из-за его оригинального значения. Как известно, он происходит от греческого прилагательного женского рода *κοινή*, которое переводится как «общий» в сочетании с существительным *διὰλέκτος*, т.е. говор, диалект. Изначально койне обозначал сверх-диалектную форму древнегреческого языка, которой пользовались на всей территории македонской империи и позже во всем эллинистическом мире.

³⁵ «В урбанолінгвістиці традиційно відзначають мішаний характер будь-якого міського койне. В одних випадках це мовне утворення, яке виникає завдяки змішуванню кількох діалектів однієї мови, [...] у других – змішуванню одного чи кількох діалектів з літературною мовою [...], у третіх – кількох діалектів, літературної мови й іншомовних субстратів і адстратів [...]. Міськими койне третього типу на базі російської мови слід уважати, наприклад, петербурзьке й одеське койне» (Степанов 2004: 78).

84). П. Кервил подчеркивает, что койне рождается при сливании взаимно-понятных языков или диалектов того же языка при длительном контакте говорящих³⁶.

У. Вайнрайх в своей знаменитой книге о языковых контактах приводит пример из Меланезии: «Чем более какая-либо местность многоязычна, тем естественно больше шансов на распространение имеет пиджин или любой другой новый язык. [...] В Меланезии и в местностях с папуасскими языками, где каждое селение имеет свой язык, бич-ла-мар распространился как пожар»³⁷. Койне часто употребляется как синоним *lingua franca*, но *lingua franca* менее связано с определенным географическим местом и, сверх того, не является родным для говорящих на этом языке. Важно отметить, что в анкетах, результаты которых мы приведем ниже, понятие «родного языка» местными жителями воспринимается по-разному. Для одних – это язык семьи, для других – язык матери, а для третьих – это язык государства или, наоборот, бабушки и дедушки.

Но так как в Солотвине русским языком пользуются преимущественно венгры и румыны, для которых русский язык не является родным в узком смысле слова, мы решили, что его определение как *lingua franca* более подходит в нашем случае.

Приведем классическое определение *lingua franca* данное UNESCO еще в 1951 году: это «язык, обычно используемый людьми, у которых разные родные языки с целью облегчения коммуникации между ними»³⁸. С точки зрения происхождения данного термина, напомним, что *lingua franca* в переводе из вульгарной латыни значит «франкский язык», то есть язык западных крестоносцев. Сам термин является гибридным сочетанием, так как прилагательное *francus* – уже само по себе германский варваризм в классической латыни. Е. В. Перехвальская в своей работе над русскими пиджинами подчеркивает, что *lingua franca* первоначально называли «торговый язык, использующийся в Средние века в средиземноморской торговле. ... Эта средневековая лингва-франка, возможно, была пиджином» (Перехвальская 2008: 12). Заметим, что разница между *lingua franca* и пиджином может стать спорным вопросом даже сегодня, имея в виду, что существуют разные, взаимоисключающие

³⁶ “Through koineization, new varieties of a language are brought about as a result of contact between speakers of mutually intelligible varieties of that language” (Kerswill 2004: 669).

³⁷ Reinecke J. E., Trade jargons and creole dialects as marginal languages in *Social Forces* 17(1938), цит. по: Вайнрайх 1979: 182.

³⁸ “In 1953, UNESCO defined a *lingua franca* as ‘a language used habitually by people whose mother tongues are different in order to facilitate communication between them’” (Wardhaugh 2006: 59). Полный текст документа UNESCO об употреблении местных языков и *lingua franca* см. на вебстранице <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001447/144707eb.pdf>.

определения этих терминов. По мнению Н. Б. Мечковской, в отличие от определения Л. П. Крысина и В. И. Беликова, в пиджине «европейская лексика объединяется с туземной морфологией», а «генезис лингва франка ближе к обычному, более органичному и плавному смешению нескольких языков»³⁹. В советские времена из-за идеологических мотивов опровергали существование пиджинизации на территории СССР, где все народы и языки должны были быть равноправны: «Для языковой жизни народов СССР не характерны столкновения языков, в результате которых один из них "разбивается на кусочки" и создаётся пиджин. Пиджинизация, известная в Западной Африке, – следствие неравноправного социального положения носителей языка-источника, то есть господствующего народа, и подчинённого, зависимого народа – носителя языка-субстрата. При посредстве пиджина языки контактирующих народов между собой не взаимодействуют. Нет у нас также процессов вроде креолизации пиджина – превращения в родной язык в определённых условиях, однако, с узкой социальной функцией» (Абдуллаев 1984: 11).

Ф. Чью в своей недавно опубликованной книге о возникших в последнее время *lingua franca* в общем и в особенности об английском языке как «всемирном» языке утверждает, что впоследствии *lingua franca* обозначала контактный язык, которым пользовались арабские – а позже, турецкие – торговцы в общении с путешественниками, пленниками из Западной Европы. Таким образом, *lingua franca* приобрела смысл «общего языка, употребляемого между носителями разных первых языков»⁴⁰. В наши дни много языков мира могли бы рассматриваться как *lingua franca*, потому что их иногда употребляют с целью общения между носителями разных языков. В этом смысле, русский язык являлся *lingua franca* не только Советского Союза, но даже «огромного пространства между Прагой и Ханом, и хотя частично сохранил эту функцию на постсоветском пространстве, его роль как второго языка ослабилась параллельно с ослаблением советской власти», как это

³⁹ Н. Б. Мечковская в рецензии на учебник по социолингвистике В. И. Беликова и Л. П. Крысина приводит эти определения, критикуя неточность трактовки данного вопроса: «неверно определено понятие 'лингва франка' в его специальном (нерасширительном) значении, [...] неверно сближение генезиса реального языка лингва франка с происхождением пиджинов» (Мечковская 2003: 47).

⁴⁰ «In a broader sense, however, the specific term 'lingua franca' (without capital letters) refers to [...] a 'contact language' used by Arab traders, and later the Turkish in their contact with travelers, prisoners of war, and Crusaders from Western Europe» (Chew 2009: 3-4). Заметим, что, например, в бывших французских колониях до сегодняшнего дня существуют своего рода француско-арабские «сабирь», то есть смешанные языки с французскими и арабскими элементами. По этому поводу см. Tanasković 1982: 35.

случилось и с французским языком в Азии после деколонизации⁴¹. Таким образом, в современной социолингвистике этот термин употребляется для обозначения языка-посредника, неродного никому из говорящих. Е. В. Перехвальская приводит пример русского языка, используемого для коммуникации группами таджиков и эстонцев, который в данном случае будет играть роль *lingua franca*. В дальнейшем исследовательница обращает внимание читателя на то, что «такой язык не является непременно редуцированным, однако обычно оказывается сильно интерферируемым» (Перехвальская 2008: 13).

Благодаря таким понятиям как «редуцированный язык» и «интерференции» мы приближаемся к другим типам контактных языков, то есть к таким языкам, «которые возникли как результат языковых контактов», но характеризуются большей степенью «смешения», как например пиджины и смешанные языки. По поводу рассматриваемого нами русского языка в Солотвине (а также, в Молдове), на данный момент мы не можем употребить эти термины, хотя, в случае если русским языком пользуются не как «языком-посредником» в межэтническом общении, а «как средством групповой самоидентификации для внутригруппового общения»⁴², то этот русский язык вполне способен превратиться в идеальный «смешанный язык» как в Закарпатье, так и в Молдове. Но заметим, что в таких случаях русским языком пользуются не как языком-посредником в межэтнической коммуникации, расширяя границы коммуникативного акта и включая в него все больше участников, для которых этот язык является понятным, а, наоборот – сужает круг коммуникантов, так как они все должны быть полностью двуязычными и иметь те же навыки и предпочтения в использовании русской лексики согласно морфосинтаксическим правилам своего национально языка. Такими смешанными языками являются,

⁴¹ “Many languages in the world today would qualify as *lingua francas* in one sense or another because they are occasionally used for the purpose of communication with speakers of other languages when the need arises. Russian is the Soviet Union’s *lingua franca* (and still partly today between former Soviet territories)” (Chew 2009: 2). “During the heyday of the Soviet Union, Russian was the *lingua franca* from Prague to Hanoi. The decline of Russian power was accompanied by the parallel decline in the use of Russian as a second language. In like manner, French lost most of its prestige in its former colonies” (Chew 2009: 15).

⁴² Для большей точности приведем дословное определение «смешанных языков», с подтипами которых мы не раз сталкивались во время наших наблюдений и на регулярное существование которых обратила внимание и современная лингвистика: «Под смешанными языками с относительно недавних пор понимается вполне определенный класс языков с особыми структурными свойствами и сходной историей возникновения. [...] Смешанный язык – это язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем он возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения. Исходно все члены группы – билингвы, владеющие теми двумя языками, на базе которых возникает смешанный язык» (Вахтин–Головко 2004: 149-150).

например, и суржик в Украине, и трасянка в Белоруссии, и молдо-русский социолект в Молдове, которые не являются предметом нашего исследования, но тем не менее тесно связаны с данной социолингвистической проблематикой. В таких случаях лингвисты говорят о «полуязычии»⁴³ или о смешанном двуязычии, когда при полном сохранении морфологии национального языка носитель смешанного билингвизма совершенно свободно и бессознательно использует лексику другого языка.

Границы между этими лингвистическими терминами контактной лингвистики могут пересекаться. С точки зрения выполненной функции, *lingua franca* и пиджин сближаются, так как обеспечивают межэтническое общение и в то же самое время оба языка ограничены той или иной социальной сферой, в которых это общение происходит. Разница между этими двумя определениями состоит в том, что «пиджин ограничен не только функционально, но и в структурном отношении и характеризуется чрезвычайно бедным словарем и радикально упрощенной грамматикой, причем как то, так и другое часто носит смешанный характер; получающаяся коммуникативная система задевает эстетические чувства носителей тех языков, 'карикатурой' на которые выглядит пиджин. [...] Всякий пиджин функционально – это лингва франка, но лингва франка в структурном отношении не обязательно является пиджином»⁴⁴. *Lingua franca* тоже может быть упрощенным, но может быть и вполне полноценным языком. Пиджин вне данного языкового сообщества не существует, он не может быть родным языком никакой нации, тогда как в качестве *lingua franca* «используется обычно какой-то существующий язык, обладающий своим собственным коллективом говорящих» (Перхвальская 2008: 18). В подтверждении данного тезиса, Е. В. Перхвальская приносит «вариант русского языка, на котором говорят при встрече армянин и аварец, и в этом русском языке, возможно, будут замечены интерференционные процессы. Однако есть и собственно русский язык, свободный от таких процессов. Он и служит «целевым

⁴³ «В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объеме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах. Это явление получило название полуязычия (англ. *semilingualism*). Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена [...]. Особые формы полуязычия образуются в условиях, когда контактирующие языки близкородственны. Так, в результате смешения украинского и русского языков возникает так называемый *суржик* [...], а смесь белорусского и русского языков получила название *трасянка* [...]» (Беликов-Крысин 2001: 38).

⁴⁴ См. подробнее статью о лингва франка на странице онлайн энциклопедии Кругосвет: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/LINGVA_FRANKA.html.

языком», т.е. таким, на котором хотели бы говорить упомянутые армянин и аварец» (Перхвальская 2008: 19).

В соответствии с темой нашей работы, мы можем сказать, что таким языком является и русский язык в Солотвине, на котором общаются преимущественно венгры и румыны между собой.

1.4. Методы проведенного исследования

Необходимость проведения полевой работы была сформулирована известным американским социолингвистом В. Лабовым. Он предлагает некоторые техники, чтобы не попасть в так называемый «парадокс наблюдателя», который своим присутствием влияет на результат исследований, искажая их. В. Лабов в то же самое время предостерегает наблюдателя от неизбежных субъективных элементов в полевой работе⁴⁵, а также предлагает выбирать такие стратегические места наблюдения как супермаркеты, зоопарки. Другие исследователи отмечают, что собственно разговорный язык изучаемого языкового сообщества «трудноуловим для исследователя, не принадлежащего к данному сообществу», и обращают внимание на тот факт, что иммигранты, как и национальные меньшинства, в повседневной жизни при общении с определенными собеседниками «по сути дела пользуются, по крайней мере, двумя устными разновидностями языка, одна из которых используется для общения со 'своими', другая – с 'чужими'» (Рогова 2010: 28). П. Нелде подчеркивает «иррелевантность» письменных документов, например национальных переписей, в сопоставлении с реальностью полевого опыта (Nelde 1986:111). Й. Кларксон, изучая рето-романско-немецкое *Doppelsprache*, также настаивает на том, что в контактной лингвистике не обойтись без полевой работы⁴⁶. У. Виндиш, изучая швейцарскую языковую иерархию, тоже настаивает на том, что опыт важнее, чем лингвистические теории. Он же обращает внимание на то, что швейцарский мультикультурализм и многоязычие стали стереотипными лозунгами, и что конкретных наблюдений уже не проводится (Windisch 1992: 12).

⁴⁵ “Loud and less educated talkers are strongly selected” (см. Labov 1972: 209-211). Дж. Гумперз замечает по поводу словенской деревни в Австрии, что турист может провести там целые недели не услышав ни одного слова по-словенски, потому что словенским кодом пользуются исключительно внутри данного национального меньшинства (Gumperz 1989: 45).

⁴⁶ Clarkson цит. по: Nelde 1986: 165.

Самое важное в полевой работе – это проведение длительного «участвующего наблюдения»⁴⁷, которое является ключевым моментом культурной антропологии в целом, и языковой антропологии в частности. Ч. Борбей, ведя наблюдения над проживающими в Венгрии румынами, тоже предлагает некоторые техники полевой работы и разделяет методы «участвующего наблюдения» от «социолингвистического интервью»⁴⁸. Благодаря регулярно повторяющимся участвующим наблюдениям, или как еще называют этот метод «включенным» наблюдением⁴⁹, ко мне стали относиться как к выходцу из Солотвина, который родился в городе, но потом уехал в Венгрию, как многие другие солотвинцы. Мне удалось через относительно короткое время (буквально во время третьей поездки, тогда уже к знакомой учительнице) «внедриться в группу», сделаться «таким же, как все». Мое различие в произношении с коренными солотвинцами объясняли с одной стороны тем, что «дескать, давно уже уехала из родного города», а с другой – что, родной язык, по всей видимости, у меня иной, чем у моего собеседника. Но и этот метод не лишен опасности. Авторы книги о методах прикладных социальных исследований предостерегают исследователя, который «переходя к роли участника, [...] рискует потерять объективность, «стать туземцем», утрачивая способность удивляться и видеть что-то необычное в знакомом» (Романов–Ярская–Смирнова 2008: 68). Как видно из вышеприведенных цитат, полевая работа полна камнями преткновения.

Одну из главных трудностей уже при анализе собранного материала в работе с контактными языками – это определение языка, на котором прозвучало данное высказывание⁵⁰. Одно и то же предложение может быть интерпретировано по-разному. Л. В. Щерба в своей работе «О понятии смещения языков» говорит, «что в

⁴⁷ “For anthropologists and social scientists, participant observation is a method in which a researcher takes part in the daily activities, rituals, interactions, and tacit aspects of their life routines and their culture” (DeWalt–DeWalt 2002: 1). Насчет ключевых элементов метода участвующего наблюдения, среди которых авторы перечисляют как главные «длительное проживание в контексте», «учение и пользование местными языками и диалектами», и т.д. см. DeWalt–DeWalt 2002: 4-5.

⁴⁸ „A magyarországi románok kódváltásának vizsgálatához két típusú adatot használok fel. Az egyik a résztvevő megfigyeléssel gyűjtött természetes beszélgetések előforduló kódváltás, a másik pedig a szociolingvisztikai interjúkban előforduló kódváltás. [...] a beszélgetések után jegyzeteket készítettem úgy, hogy a megfigyelt személyek ne észleljék, hogy nyelvészeti adatgyűjtést végzek. Más típusú adatokat gyűjtöttem össze szociolingvisztikai interjúk felvétele közben” (Borbély 2000: 110).

⁴⁹ «Социолингвистика активно осваивает заимствованный у социологов метод включенного наблюдения. Для изучения речевого поведения людей этот метод в каком-то смысле даже более необходим, чем в социологических исследованиях: речь человека чувствительнее, чем многие другие стороны его поведения, к внешним воздействиям, которые искажают истинную языковую жизнь отдельного человека и целого коллектива; поэтому задача устранить эти внешние воздействия здесь еще более настоятельна» (Беликов–Крысин 2001: 282-283).

⁵⁰ „Az előrehaladott nyelvcserek esetében a nyelvészek nehezen tudják megállapítani, hogy a beszélők (éppen) melyik nyelvet használják” (Borbély 2000: 110).

смешанных языках с двумя терминами считается, что речь принадлежит тому языку, на котором выражены грамматические связи. Например, анекдотическая фраза на 'петербургском' немецком языке: 'Bring die банка mit варенье von der полка im чулан' ощущается как немецкий язык» (Щерба 1974: 72). Вслед за У. Вайнрайхом и В. Ю. Розенцвейгом, Ш. Рот указывает на слабость такого определения. Он считает, что «речевое произведение билингва следует отнести к тому языку (А или Б), на котором из них выражена основная часть его темы, а не рема» (Рот 1973: 388).

Что касается методов нашей полевой работы, мы делали письменные заметки, магнитофонные записи (скрытые и явные) спонтанной речи⁵¹, а также интервьюировали⁵² собеседников между 2004-2010 гг. как в Закарпатье, так и в Молдове⁵³. Хотя наши заметки и записи со строгой социологической точки зрения не могут считаться репрезентативными, они все-таки имеют достоинство быть результатом длительной полевой работы в летних и зимних не всегда легких условиях. Как стратегические места наблюдения мы выбрали городскую поликлинику, школьные классы, магазин, почту, банк, бары, кафе города.

С 2007 года по 2009 год мы также провели опрос учеников русско-украинской школы Солотвина, а также венгерской и румынской школы посредством тестов, направленных на выявлении языковой компетентности учеников и их многоязычия. В своих анализах мы использовали и сочинения учеников на темы *Мой город* и *На каких языках я говорю*. Те же тесты и анкеты были заполнены и приднестровскими школьниками, жителями трехязычного Тирасполя. При составлении анкет мы черпали идеи из книг Л. Гёнца, И. Черничко, И. Ланштыка из серии о венгерском языке в Карпатском бассейне⁵⁴, а также из книги посвященной национально-русскому двуязычию, составленной Ю. Дешериевым (Дешериев 1976: 29-30) и из недавно опубликованной книги З. Кармачи, содержавшей результаты опросов и наблюдений над двуязычными детьми Берегова и Мукачева (Karmacsy 2007).

⁵¹ «Скрытая магнитофонная запись часто применяется в "полевых" условиях: в магазине, вагоне поезда, у железнодорожной кассы, на приеме у врача и т. п.» (Беликов-Крысин 2001: 284).

⁵² По поводу интервью, заметим, что во время их проведения, информанты сознательно избегают смены языка, и ведут себя менее естественно, как заметил и И. Черничко в своей статье, посвященной изучению родного языка венгерского национального меньшинства в Закарпатье: „Interjúim szinte teljesen alkalmatlanok a kárpátaljai magyarok kódváltási stratégiáinak elemzésére” (Csernicskó 2004: 32).

⁵³ А. Павленко считает, что этнографические методы должны дополнить данные национальных переписей: “Recent work in the field at large and in the present collection supplements census and survey data with data gathered through ethnographic methods, participant observation, individual and group interviews, linguistic biographies, analysis of media texts, and experimental data from matched-guise tests” (Pavlenko 2008/a: 306).

⁵⁴ См. Csernicskó 1998, Göncz 1999, Lanstyák 2000.

2. Представление изучаемого языкового пространства

2.1. Географическое расположение Солотвина и исторические данные, повлиявшие на местную языковую ситуацию

Шахтерский город Солотвино / *Aknaszlatina* / *Slatina* находится на украинско-румынской границе, на берегу реки Тисы и в 100 километрах от венгерской границы (см. карты № 2-5). Уже в средневековой Венгрии здесь добывали соль. Он был источником важных доходов для королей династии Арпадов. А сегодня, благодаря соленым озерам и аллергологической республиканской больнице, Солотвино известно не только в Киеве, но и в странах СНГ, откуда съезжаются туристы и больные. Некоторые историки считают, что уже в XVI–XV веке до нашей эры занимались добычей соли на этой территории. Об этом свидетельствуют недавние местные археологические раскопки (Kovách 2000: 10). Другие историки напоминают о существовании городища II–I вв. до н. э.⁵⁵ Соль притягивала жителей и в период Римской империи, что подтверждают найденные вокруг нынешних шахт селения того периода и старая солекопальня I–II вв. Сегодняшняя топонимия преимущественно славянского происхождения⁵⁶, в том числе и венгерское название селения *Szlatina*, первое упоминание которого восходит к 1360 году, то есть к временам короля Людовика Великого: *Zalatina*, *Zlathina*. В 1411 году напоминают о *Zlathina Pathaka* в указе короля Сигизмунда.

Известная до сегодняшнего дня легенда гласит, что венгерский король Бела IV во время татарского нашествия искал союз с Польшей и женил свою дочь Кингу с Владеславом, краковским герцогом в 1239 году. Вернувшись в Венгрию, Кинга (в Польше ее звали Кунигунда) получила в подарок соляную шахту, в которую, согласно обычаям того времени, бросила свое кольцо. После возврата в Польшу, она увидела сон, в котором она должна была начать добычу соли около Кракова. Когда подняли первый кусок соли из-под земли, в нем нашли брошенное Кунигундой в Солотвине кольцо. Так зародилась первая и самая знаменитая в Польше солекопальня Виелицка (см. Kovács 2005: 43). Эту легенду рассказывают и гиды в шахте в Виеличке, и жители Солотвина. Нам удалось записать местную версию этой легенды от 63-летней Э. А., дочь шахтера: «В тысяча пятьсот или каком году

⁵⁵ См. заметки к карте Закарпатья на русском языке, изданной в 1988 году (Карта № 4 в Приложениях).

⁵⁶ Для ознакомления с «антивенгерской» панславистской трактовкой истории Закарпатья начиная со средневековья, см. Пушкаш 2006: 1-7.

приезжал *Béla király*, женился на польской, как ее звали, не помню, дочь звали Кунигунда и он проезжал по этой трассе... Тогда Солотвино еще не существовало, но соль наверное уже добывали, вот Хуст вот эти замки были, он проезжал *Visk*, Хуст, Ужгород и тогда они *Máramarossziget* проехали, тогда это был как центр для Солотвины, и тогда он посмотрел, показал дочери и говорит, 'Я тебе подарю' – вот такая легенда, ну, не легенда, говорят правда – 'я тебе подарю вот эту шахту' и тогда уже начали добычу соли. Она тогда взяла кольцо и бросила в одну из этих... котлованов, где уже добывали соль. Потом они уехали, и через три года она нашла кольцо в Польше, потому что в Польше тоже были рудники, солекопальни, и там она кольцо нашла. Значит, они считают, что какие-то подземные воды, связи есть между Польшей и даже с Румынией, это само собой. Это была уже девятая шахта»⁵⁷. Как мы видим из рассказа жительницы Солотвина, легенда о Кунигунде и ее кольце до сих пор живет в сознании солотвинцев. Заметим следующие особенности речи информанта, в которой пробиваются элементы родного венгерского языка, хотя говорит Э. А. на превосходном русском языке с невероятной скоростью. Средневековый король Венгрии Бела IV фигурирует в ее речи как *Béla király*, а также редко используемая и исторически окрашенная топонимика в русской речи тоже сохраняет венгерскую форму (*Visk*, *Máramarossziget*). В связи с Мараморошсигет, напомним, что этот город находится в настоящее время на территории Румынии, его официальное название Сигету-Мармации, на всех местных языках упрощенно Сигет, но в вышеприведенной цитате рассказчица приводит традиционное венгерское название «Мараморошсигет» как бы в память давно минувших дней.

В XVIII веке начинают добывать соль из-под земли, то что породило название *Aknaszlatina*, то есть «шахта Солотвино», которое было официальное название до конца первой мировой войны. В те времена отдельно существовали два селения, одно, в котором проживали в основном венгры-солекопы, подчинявшиеся непосредственно королевской казне, второе же было *Faluszlatina*, в 2-3 километрах от *Aknaszlatina* в близости реки Тисы, и в котором проживали румыны⁵⁸. Во второй

⁵⁷ Текст переписан со звуковой записи интервью с Э. А. (Солотвино, февраль 2011 г.). См. полный текст интервью в Диалоге № 7 в Приложениях к данной работе.

⁵⁸ „Akna-Szlatina úgynevezett *handal* vagyis kincstári község, ahol minden telek a kincstáré, de ki van osztva a bányászok azaz *sóvágók* között, akik házukat ilyen telkeken építik. El nem adhatják, tehát még csak zsidó sem lakhat a községben, a lakosság mind római katolikus s egytől-egyig magyar sóvágó, no meg sótiszték, plébános, orvos, patikus, szintén kincstári urak. Mondottam, hogy mind magyar e nép, pedig a

половине XIX века существовало и название *Szlatinafired*, которое упоминается как курортное место с соленой водой.

После Первой мировой войны Закарпатье вошло в состав Чехословакии и *Aknaszlatina* переименовали в *Slatinsky Doly*. В 1939 году после возврата в состав Венгрии, вновь обрел название *Aknaszlatina*. В 1945 году *Aknaszlatina* и *Faluszlatina* вошли в состав СССР как одно селение *Солотвино*. Интересно заметить, что коммунистическая идеология мотивировала вход Закарпатья в СССР волей «трудящихся закарпатцев» – без определения их национальности –, но в некоторых работах лингвистического характера наряду с темой интернациональной рабочей солидарности парадоксально просвечивается и (велико-)украинский национализм, который славит «воссоединение» Закарпатья «со своей матерью УССР», и даже напоминает о «неискупленной» западной части «украинской этнической территории», которая осталась в составе Чехословакии.⁵⁹ Заметим также, что шахтерская рабочая традиция Солотвина сохранилась в памяти нынешних солотвинцев, которые с гордостью вспоминают о праздновании 1-го мая – интернационального дня рабочих – даже перед Второй мировой войной, то есть в чешские и венгерские времена.

В социально-экономической жизни городка важную роль сыграла и продолжает играть соляная шахта. Находившийся здесь один из самых крупных солерудников средневековой Венгрии, а потом и Австро-Венгрии, продолжил свою деятельность и в советские времена. По воспоминаниям солотвинцев, 70-ые годы характеризовались культурным и экономическим процветанием. Как свидетельствует шестидесятитрехлетняя Э. А., тогда «очень хорошо жили люди,

családi nevek nagyobbára németek. [...] A handal félórányira van a legközelebbi magyar helytől, Máramaros-Szigettől, de ettől is leválasztja Falu-Szlatina község, melynek lakossága két harmad részben oláh, egy harmadában lengyel zsidó» (Csapodi 1907: 32).

⁵⁹ Приведем для иллюстрирования вышесказанного цитату из книги Б. Добоша о южно-карпатских украинских говорах, которая несмотря на свою насыщенность коммунистическими лозунгами, кратко резюмирует исторические изменения 20-го века в Закарпатье: «більш як 70-річний складний, надзвичайно контрастний і бурхливий у суспільно-політичному і соціальному відношенні період історії південнокарпатських українців, протягом якого територія досліджуваних говорів перебувала у складі монархічної Австро-Угорщини під безпосереднім адміністративно-політичним управлінням власне Угорщини (до 1918 р.), буржуазної Чехословаччини (до 1939 р.), під окупаційним режимом хортівської фашистської Угорщини та фашистської т. зв. «Словацької республіки» (західна етнічна українська частина) аж до визволення героїчною Радянською Армією в кінці 1944 [...] і на початку 1945 р. [...] Скоро після визволення від німецько-фашистських та угорських загарбників більша частина досліджуваної території [...] волею її справжніх господарів – трудящих закарпатців була воз'єднана з своєю матір'ю УРСР. [...] Решта південнокарпатської української етнічної території залишилася у складі Чехословаччини, де також згодом трудящі взяли владу у свої руки і приступили до будівництва соціалістичного суспільства» (Добош 1971: 9).

довольно в достатке, была своя музыкальная школа, русская, молдавская школа, даже в Ужгород ездили наши дети, даже поступали в музучилище, на высоком уровне было Солотвино особенно по музыкальной линии тогда. Солотвино – самый первый поселок, который имел музыкальную школу. Был свой духовой оркестр, очень большой духовой оркестр. Были такие эстрадные оркестры отдельно»⁶⁰.

В последний год существования СССР (в 1991 г.) здесь добывали еще 400 000 тонн соли на глубине 380 метров, но после распада Союза добыча соли драматически сократилось до 89 000 тонн в 1998 году (Kováč 2000: 23). Из-за наводнения шахт, солерудник буквально прекратил свою деятельность в 2010 году. Существовавшая с 1967 года подземная аллергологическая больница, в которую приезжали желающие вылечиться от астмы со всего Советского Союза, тоже работала долгое время до своего закрытия в 2011 году. В украинских СМИ регулярно появляется информация о судьбе солотвинского солерудника и аллергологической больницы⁶¹. Несмотря на сложившиеся в последнее время экономические трудности, заметим, что окруженное некоторыми румынскими селами Солотвино находится в знаменитой во всем Закарпатье зоне многоэтажных семейных коттеджей, которые возникли в последние 20-30 лет благодаря миграции на заработки местных жителей в Россию, в Чехию, в Венгрию или в Западную Европу. В этой труднейшей экономической ситуации, в 2005 году был открыт отремонтированный мост через Тису в Румынию, который предоставляет обладателям румынской визы возможность заниматься мелким бизнесом с Румынией. После входа Румынии в Европейский Союз, Румыния была вынуждена ввести те же самые налоги как на европейском рынке на бензин и на сигареты, что породило огромную разницу между ценами этих товаров в Украине и в Румынии. «Бензиновый» и «сигаретный» туризм стал главной причиной возрастания движения в этом приграничном поселке. Напомним, что во времена Советского Союза, этот городок был «закрытым» городом из-за его близости к границе. И в первые годы украинской власти граница была непроходимой, а берег Тисы был огорожен колючей проволокой. Границу открыли для пешеходного и автомобильного движения только после 14 лет переговоров между независимой Украиной и

⁶⁰ Звуковая запись интервью с Э. А. (Солотвино, февраль 2011 г.). См. полный текст интервью в Диалоге № 7 в Приложениях).

⁶¹ О посещении солерудника министром по чрезвычайным ситуациям, см., например <http://ua-reporter.com/novosti/100518>; о подземной аллергологической больнице см. <http://ua-reporter.com/novosti/100538>.

Румынией. С точки зрения наблюдателя-лингвиста, это на первый взгляд радостное событие может повлиять в дальнейшем и на языковой баланс этого раньше закрытого городка и радикально изменить его языковую иерархию. В последнее время румынский элемент укрепился не только из-за пограничного движения в Румынию, а также за счет переселенцев из окружающих румынских сел, которые считают Солотвино своим экономическим и культурным центром⁶².

2.2. Демографические, этнические, социальные и языковые соотношения в Солотвине в цифрах и датах

По данным переписи населения 1869 года в шахтерской части селения, то есть в *Aknaszlatina* проживало 1572 венгра, а в сельской части, то есть в *Faluszlatina*, проживало 1755 румын и евреев. Согласно переписи 1900 года, население *Aknaszlatina* насчитывало 2320 жителей, а *Faluszlatina* – 3353 жителя (Kovács 2000: 89). По данным переписи 1910 года, в *Aknaszlatina* проживали 2330 жителей, из которых 2312 признали венгерский как родной язык, а по религиозной принадлежности жители разделились следующим образом: 1318 римскокатоликов, 970 грекокатоликов и 31 реформат (Zentai 2001: 89). Грекокатолики, по всей вероятности, были румынского или русинского происхождения⁶³. В *Faluszlatina* в том же году числилось 3860 жителей, из которых венгерский язык признали как родной 470 жителей, немецкий – 1834 и румынский – 1529. По вероисповеданию: 294 римскокатолика, 1663 грекокатолика и 1838 иудаистов (Zentai 2001: 108). Как мы видим из вышеприведенных данных, идиш считался диалектом немецкого языка, а число венгрозязычных опять превышает число римскокатоликов. Это обозначает, что в те времена часть грекокатоликов считали себя венграми. Заметим, что в 1949 году грекокатолическая церковь была запрещена и распущена, а ее верующие были вынуждены перейти к православию или римскому католицизму⁶⁴.

В 1989 году в объединенном Солотвине проживало 9300 жителей, из которых 3970 румын, 3200 венгров (Dupka–Horváth–Móricz 1990: 116). По данным официальной всеукраинской переписи 2001 года, согласно данным приведенным на

⁶² „A bányásztelepülés a környéken élő kárpátaljai románok számára vonzó, egyre többen települnek be a környező” falvakból, ezt a települést tartják szellemi központjuknak, itt hozták létre a román tannyelvű liceumot” (Orosz 2007: 31).

⁶³ „A magyar görög katolikusok tehát több rétegben betelepült nemzetiségek (ruszinok, szerbek, románok, görögök) elmagyarosodott utódai” (Pilipkó 2007: 27).

⁶⁴ См. подробнее Pilipkó 2007: 70-88.

странице Венгерской Академии, население Солотвина составляло 8956 жителей, из которых венгров было 2193⁶⁵. Согласно другим венгерским изданиям, в Солотвине проживало к 2001 году 4000 венгров. Из-за множества смешанных браков очень трудно определить точный национальный состав селения⁶⁶. В основном венгры римскокатолики, но среди них числятся и реформаты. Римско-католическая церковь насчитывает 3500 верующих (Orosz 2004: 62). Румыны в основном православны, но среди них есть и грекокатолики, и нео-протестанты. В процентном соотношении, в городе проживают приблизительно 30 % венгров и 60 % румын. Такой национальный состав населения является довольно уникальным⁶⁷, в том смысле, что два национальных меньшинства формируют преобладающее большинство одного населенного пункта Украины, что с нашей точки зрения является главной причиной «выживания» русского языка как *lingua franca* в этом языковом пространстве. Подобное положение, хотя редко, но существует в регионе: например, на юге Молдовы, в гагаузско-болгарских смешанных селениях, национальные меньшинства продолжают общаться на русском языке, несмотря на нарастающее влияние во всех сферах жизни государственного молдавского⁶⁸. Это подтверждают и недавние наблюдения Т. Млечко: «использование русского языка и незнание болгарами и гагаузами юга Молдовы государственного языка – одна из характеристик современной языковой ситуации в РМ» (Млечко 2007: 535).

Первое упоминание о школьных заведениях в бывшем мараморошском крае Венгерского Королевства совпадает с периодом Реформации. Первая школа была открыта в Сигете в 1524 году, но первые католические школы открылись в 1778 году. В Солотвине первая школа была открыта во времена правления Марии-Терезы согласно закону об образовании *Ratio Educationis* (Kováč 2000: 78). Вначале языком преподавания был немецкий, а с 1790 года венгерский язык стал заполнять первичную роль. Позже, в 1816 году, открылась и греко-католическая начальная

⁶⁵ См. http://adatbazis.mtaki.hungary.com/?mtaki_id=110634&settlement_name=

⁶⁶ О трудностях определения этноса и родного языка во время переписи населения см. строгую критику, которой подвергает Н. Б. Мечковская учебник по социолингвистике В. И. Беликова и Л. П. Крысина, где по мнению рецензента авторы учебника игнорировали важную оппозицию «языковое бытие – языковое сознание» (Мечковская 2003: 45).

⁶⁷ Недалеко от Солотвина, по ту сторону румынской границы, в трехязычном населенном пункте Coștiu / Rónaszék / Ривня мы наблюдали аналогичную ситуацию, где большинство населения представлено двумя национальными меньшинствами: венграми и украинцами, а румынская титульная нация не превышает 10 %. Но заметим, что здесь нет нейтрального, «над-национального» (четвертого языка), как в Солотвине или в гагаузско-молдавском Комрате.

⁶⁸ По поводу разных аспектов функционирования русского языка в Молдавии см. также Тудосе 2007 и Русецка 2007.

школа на румынском языке в *Faluszlatina*. Во время чехословацкой власти действовали чешские школы, но продолжали существовать и румынская, и венгерская школы.

В 1936 году была построена новая средняя чешская школа, которая в 1939 году превратилась в венгерскую, а сегодня в этом здании учатся ученики румынской школы (Kovách 2000: 97).

В 1945 году в Солотвине были открыты три самостоятельные школы: на украинском, на венгерском и на румынском языке обучения⁶⁹. Согласно другому источнику, существовала и русская школа⁷⁰. В основном, в Закарпатье классы с русским языком обучения были предназначены для детей военных⁷¹, но из-за их высокого качества (строили новые здания), а также благодаря престижу русского языка, и местных детей отдавали учиться в эти школы. В 1968 году была открыта новая школа, в которой соединили русско-украинскую и венгерскую школу (Kovách 2000: 108). Заметим, что после Войны в Восточной Словакии (в Прешовском крае) для русинов создали условия для обучения на русском литературном языке. Но в 1950 году было принято решение перейти на украинский язык обучения в этих школах, то что вызвало протест местных жителей, которые заявили, что лучше станут словаками, чем украинцами⁷².

Уточним, что школа и детский садик местных румын в советские времена назывались молдавскими, а их язык именовался также молдавским и писался кириллицей, как и в Молдавской ССР. Местные румыны, которые продолжали свою учебу в высших учебных заведениях, поступали в молдавские ВУЗ-ы⁷³.

В 1989 году венгерская школа отделилась и переехала в старое здание бывшего детского садика. Русско-украинская школа превратилась в украинскую

⁶⁹ „1945-től három önálló ukrán, magyar és román tannyelvű iskolát nyitották. 1965-ben összevonták a magyart és az ukránt, majd orosz osztályokat is nyitottak. 1989-ben [...] a magyar iskola visszanyerte önállóságát” (Orosz 2007: 31).

⁷⁰ „1945-ben [...] községünkben még működött egy orosz és román tannyelvű hétéosztályos általános iskola is” (Kovách 2000: 98).

⁷¹ Были построены «русские школы для детей военных, которые в большом количестве располагались в области» (“Russian schools for the children of the armed forces, stationed in great numbers in the region” (см. Magocsi 1978: 267).

⁷² “Prešov region: after the liquidation of Russian schools in 1950, the local Rusyns preferred to become Slovaks rather than being Ukrainized” (Magocsi 1978: 270).

⁷³ По словам В. Т. (43 года, венгерка, учительница английского языка в местной венгерской школе): «с молдавской школы все ехали поступать в Молдавию, в то время все учились в Молдавии» (Солотвино, январь 2011 г.).

«загальноосвітню школу», в которой (пока еще) действует класс с русским языком обучения.

Мы видим, что тенденция последних лет – это обособление школьных учреждений, но в то же самое время, есть некоторые знаки сознательного сближения языков обучения. В школах, по требованию родителей, открывают факультативные курсы языка соседнего национального меньшинства. Таким образом, в румынской школе в 2001 году организовали курсы венгерского языка в трех группах⁷⁴. По всей вероятности, такое требование родителей появилось в связи с нарастающим числом смешанных браков. И как мы увидим ниже, смешанные браки могут способствовать не только учению детьми языков обоих родителей, но и русского языка, который исполняет роль средства межэтнического общения и внутри семьи.

2.3. Сожительствующие народы Солотвина: румыны, венгры, русины, украинцы, русские, евреи

Венгры, румыны, евреи и русины сожительствоуют в Солотвине уже века. Русские появились после соединения Закарпатья к Советскому Союзу, то есть после Второй мировой войны, хотя русофильское движение в Закарпатье пользовалось особой популярностью среди местных русинов уже в XIX веке. Часть закарпатских русофилов считала русский язык литературной формой их местного диалекта⁷⁵. Солотвинцы с гордостью перечисляют своих друзей, знакомых или родственников – представителей разных национальностей. Ш. Рот в своей книге о языковых контактах, вышедшей в 1991 году, перечисляя разные типы многоязычия, приводит в пример как редчайшее явление солотвинское пятиязычие, или выражаясь термином Ш. Рота «украинско (русинско; рутенско)-венгерско-румынско-словацко-еврейский квинтолингвизм в закарпатском Солотвине»⁷⁶. Интересно заметить, что

⁷⁴ „2001-es évben a szülők kérésére a román középiskolában három csoportban magyar fakultációt vezetnek” (Orosz 2007: 31-32).

⁷⁵ «Однако русский язык в крае вплоть до октября 1940 года сохранял весомые позиции. Значительная часть местной интеллигенции хранила верность русофильским традициям» (Káprály 2003: 180).

⁷⁶ “[...] subordinate bilingualism, e.g. Hungarian – English bilingualism emerging in the process of the acquisition of English by students of Hungarian schools, colleges, and universities, (...) to permanent intraregional ones, which include natural (or social) group coordinative bilingualism and polylingualism (or multilingualism or plurilingualism, e.g. American English – Spanish bilingualism in Los Angeles (USA) or Slovak – Hungarian – German trilingualism in Bratislava (Pozsony, Pressburg – Czech and Slovak Federative Republic) or Rumanian – Hungarian – German – Serbo-Croatian quadrolingualism in Timisoara (Temesvár; Temesburg – Romania) or even Ukrainian (Rusin; Ruthenian) – Hungarian – Rumanian – Slovak – Yiddish quintolingualism in Solotvino (Szlatina: Akna Slatina – Subcarpathia or Transcarpathia) [...] ” (Rot 1991: 16).

III. Рот в этот «квинтолингвизм» не включает русский язык, хотя по воспоминанию местных жителей русский язык был широко распространен уже с 60-ых годов. Мы можем предложить несколько возможных объяснений этого неупоминания русского языка среди языков солотвинцев. Первое – вероятно, автор хотел избежать слишком длинное перечисление восточно-славянских языков и диалектов. Второе объяснение может быть таковым: местные неславянские жители не заботятся о точном различии между восточнославянскими народами, называя их с предпочтением одним обобщенным словом «русские» (т.е. *oroszok* (венг.) или *ruși* (рум.))⁷⁷, может быть и в силу того, что преобладающую роль в определении этноса традиционно играла религия, а не язык или диалект.

Во времена Советского Союза Солотвино появлялось в прессе и как пример социалистического интернационализма, слегка преувеличивая число местных народностей, как это было модно в те времена в Закарпатье: «Широкую переписку, как и много других видов интернациональной работы, наладил межшкольный клуб интернациональной дружбы поселка Солотвино Тячевского района, где проживают представители 18 национальностей, а дети учатся на украинском, а дети учатся на украинском, русском, венгерском и молдавском языках» (*Народное образование* 1980: 24).

Тем не менее, до сегодняшнего дня солотвинцы осознают свое многоязыковое превосходство и без комплексов передают свои знания, свой опыт, свое восприятие мира и приезжим, переселенцам или просто интересующимся. Приведем в подтверждение вышесказанного отрывок из беседы с учительницей русского языка О. А., которая вышла замуж за солотвинца и переехала жить в Солотвино из России: *«Меня не то, что поразило тогда в первый раз, меня вообще восхищает то, что здесь так много языков знают. У меня муж свободно владеет на венгерском, он румын, у него венгерский как второй родной язык, на русском он учился в России, а украинский – так. Вы знаете, что удивительно, они говорят, правильно-неправильно, здесь все местные спокойно говорят-говорят, потихонечку они привыкают, и начинают говорить, и общаться, и так у них должно быть... У них в общении 4 языка и это их родные языки...Мы знаем один язык, и я, значит, говорю только на этом языке и для меня это так естественно, потому что такая была среда*

⁷⁷ Такое народное использование термина «русский» может объясняться и тем, что «этноним русь, русичи, русские сохранялся как самоназвание всех восточных славян значительно дольше их языковой общности (существовавшей до XIV-XV вв.)» (Мечковская 2003: 48).

общения. А вот здесь молодцы, я восхищаюсь! Во-первых, у них нет такой вражды по отношению одного языка к другому, к разноязычным людям, поэтому здесь нет таких этнических столкновений»⁷⁸.

Жители Солотвина гордятся и своим знаменитым соотечественником еврейского происхождения, медиамагнатом Р. Максвеллом, который родился в принадлежащем в то время Чехословакии поселке Солотвино в 1924 году. В посвященной ему монографии, Дж. Хенс пишет о еврейской общине поселка Солотвино довоенных времен: «Общий язык евреев из Солотвина был идиш [...]. Все евреи, или почти все говорили на трех или четырех языках: как правило, на венгерском, который считался языком интеллектуалов, на чешском и на румынском»⁷⁹.

В советские времена в СМИ не раз появлялся городок Солотвино, как пример интернационализма и международной дружбы: «Далеко за пределами нашей области известен интернациональный клуб школьников в поселке Солотвино. Он ведет увлекательную и полезную работу по интернациональному воспитанию детей. [...] Почетными членами этого клуба ныне состоят Долорес Ибарури, Фидел Кастро, Шолохов, Леонов, Тихонов»⁸⁰. В 1972 году в украинском педагогическом журнале появляется заметка о четырехязычном образовании в Солотвине: «Комсомольці й піонери селища Солотвино тячівського району, де є школи з українською, російською, румунською і угорською мовами навчання. В 50-х роках тут було створено міжшкільний 'клуб юних інтернаціоналістів', відомий під назвою 'Дружба'⁸¹. Как оказалось, один из наших информантов, а именно Э. А. – учительница начальных классов, ныне на пенсии – , была в свои школьные годы активной участницей этого интернационального клуба. По ее словам, «придумал этот Клуб Интернациональной Дружбы – как сказать? не придумал же?! – организовал директор Леонид Петрович Лапицкий, историк, ветеран войны. Был запотчаткован, то есть, создан с шестидесятого года и действовал где-то до

⁷⁸ На основе звуковой записи интервью с русскоговорящей учительницей русского языка, переселившейся в Солотвино 25 лет назад (Солотвино, октябрь 2007 г.). См. полный текст данного интервью в Диалоге № 6 в Приложениях.

⁷⁹ „La langue commune aux juifs de Solotvino était le yiddish [...]. Tous les juifs, ou presque, parlaient trois ou quatre langues: généralement le hongrois, considéré comme la langue des intellectuels [...], le tchèque et le roumain” (Haines 1988: 19).

⁸⁰ *Партийная жизнь. Журнал ЦК ВКП*, 29/1964: 20.

⁸¹ *Радянська школа*, 1972/1-6: 46.

восемьдесят пятого года. Полпредом⁸² этого клуба – как бы почетный член, заслуженный член – был Юрий Гагарин и еще немецкая глава, кто тогда был». Интересно отметить, что этот клуб воспитывал своих участников не только в духе пролетарско-интернациональных ценностей, но также в духе познания и взаимного уважения местных национальностей. Согласно воспоминаниям Э. А., «когда заседания клуба были, члены интернационального клуба приходили в своих национальных костюмах, соответственно венгры – в венгерских, румыны – в румынских»⁸³.

Конечно, это активное многоязычие солотвинцев сказывается и на их родной язык. Например, в пособии по изучению венгерских говоров Закарпатья среди записанных интервью фигурирует и высказывание одного учителя русского языка ныне на пенсии из Вышково, который следующим образом характеризует венгерское произношение солотвинских венгров: *«Я очень любил солотвинских ребят, они очень умны, но их венгерская речь, их произношение совершенно паршивое, в этом беда»*⁸⁴. В этом же пособии авторы упоминают о том, что есть «солотвинский венгерский говор» и в подтверждение приводят цитату венгерского лингвиста-этнографа начала XX века И. Чаподи, который на основе солотвинского венгерского диалекта среди первых заметил характерные явления изолированных венгерских диалектов, как укорочение согласных и удлинение гласных в особых позициях. Согласно его замечаниям, только венгры-реформаты из Сигета и Тячева считают себя «настоящими венграми», и по венгерской речи других людей могут угадать, являются ли они русинами, румынами или швабами (т.е. католическими венграми)⁸⁵. Вопрос об изолированных говорах данного языка может быть интерпретирован двояко: как испорченный язык, оторванный от процесса «естественного развития языка» в силу «исчезновения привычного языкового фона»

⁸² То есть, полномочный представитель, или полноправный представитель. Данному слову в толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова дается следующее объяснение: «Полномочный дипломатический представитель Советского государства (1918 - 1941 гг.) при иностранном правительстве; посол».

⁸³ На основе письменной записи интервью с Э. А. (Солотвино, февраль 2011 г.).

⁸⁴ „Szlatai teljesen pocsek, az, teljesen, [...] Én nagyon szerettem a szlatinai gyerekeket, nagyon értelmesek is, de a magyar beszédük az, a kiejtésük, az teljesen pocsek, az baj” (Csermicskó–Márku 2007: 330).

⁸⁵ „[...] tulajdonképpen csak a szigeti és técsői magyar, kivált a református, tartja magát régi magyarnak, a többiek magyar beszédjéről meg tudja mondani, hogy orosz, oláh vagy sváb (katholikus magyar). És csakugyan a szigeti katolikusok beszédje emlékeztetett a szlatinai szójéjtésre” (Csapodi 1907: 32, цит. по: Csermicskó–Márku 2007: 98).

(Рогова 2010: 32) или как полноценный подтип регионального диалекта⁸⁶. Местный румынский язык также сильно отличается и от бухарестского стандарта, и от кишиневского его варианта, так как он пропитан местными венгерскими и славянскими элементами. Местные румыны осознают эту разницу, гордятся ею, считая румынский КЛЯ испорченным разными заимствованиями «из лексиконов»⁸⁷. Под отрицательную роль «лексиконов», вероятно, подразумеваются галлицизмы современного литературного румынского языка. Похожее явление наблюдаем в 20-ых и 30-ых годах в Молдавской Советской Социалистической Автономной Республике, когда молдавские языковеды и партийные деятели, стараясь создать отдельный от румынского молдавский язык, опровергали «офрануженную буржуазную румынскую терминологию, совершенно непонятную молдавскому народу» (Gribincea-Şişcanu 2004: 291).

Так же как и венгерский язык сто лет назад, сегодняшний русский язык в Солотвине, исполняя функцию языка межэтнического общения⁸⁸, отражает – в первую очередь на фонетическом уровне – этническую принадлежность и / или первичный языковой фонд данного носителя языка. Все наши информанты – которые на вопрос «*На каком языке Вы обратитесь к незнакомому человеку в Солотвине?*» ответили почти без исключения, что на русском – единогласно утверждают, что они сразу могут определить «по акценту и интонации» русского языка, принадлежит ли их собеседник к румынскому или венгерскому этносу.

Исходя из вышесказанного, солотвинский русский язык тоже может быть рассмотрен как оторванный, неполноценный, испорченный язык в процессе пиджинизации или же как самостоятельный региональный вариант русского КЛЯ, который заслуживает тщательного описания.

⁸⁶ Диалектолог Каталин Хорват считает, что у закавказских венгерских говоров есть солотвинский-раховский подтип, который характеризуется отсутствием длинных гласных, с исключением *á, é*: „Horváth Katalin dialektológus szerint a kárpátaljai magyar nyelvjárásoknak van egy aknaszlatinai-rahói altípusa. Jellemző rájuk, hogy (az *á* és *é* kivételével) nem használják a hosszú magánhangzókat” (Csernicskó-Márku 2007: 18).

⁸⁷ См. высказывание Д. А. (41 год, румын, выпускник Кишиневского Института Агрономии): „*Limba lor este corcită cu lexicoane*”. В переводе: «их язык [то есть румынов в Румынии] испорчен лексиконами. См. также венгерские элементы в румынской речи того же информанта как *a feştlui* (красить, ср. венг. *festeni*), *a descopcioli* (выключить, ср. венг. *kikapcsolni*).

⁸⁸ Функцию межэтнического общения между венграми и украинцами в Мараморошской области Румынии сегодня исполняет уже румынский язык, а не венгерский, хотя много румын области еще владеют венгерским языком, в чем мы убедились во время наших наблюдений в Солотвине, и в сегодняшнем Сигету Мармацей.

2.4. Официальные языки и языки национальных меньшинств в Солотвине в исторической перспективе и на основе полевых замечаний

Как мы уже упоминали выше, Закарпатье – и в его составе Солотвино – в XX веке пережило четыре смены государств: до 1918 года принадлежало Австро-Венгрии, с 1919 до 1938 года – Чехословакии, с 1939 до 1944 года – Венгрии, с 1945 по 1991 – СССР и с 1991 года находится в составе Украины. Все эти политические события отразились и на языковом положении селения: если в момент переписи 1910 года в шахтерской части городка говорили на венгерском языке, то между двумя войнами в образовании и в делопроизводстве официальным языком стал чешский язык, а после Второй мировой войны государственными языками стали русский и украинский. Внутри Закарпатья, Тячевский район (где находится Солотвино) является самым пестрым по национальному составу, где наряду с украинцами в большом количестве проживают в убывающем порядке румыны и венгры⁸⁹. Влияние румынского (сверх украинского, словацкого и русского языков) на местный венгерский язык заметили и К. Хорват и П. Лизанец при описании венгерских говоров Закарпатья⁹⁰. Примечательным доказательством местного многоязычия является и творчество местного автора П. Міднянки, который широко использует иноязычные лексические заимствования, в том числе и унгаризмы в украинском языке, что «является прямым свидетельством долговременных контактов представителей разных национальностей этой территории»⁹¹.

Хорошо символизируют бурную судьбу Солотвина надписи в городской поликлинике, где мы провели часть своей полевой работы: у входа посетителей встречает новая табличка на украинском и румынском языках (*Поліклініка / Polyclinica*), а над туалетами висят старые надписи тридцатых годов на чешском и венгерском языках *Muži / Férfiak* и *Ženy / Nők*, потому что здание было построено при чехах, когда венгерский язык был межэтническим языком наряду с

⁸⁹ См. Карту № 6 в Приложениях.

⁹⁰ „Ha a kölcsönelemek szempontjából vizsgáljuk nyelvjárásainkat, arra a következtetésre jutunk, hogy román nyelvi elemekben a rahói és a técsői járás nyelvjárásai gazdagok; szlávizmusokban a rahói, técsői, munkácsi és ungvári járási nyelvjárások. A szlávizmusok között legtöbb az ukrán, a szlovák és az orosz eredetű szó” (Horváth–Lizanec 2007: 167).

⁹¹ «Автор не оминає і використання іншомовних лексичних запозичень, у тому числі й унгаризмів, що є прямим свідченням довготривалих контактів представників різних національностей цієї території» см. к примеру, «*Куманське рантоване кольрабі /для голодних з Відеку бригад*» (Барань 2009: 67). Мелика же считает, что русинское название данного овоща должно быть *каралаба*, которое происходит из диалектального немецкого *Karalab* посредством венгерского. А *кольрабі* соответствует стандартному немецкому *Kohlrabi* (см. Melika 2007: 394).

официальным чешским⁹². Перед кабинетами врачей рядом с украинскими надписями самые важные информации (например, *Календарь обязательных профилактических прививок, Гемофильная инфекция, Оказание первой помощи при поражении электрическим током, Первая помощь при ожогах*, и др.) фигурируют на русском языке. Это наводит наблюдателя на следующую мысль: чем ближе к реальной жизни, тем больше присутствует русский язык. Таким образом, в важных сферах социально-бытового общения русский язык до сих пор незаменим.

Мы можем проследить исторические изменения – которые отразились и на соотношении местных языков – второй половины XX-го века и на примере открытия и функционирования детских садиков, о котором рассказала нам бывший работник местных садиков: *«Был садик на русском, вообще только на русском, потом нас объединили с молдавским, молдавский был отдельно. Потом, так как мы перешли в большой садик – построили – тогда был молдавский / русский, ну изучали украинский язык. [...] А потом перестройка пошла, ну может в 95-ом, тогда уже начали на украинском. Сейчас в Солотвине есть 3 садика: венгерский отдельно при церкви (...), в центре – городской, ну и этот большой, было на румынском, а сейчас только на украинском. [...] Потом тяжело было детям, это были старые здания, ну думали-думали, тут было большое здание, свели всех, вместе, отдельно группы были, но в одном месте. И тогда уже мешались дети, разговаривали на таком и на таком, игрались во дворе, уже не было такого чуждения, что разные дети. И воспитатели начали замечать друг друга: я зашла в румынский, она зашла в украинский. Все смешалось, но на выступления, утренники, это было отдельно: молдавская группа, венгерская группа и украинская группа. И когда уже прижались, это не так уж давно, когда на этот украинский язык нажали, тогда надо было уже на украинском. Потом я перешла в школу в восемьдесят шестом и в украинских классах изучали русский язык. Еще тогда. А когда я в девяносто седьмом пошла на пенсию, уже начали меня прижимать, что не надо русский язык, ну, не желательно. А я говорила, что я буду учить своих детей до четвертого класса! Я хочу этот язык.*

⁹² Чешские элементы, наряду с элементами других встречающихся на Закарпатье языков, сохраняются в местных говорах (ср. сочинение одного закарпатского ученика 7 класса Е. Эдгара, который пишет: «*но самое интересное, когда я еду к бабушке в село и разговариваю на местном диалекте, где встречаются слова из языков разных народов, румын и венгров, чехов и словаков, австрийцев и других*» (сентябрь 2007). Отметим также, что среди сегодняшних жителей Солотвина есть люди, которые говорят и на чешском языке, потому что были на заработки в Чехии. Они не только выучили сами этот язык, но пытаются передать и чешский своим детям (из опрошенных детей двое написали, что с отцом говорят и по-чешки).

Как иностранный, пусть будет как иностранный. Урок русского языка, украинская школа, украинский класс. Русский класс был, и сейчас есть. Но не изучают русский язык в украинском. В русском [классе – А. П.] украинский изучают, а в украинском – нет. Я вообще возмущаюсь и теперь. Я ушла, потом мне девушки говорят: 'ты представь себе, вообще сняли русский язык в украинских классах'. Не знаю почему? Я считаю, что это надо. Почему-то можно, немецкий, румынский, всякие другие языки, а почему нельзя русский? Они же рядом, соседи? И сколько наших детей и люди ездят туда, попадают, они же должны знать. Почему так полностью снять русский язык? я не знаю. Это плюс – знать еще и русский язык. [...] В Солотвине существует, конечно, русский язык. Вот на нем разговаривают румыны, венгры. Вот я иду в магазин, я тоже по-русски спрашиваю, потому что там румыны работают. А если они румыны, они знают русский, украинский они хуже знают. Может уже знают теперь, молодежь. На базаре, например, покупаю у румынов, я спрашиваю по-русски, потому что на украинском они меня не поймут. Вот румынам и венграм легче на русском разговаривать, намного, они сами говорят 'украинский – тяжелый язык, очень тяжелый'. Им тяжело его выучить и они больше общаются на русском. Ну и это так закоренелось, что на русском. Надо года, ну... чтоб не разговаривать»⁹³.

Как мы видим и из слов очевидца, на русском языке продолжают разговаривать в основном румыны и венгры друг с другом. Несмотря на свой статус «изгнанного» языка – как поведала нам и Э. А. – и из школьной программы, и из детского садика, русский язык остается «общелюбимым» средством общения в межнациональной коммуникации, то есть *lingua franca* между венграми и румынами в Солотвине.

2.5. История распространения русского языка в регионе, его меняющийся статус и престиж

Общее место в языковой политике независимой Украины стало заявление, что русский язык в Украину, а также в Закарпатье принесла Красная Армия. Но это явное заблуждение.

Церковные и культурные связи между восточно-славянскими народами и их языками не прекратились даже после Ужгородской Унии в 1646. Это подтверждает и

⁹³ На основе звуковой записи интервью с Э. А. (63 года, венгерка, учительница начальных классов, ныне на пенсии). См. Диалог № 7 в Приложениях.

«завоз в Подкарпатье преимущественно церковных книг из России». Языковая политика Венского Императорского Двора в XVIII веке способствовала популяризации русского языка в Закарпатье⁹⁴. П. Р. Магочий, представляя доводы украинофилов в связи с языковой историей русинов, также свидетельствует о том, что местные авторы писали на русском языке в 19-м столетии⁹⁵. Благодаря деятельности местной греко-католической церкви, сформировался «конгломерат местной редакции церковно-славянского, велико-русского языков с местными говорами», который и стал литературным языком русинов и который М. Капраль – исследователь русинского «Подкарпатия» – описывает как «весьма органичный» и «вполне закономерный» (Káprály 2009: 11). Того же мнения придерживается и карпаторусский языковед и общественный деятель, Г. Геровский, который в своей книге «Язык подкарпатской Руси», изданной на чешском языке в 1934 году и переизданной недавно в Москве, утверждает на основании анализа всех подкарпаторусских литературных памятников, что литературным языком Подкарпатской Руси был сначала церковно-славянский, а затем – общерусский литературный язык карпаторусской редакции, одинаково понятный носителям всех карпаторусских говоров (См. Геровский 1995). И. Удвари утверждает, что существовал «подкарпатский вариант русского языка» (Udvari 2003: 456). А. Золтан в своей статье о языке *Газеты для народных учителей*, которая издавалась между 1868-1872 гг. на семи языках, в том числе и на русском для русинов Закарпатия, дает краткий обзор влияния русского литературного языка на письменность венгерских русинов с XVIII века до 1944 года: «Русский литературный язык начал влиять на язык письменности венгерских русинов еще в конце XVIII-го века. Факт, что венгерское министерство образования решило выпустить газету для русинов, проживающих в северо-восточных комитатах Венгерского королевства, на русском языке, не вызвало удивления. [...] В отличие от соседней Галиции вопрос о

⁹⁴ «Циркуляры двора, касающиеся светских проблем, в частности, армейские распоряжения, адресованные поданным русинам, направлялись в Подкарпатье на русском языке» (Káprály 2009: 10-11).

⁹⁵ “According to the Ukrainian thesis [of Subcarpathian literary development], the early writers in Subcarpathian Rus’, especially during the sixteenth and seventeenth centuries, used a popular language similar to that spoken by the people. This pattern changed when various authors began to write in Latin and later in Great Russian during the nineteenth century. [...] Supporters of the russophile (obščerusskaja) interpretation emphasized the influence of Church-Slavonic and Russian elements in the literary tradition of Subcarpathian Rus’. The ingrained tendency of the local intelligentsia to use the Russian language was most evident during the second half of the nineteenth century, but such favorable developments were initially hampered by increasing ‘Magyarization’ and then undermined during the Czechoslovak period by the growth of Ukrainianism” (Magocsi 1975: 253-254).

литературном языке подкарпатских русинов в XIX веке решался в основном в русле москвофильства, и русский литературный язык сохранил здесь сильные позиции вплоть до 1944-го года»⁹⁶.

По словам М. Капралья, попытки украинской интеллигенции конца XIX-го, начала XX-го веков создать собственный литературный язык «не находят ровно никакого понимания в среде русинского духовенства» и рассматриваются многими русинами «как преступление против восточнославянского единства» (Kárpály 2009: 11). В том же порядке идей, говорит сама за себя деятельность карпаторусского союза во главе с А. Геровским за автономию Карпатской Руси во времена «чешского ярма»⁹⁷. Другие же исследователи считают, что этот «выдуманный смешанный русинско-русский язык был непонятен для абонентов русофильских газет и журналов»⁹⁸. Если в чешские времена растет число украинофилов, то в 1938 году, после возврата западной части Закарпатья в состав Венгрии, русский язык снова получил официальную поддержку. Постановлением венгерских властей запрещены были чешские и украинские газеты, зато «русскія и мадярскія газеты съ сегодняшняго дня на основаніи этого распоряженія не подлежат цензурѣ» (Kárpály 2009: 17). По сведениям очевидца, который учился в Будапештской Военной Академии им. Бойаи в 1942 году, в качестве обязательных предметов фигурировал и предмет «языки национальных меньшинств» тогдашней Венгрии, среди которых

⁹⁶ Факт, що газету для русинів, які проживали в північно-східних комітатах Угорського королівства, угорське міністерство освіти вирішило випустити російською мовою, не викликало подиву. [...] На відміну від сусідньої Галичини питання про літературну мову підкарпатських русинів у XIX ст. вирішувалося в основному в руслі москвофільства, і російська літературна мова зберегла тут сильні позиції аж до 1944 року» (Zoltán 2008: 103).

⁹⁷ «Наш народ был очень недоволен тем, что в школах не учили на русском литературном языке, "по-русски, по-книжному". Но чешские политики были убеждены в том, что наш народ охотно принял бы чешский язык, если бы не было "чужой агитации". Точно также думали и мадярские паны. Они тоже полагали, что все другие народы, населяющие Венгрию, русские, словаки, румыны, сербы, охотно превратились бы в мадьяр, если бы не было "чужих агентов". Но наш народ в Карпатах, сохранивший свое русское имя тысячу лет, любит свое и от своего не отречется. Один старик крестьянин в Воловом сказал нам: "Зачем нашим детям учиться по-чешски? Нам чешский язык не нужен. У нас есть свой русский язык. Русский язык откроет нашим детям мир. Чехи хотят отнять у наших детей русский язык и суют нам свой, чешский. Это так, как если бы у меня был автомобиль, а кто-нибудь отобрал бы у меня автомобиль и дал бы мне взамен – тачку» (Геровский 1977: 244).

⁹⁸ «В другій половині XIX століття русофільський напрямок видавав газети та журнали, але всі вони не знайшли свого читача, оскільки були написані на вигаданій, змішаній русинсько-російській мові, яку передплатники не розуміли» (Ташкович 2009: 250.). М. Капраль, в критике учебника для начальных школ Г. Геровского, который «предписывает русский литературный язык для русинов», говорит об «искусственной попытке контаминации русинских и великорусских языковых особенностей» (Kárpály 2003: 178). С. Густавсон нейтрально описывает так называемый «вентро-русинский язык», который был сотворен на основе церковнославянского, местных диалектов и также великорусского языка: „tzv. uherské rusinštiny. Tento jazyk se utvářel na základě církevní slovanštiny a místních dialektů, ale také ruštiny” (Gustavsson 2006: 24).

числился и русинский язык, так как он был официальным языком в горной части Закарпатья⁹⁹. Учебник русинского языка был издан с этой конкретной целью для «Венгерских Королевских Военных Академий» по поручению министра обороны (См. Gönczy 1943). Русинский язык данного учебника основан на местных говорах Закарпатья со многими великорусскими элементами и сохраняет дореволюционную орфографию русского языка¹⁰⁰.

После поражения Венгрии во Второй мировой войне осенью 1944 года, Закарпатье вошло в состав Советского Союза и русский язык получил еще большую поддержку со стороны власти¹⁰¹. Он был официально объявлен государственным языком во всех республиках СССР наряду с национальными языками каждой республики и в то же самое время – языком межнационального общения внутри СССР. Как правило, в школах с обучением на языках национальных меньшинств Закарпатья (т.е. на венгерском или румынском языках обучения) русский – а не украинский – язык был обязательным вторым языком¹⁰². В советские времена, стандартизованный украинский язык занял бывшие позиции русинского языка, а русский язык занял позиции бывших государственных языков, то есть венгерского, а перед ним – чешского языка. Таким образом, первенство украинского языка в школьном образовании не значило вытеснения русского языка, который был *de facto* всесоюзным официальным языком. Официальные заявления, паспорта и главные газеты издавали на обоих – русском и украинском – языках. С другой стороны, официальные документы, названия улиц и меню в ресторанах были только на русском языке. Русский язык преподавался во всех школах уже с начальных классов.

⁹⁹ См. Ташкович 2009: 250. См. также указ Министерства обороны в 1939 г. о статусе «угорорусского» языка: „A honvédelmi minisztérium rendelkezett, hogy a kárpátaljai kiegészítésű csapatoknál, ahol a magyarorszagi ajkú legénység az összlegénységi létszám 50 %-át meghaladja, [...] a csapatnyelv a magyarorszagi, a vezényeleti és szolgálati nyelv azonban mindenütt a magyar marad”. [...] Kárpátalján úgy a csapatoknál, mind a honvédségoknál tényleges szolgálatot teljesítő tisztektől elváróm, hogy a magyarorszagi nyelvet egy éven belül a szolgálat igényeinek megfelelően elsajátítsák” (цит. по: Fedinec 2002: 380).

¹⁰⁰ Приведем отрывок из текста данного учебника о жизни Ференца Ракоци II для иллюстрирования вышеказанного: «Молодой Ракоций вернувшийся до Угорщины, видѣвъ велику бѣду и терпѣня своего народа. Въ души чувъ что народъ хоче освободитися изъ подъ рабства и хоче стрѣяти изъ себе тяжкое ярмо неволѣ» (Gönczy 1943: 32).

¹⁰¹ По поводу отношения жителей Закарпатья к русским войскам в 1849-ом году, интересно отметить, что панславистско настроенная книга А. Пушкаша об истории Закарпатья говорит о русофильском поведении закарпатских русинов во время освободительного востания: «В дни венгерской антигабсбургской революции и гражданской войны 1848–1849 годов жители Закарпатья, как и другие славянские народы Габсбургской империи, поддерживали экспедиционную русскую армию И. Ф. Паскевича» (Пушкаш 2006: 6). Такая трактовка малоизвестна венгерским историкам, которые привыкли называть закарпатских русинов *gens fidelissima*.

¹⁰² «За радянських часів у школах з угорською мовою навчання не викладали українську мову, лише російську» (Черничок 2005: 153).

Учебники и другие публикации присылают из Советского Союза и написаны согласно нормам современного правописания, что положило конец и спорам об использовании в письменных текстах дореволюционных ять ѣ и ерь ѳ, которые так волновали русофильскую интеллигенцию «Подкарпатя». Русский язык, всегда пользовавшийся популярностью среди одной части закарпатского населения, стал еще популярнее в годы советской власти¹⁰³.

В 90-ые годы прошлого века, когда Союз распался, и республики объявили свою независимость, на официальном уровне началась политика вытеснения русского языка (закрытие русских школ, снятия русского языка с учебной программы: в Украине в украинских классах даже как иностранный язык невозможно его преподавание, в Молдове, он может преподаваться в молдавских классах только с 5 по 9 класс).

Изменился и статус русского языка как в Украине, так и в Молдове. Национальные языки были объявлены государственными, а русский – языком национального меньшинства в Украине и языком межнационального общения в Молдове.

Исследователи отмечают, что с каждым годом сужается пространство русского языка в социально-политической жизни постсоветских республик, ослабляются его функции как литературного языка¹⁰⁴. На официальном уровне это, безусловно, так, но в повседневном общении русский язык продолжает функционировать. К настоящему времени население 14 бывших республик СССР насчитывает свыше 140 миллионов человек (равно по численности населению России), однако русским

¹⁰³ “Standard literary Ukrainian was declared to be the only acceptable form for publications, radio, television, and for some public signs. Of course, the acceptance of Ukrainian did not mean the end of the Russian language in the region. On the contrary, where Czech and Magyar were used before for official purposes, Russian has now taken their place. After all, Subcarpathian Rus’ is a part of the Soviet Union, where Russian is de facto, if not de jure, the official language. Hence, most official announcements, identity cards, and the main daily newspaper, Zakarpats’ka pravda, appear in both Russian and Ukrainian editions. On the other hand, official papers, place names, and restaurant menus are only in Russian. Furthermore, Russian is taught in all schools beginning at the elementary level. The textbooks and other publications are, of course, Soviet and adopt the modern orthography, thus ending the debates over the use of yat’ and the hard sign, which were argued about so often in the past by the local Russophile intelligentsia. In a sense, the Russian language, which has always found favor among one segment of the Subcarpathian population, is better off than ever before” (Magocsi 1978: 259-260). По мнению П. Магочия русофилы старшего поколения могли «выжить» благодаря привилегиям, которое им давало знание русского языка: “Even older Russophiles survive well in the new situation [...] since, considering the realities of the Soviet state, using Russian language is as feasible, if not more advantageous, than using Ukrainian” (Magocsi 1978: 268).

¹⁰⁴ По поводу падения статуса русского языка например в Литве, см. статью Н. Ю. Авина. Язык русской диаспоры в современной Литве. *Отечественные записки* № 2, 2005. http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_17.html

языком там активно владеют (постоянно используют на работе, в процессе обучения, в быту), по оценкам экспертов, 63,6 миллиона человек, еще 39,5 миллиона человек владеют русским пассивно. В Молдове активно владеют русским языком 56% (около 2 млн.) населения, а в Украине – 61 % (т.е. около 30 млн.), в то время как в Молдове пассивно владеют языком Пушкина еще 30 %, а в Украине – около 21 %¹⁰⁵. По мнению других исследователей, которые исходят из данных 2001 года, на русском языке предпочитают общаться около 50 % населения Украины (если к 17,8 % русских добавить «треть русскоговорящих украинцев»)¹⁰⁶. Эти данные варьируют в зависимости от определения таких понятий как родной язык, бытовой или язык повседневного употребления¹⁰⁷ и т.д. Японский языковед славист Ю. Симэки в 2010 году в своем анализе факторов, связанных с использованием русского языка и отношением к русскому языку двуязычного населения Украины утверждает, что «когда статус русского языка в Украине стал предметом дискуссий, украинские законодатели стали оперировать цифрами, показывающими, какую часть населения Украины составляют этнические русские, но не русскоговорящие. Доля русскоговорящего населения в составе населения Украины в настоящее время, по всей вероятности, рассчитана неточно, поскольку переоценена доля украинскоговорящего населения, особенно тех, для кого родным языком является украинский язык» (Симэки 2010: 64-65).

Исходя даже из статистических данных, мы видим, что русский язык удерживает свои позиции на близком зарубежье, в чем мы не раз убеждались во время нашей полевой работы, в частности, в Закарпатье, в Южной Молдове и в Приднестровье. После почти 20 лет интенсивной национализации языкового состава Украины, а также Молдовы, русский язык не только выживает, но в отдельных

¹⁰⁵ Данные взяты из статьи А. Арефьева *Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве*, появившейся в информационном поликультурном веб-портале Этно-сфера (см. <http://www.etnosfera.ru/centr.php?onewnd=ecenter&list=projects&prjid=881&id=10>).

¹⁰⁶ „Selon des critères ethnolinguistiques, plutôt que purement ethniques, on distingue le groupe des Ukrainiens ukrainophones (de l'ordre de 40 % de la population), celui des Russes russophones (selon le recensement effectué en 2001, 17,8 % de la population se déclarent d'origine russe, la proportion d'Ukrainophones parmi eux étant négligeable) et enfin celui des Ukrainiens russophones qui est évalué à un tiers de la population. Tous bénéficiant de la citoyenneté ukrainienne, le terme 'Ukrainien' renvoie ici à l'origine ethnique" (Bonnard 2007: 87).

¹⁰⁷ «Согласно сведениям последней переписи населения 2001 года из всех жителей Украины 77,8 % составляли украинцы, 17,3 % – русские и 4,9 % – других национальностей. Но как родной русский язык определили около 30 % населения Украины. По результатам общенационального опроса взрослого населения Украины, проведенного Фондом «Демократические инициативы» и фирмой «Юкрейниан социолоджи сервис» в 2006 год, украинский язык считали родным 60 % украинцев, русский – 38%, но в семье предпочитали общаться только на украинском – 37 %, только на русском – 34 %, на двух языках в зависимости от обстоятельств – 28 % респондентов» (Величко 2009: 10).

регионах этих стран, можно сказать, популярен как никогда. Во время наших наблюдений и полевой работы мы пытались найти причину этого явления, а также зафиксировать ситуацию русского языка в этих регионах на данный момент.

В многонациональном Закарпатье, как и во всем постсоветском пространстве, согласно опубликованным статистикам, число русскоязычных школ и классов постоянно сокращается. В Закарпатье число школьников русских классов уменьшилось в 4 раза к 2000 году (4074 учеников) по сравнению с 1990 годом, когда в русские классы ходило 16598 учеников (Beregszászi–Csernicskó–Orosz 2001: 35), а в 2002/03 учебном году в классы с русским языком обучения записалось лишь 2602 ученика¹⁰⁸.

В последние 20 лет в Украине вопрос о статусе русского языка поднимался каждый раз на парламентских или президентских выборах. В 1994 году Л. Кучма выступал за предоставление русскому языку статуса официального. В 2005 году А. Мороз, лидер Соцпартии, внес в Верховную Раду проект закона о предоставлении русскому языку статуса второго официального в Украине. В 2006 году Верховная рада Автономной республики Крым приняла постановление о проведении референдума по вопросу предоставления русскому языку статуса второго государственного. На досрочных парламентских выборах 2007 года Партия Регионов инициировала сбор подписей в поддержку проведения Всеукраинского референдума, один из вопросов которого связан был с признанием русского языка вторым государственным языком. Однако «ни одна из законодательных инициатив украинских политиков [...] относительно изменения статуса русского языка в Украине не вышла за рамки инициатив и не была реализована» (Смолина 2009: 15).

Западная Украина занимает довольно «анти-русскую» позицию в вопросе о государственном языке. Согласно опросу проведенному в 2005 году по поводу поддержки государственного статуса русского языка¹⁰⁹, за русский язык как государственный в западной Украине¹¹⁰ проголосовало очень малое количество жителей: во Львове 2 %, в Тернополе 7 %, в Ивано-Франковске 15 %. Даже южная

¹⁰⁸ См. <http://www.karpatszemle.uz.ua/pedpszi/pp050901.htm>

¹⁰⁹ Напомним, что на сегодняшний день, русский язык в Украине имеет лишь статус языка национального меньшинства.

¹¹⁰ То есть те территории, которые вошли в состав СССР только после Второй мировой войны. Но напомним, что русофильское движение существовало в Закарпатье намного раньше советского периода (см., в частности, Kárpály 2003).

Херсонская область (46 %) уступает Закарпатья, где за русский язык проголосовало 47 % опрошенных¹¹¹.

Чем можно объяснить эту значимую разницу и каково настоящее положение русского языка в многокультурном Закарпатье? Л. Баррингтон и Э. Херрон в статье о регионах Украины объясняют низкий уровень «украинства» Закарпатья ее расположением и историческими причинами¹¹². Несомненно, в многонациональном Закарпатье (где проживают, в убывающем порядке: украинцы/русины, венгры, румыны, русские, цыгане, словаки, немцы) русский язык сохранил свою роль межэтнического языка, как мы уже говорили выше, роль *lingua franca* с одной стороны городского населения, с другой – людей с более высоким образованием и роль традиционного второго языка национальных меньшинств (в первую очередь венгров и румын). Языковая ситуация на Украине, как правило, характеризуется исследователями как всеобщий билингвизм¹¹³, который нередко рассматривается в контексте социально-территориальной (город / деревня) языковой поляризации населения. Так, например, М. Рябчук отмечает преобладание русскоязычных жителей в крупных городах и более высокий статус города в сравнении с деревней, что выделяется им как фактор, предопределяющий социальный престиж русского языка (Рябчук 2002: 51). Опрос о престиже венгерского украинского и русского языков среди 18 родителей, участвующих в исследовании З. Кармачи в двуязычных семьях, показывает, что опрошенные считают русский язык более красивым, чем украинский (Karmacsí 2007: 113).

В Закарпатье общеизвестно, что русский язык выживает в больших городах, как Ужгород¹¹⁴, Мукачево, но кроме этого он процветает именно в этнически смешанных селениях, где титульное население – т.е. украинцы – присутствует в незначительном количестве. По данным всеукраинской переписи населения в Ужгороде, в Мукачево и в Берегове были зафиксированы самые высокие в Закарпатье проценты владения русским языком среди нерусских. В Мукачево 38,3 %,

¹¹¹ См. Карту № 7 в Приложениях.

¹¹² “Partly as a result of their location, and partly for historical reasons the level of “Ukrainianness” in these oblasts [Закарпатье и Черновицкая область – *A.II.*] is much lower than that of the oblasts to their north: Lviv, Ternopil and Ivano-Frankivsk” (Barrington-Herron 2004: 59).

¹¹³ См., в частности, Кузнецова 1999: 1, Танюк 2002: 9.

¹¹⁴ „Az orosz nyelvet a megyei alárendeltségű városokban beszélék különösen nagy arányban” (Molnár 2004: 128). По поводу украинско-русского билингвизма, венгерско-русского билингвизма, венгерско-украинского билингвизма и украинско-русинской диглоссии в городе Ужгород см. Ташкович 2008: 273-275.

в Берегове 38, 6 %, а в Ужгороде 40, 5 % нерусских жителей заявило, что говорят на русском языке (Molnár 2004: 129).

Владение языками (в частности, венгерским) венгров Закарпатья внимательно изучается венгерскими исследователями, особенно в последние годы¹¹⁵. М. Контра в середине 90-ых годов зафиксировал следующую языковую ситуацию у венгриязычных закарпатцев: 95,8 % опрошенных ответили, что умеют читать и писать по-русски, и только 56 % умеют читать и писать по-украински, 30 % – только читать, а 14 % не умеют ни читать, ни писать на новом государственном языке (См. Kontra 1996: 113-123). Но уже в 2001 году перепись населения показала, что русским языком владеют 30,5 % закарпатских венгров, а украинским – 46,7 %. Но там, где венгры проживают компактно, эта цифра значительно ниже (24,9 %) (см. Molnár–Molnár 2005). В 2005 году А. Золтан анализирует следующим образом узус венгриязычного населения Закарпатья: закарпатские венгры в советские времена не очень учили украинский язык, потому что могли обойтись и без него, но нуждались в знании русского языка, который предоставлял возможность продолжить учебу или устроиться на работу на территории огромного Советского Союза. После обретения независимости Украины, ситуация изменилась, но в новой ситуации в государственных учреждениях венграм Закарпатья «нужно знать украинский язык не вместо русского, а наряду с русским языком». Русский язык и в дальнейшем продолжает быть языком повседневной коммуникации во многих городах Украины и поэтому венгерское национальное меньшинство не выигрывает из того, что в школах больше не преподается русский язык. А. Золтан приходит к выводу, что в современной независимой Украине «учение украинского языка – потребность, но при этом желательно не забыть русский»¹¹⁶. Наглядным по этому поводу является и высказывание А. Д., ученицы 7 класса школы № 2 города Тячев, которая пишет в октябре 2007 года: *«Я никогда не задумывалась, на каком языке мне общаться. Так*

¹¹⁵ Об этом свидетельствует и недавно вышедшая из печати книга З. Кармачи, которая представляет исследование языка общения детей в этнически смешанных семьях Берегова и Мукачевы (см. Karmacsí 2007).

¹¹⁶ „A kárpátaljai magyarok a szovjet időkben nemigen tanultak ukránul, mert a boldoguláshoz az oroszra volt nagyobb szükségük, márpedig azt az ukránok is beszélték. Ráadásul az orosz nyelv ismerete az érvényesülés lehetőségét a hatalmas szovjet birodalom egész területén biztosította, nemcsak Ukrajnában. A helyzet az ukrán függetlenség óta megváltozott, de az új helyzetben a kárpátaljai magyaroknak nem az orosz helyett kell ukránul tudni a hivatalokban és a közintézményekben, hanem az orosz mellett. Számos ukrainai város közlekedő nyelve ugyanis továbbra is az orosz, tehát nem oldódik meg a magyar kisebbséghez tartozó egyének gondja azáltal, hogy az iskolákban az ukránt vezetik be az orosz helyett. [...] Az ukrán elsajátítása nyilvánvaló szükséglet, de az orosz sem ajánlatos elfelejteni” (Zoltán 2005: 532-533).

случилось, что у меня много друзей разговаривает на русском языке. В моей семье родной язык украинский. [...] Хотя государственный язык украинский, но без русского никуда»¹¹⁷.

В Закарпатье, а именно там, где нет таких важных национальных меньшинств как в Солотвине, русский язык тоже может участвовать в межэтническом разговоре, но согласно интересной модели «двухкодового общения». Такой двуязычный диалог, в котором каждый коммуникант говорит на своем родном языке, называется также «рецептивным двуязычием». Русский и украинский – близкородственные языки. Этот факт значительно помогает участникам такого «двухкодового» диалога понимать друг друга. Как бы продолжая эту «народную» традицию, на украинском телевидении появились такие передачи, токшоу, реалитишоу, в которых один ведущий говорит постоянно на украинском языке, а второй – последовательно на русском языке¹¹⁸.

Один из факторов помогающих русскому языку удерживать свои позиции в Солотвине вопреки курсу языковой политики независимой Украины может быть именно его «неофициальный статус», его положение как «сверх-национальный» и «внегрупповой»¹¹⁹ язык. Аналогичную, но не идентичную, ситуацию описали и в Бразилии, где «смена родного языка португальским среди немецких эмигрантов» быстрее всего шла в трехязычных местностях, где португальский язык находился на первом плане как «всеобщее средство общения» (Вайнрайх 1979: 177).

В украинско-молдавских приграничных областях в 80-ых годах, то есть в последнем десятилетии советского периода, молдаване и украинцы пользовались преимущественно русским языком в общении между собой. Данный выбор объяснялся исследователем следующим образом: «В овладении русским языком существенную роль играет иноэтническое окружение. Возникает реальная необходимость перехода на 'общий', в данном случае русский, язык» (Захарова 1985: 64). Во время исследований языковых компетенций этого региона «опрошенным задавался вопрос о предпочтительном выборе того или иного языка. В результате выяснилось, что у сельского населения существует достаточно высокая потребность в освоении языка контактирующего этноса, т.е. украинского языка молдаванами и

¹¹⁷ См. результаты опроса учеников русской школы города Тячев в Палади 2008: 129.

¹¹⁸ См. подробнее пункт 3.1.1. данной работы.

¹¹⁹ К. Майерз-Скоттон объясняет популярность общего, сверхэтнического, единого общенационального индонезийского языка бахаса именно тем, что он является своего рода „*outgroup language*“, т.е. «внегрупповым языком» (Myers-Scotton 2006: 60).

молдавского украинцами, и одновременно обоими народами – русского языка» (Захарова 1985: 66). Из вышеприведенной цитаты очевидно, что русский язык имел престиж *lingua franca* городского населения, а местные языки должны были ограничиваться более скромной позицией в рядах сельскохозяйственных трудящихся¹²⁰. Но все-таки и они должны были владеть русским языком, так как в то время русский в качестве второго языка должен был занимать «важное место в расширении профессиональной, общественной и культурной деятельности трудящихся» (Захарова 1985: 66).

В том же духе проведено в 1984 году и другое исследование А. А. Абдуллаева, фокусированное на истории становления русского языка как средства межэтнического общения в Дагестане: «национальные литературные языки народностей Дагестана, выступая как один из компонентов национально-русского двуязычия, выполняют прежде всего следующие социальные функции: языка общения в семейно-бытовой сфере в условиях однопациональной сельской местности¹²¹, языка общения в сельскохозяйственной производственной сфере (Абдуллаев 1984: 79). В основу своего исследования автор кладет положение В. И. Ленина «о добровольном, вызванном экономическими потребностями жизни народов выборе русского языка в качестве языка межнационального общения» (Абдуллаев 1984: 8). В многонациональном Дагестане многоязычие считается исследователем «языковой неурядицей», а одним из исторических событий 30-ых годов он считает именно «преодоление [этой] языковой неурядицы и утверждение русского языка как языка школьного преподавания и межнационального общения» (Абдуллаев 1984: 64-65). В 80-ые же годы оказывается, что в Дагестане нет большой потребности в знании языка соседа и желательнее перейти от многоязычия к русско-национальному двуязычию: «Раньше знание языка преобладающего большинства населения района – даргинского языка – было необходимостью, то теперь для удовлетворения разного рода официально-деловых потребностей в райцентре, для общения с официальными лицами в районных учреждениях используется русский язык» (Абдуллаев 1984: 85).

¹²⁰ Об этом свидетельствует и высказывание Абдуллаева по поводу Дагестана 80-х годов: «необходимость [русского языка в дагестанских селах – А. П.] диктуется [...] проникновением в сельский быт признаков городской жизни» (Абдуллаев 1984: 387).

¹²¹ Аналогичную ситуацию описывает в Казахстане 70-ых годов и И. А. Маев: «До 70-ых годов сфера употребления национальных языков ограничивалось преимущественно бытовыми ситуациями» (Маев 2009: 19).

Аналогічна і ситуація в Солотвині, а також в гагаузько-болгарських районах на юге Молдови. Приблизно 50 років тому назад багатомовність було більш поширено в регіоні, ніж російсько-національний білінгвізм сьогодні. Особливо серед сільського населення було загальноприйнято владіти мовою сусіда. Російсько-національне двомовність поступово виходило як модель мовного поведіння. В 90-і роки І. Черниченко перераховує наступні функції російської мови в ряді закарпатських венгров: мова комунікації з незнайомими; мова обслуговування в населених пунктах (наприклад, в містах); один з мов культур, інформації і розваги; один з мов виробництва¹²². В іншому своєму дослідженні 2005 року, закарпатський дослідник представляє результати соціолінгвістичного опитування п'ятихотських венгров, згідно з яким виявилось, що респонденти володіють краще російською, ніж українською мовою. Автор пояснює цей факт привілейованим статусом, яким користувався російський мовний зв'язок в часи радянської України з метою «русифікації населення»¹²³. Взаємозв'язок між українською і російською мовою і змінившийся їх престиж впливає не тільки на мовне поведіння національних меншин, а також на стан російської і української мов. Згідно з Е. Н. Степановим ми можемо, лише на прикладі змін у походженні топоніма Одеса, спостерігати ієрархію російської і української мов в російськомовному портовому місті Чорного моря. До 60-х років слово Одеса вимовлялось з твердим *д* незважаючи на норми російської мови, внаслідок чого до 90-х років переважає російське нормативне походження з м'яким *д*, а після незалежності України, під впливом державного українського мови, спостерігається повернення до твердого *д*¹²⁴.

¹²² „A kárpátaljai magyar közösségen belül alapvetően használatos 3 nyelv (magyar, ukrán, orosz) jelenleg a következő funkciókban él....Az orosz nyelv funkciói: -A többség (elsősorban a magyar többségű településeken élők) számára az idegenekkel való kommunikáció nyelve. -(Elsősorban az ukránul nem beszélők, azaz a magyar többségű települések lakossága számára) a szolgáltatások igénybevételének nyelve a saját településen kívül (pld. a városokban). -A művelődés, információszerezés és szórakozás egyik nyelve. -A hivatali ügyintézés egyik nyelve” (Cserecskó 1998: 159-160).

¹²³ «Дані показують, що закарпатські угорці російською мовою володіють на більш вищому рівні ніж українською [...]. Це можна пояснити тим, що радянська влада з метою русифікації населення надала російській мові всі привілеї» (Черниченко 2005: 153-154). Спостерігаючи результати попереднього опитування: «Важливо, що в 1989-му перепису населення, точніше кажучи, що кárpátaljai magyarok közül saját bevallásuk szerint többen beszéltek oroszul, mint ukránul, megdönteni látszanak két közel múltban megjelent szociolingvisztikai tárgyú kötet állítását, melyek szerzője, Kiss Jenő úgy véli, hogy a magyar-ukrán kétnyelvűek száma meghaladja a magyar-orosz kétnyelvűekét» (Cserecskó 1998: 229). По цьому поводі, см. також свіжі дані в дисертації І. Крайника (Krajnik 2010: 8).

¹²⁴ «На початку ХХІ ст. твердий *д* у назві свого міста одесити-нефілологи віком до 50 років вважають ознакою неодоленої мови... У 1990-ті – 2000-ні рр. спостерігасмо зворотний процес: у мовленні одеситів віком до 30 років частішають випадки твердої мови зубних і губних приголосних перед *э*

О престиже русского языка, солотвинцы не очень задумываются. Наш вопрос по этому поводу часто застаёт их врасплох. По всем приметам они пользуются русским языком исходя из практических целей, часто думая при этом, что соседняя нация ещё не выучила украинский язык: «украинский они хуже знают», «украинский – тяжёлый язык, очень тяжёлый»¹²⁵. Заметим, что подобные доводы приводятся представителями обоих национальных меньшинств. Соображения о престиже и выборе русского языка в разнотнической компании могут быть разными, но нельзя оспорить того факта, что солотвинцы предпочитают говорить с иноязычным соседом (и супругом!) именно на русском языке, что подтвердили и результаты нашей полевой работы, представленные в следующей части данной диссертации.

у запозичених (заимствованных) словах. Гадаємо, що це відбувається внаслідок накладання двох соціолінгвістичних процесів: посилення на початку 1990-х років відцентрових тенденцій у функціонуванні російської мови периферійних ареалів її поширення, одним з яких є Одеса, і водночас посилення впливу української мови як державної і титульної на інші мови України» (Степанов 2004: 128-129).

¹²⁵ См. интервью с Э. А. и Т. В. в Приложениях в конце данной работы.

3. Особенности многоязычия в Солотвине (в сопоставлении с другими примерами из Украины и Молдовы)

3.1. Языковое сообщество, языковая ситуация, коммуникативная ситуация, родной язык, основной код, переключение языкового кода

Как мы уже заметили в введении данной работы, Ш. Рот первый зафиксировал на ферромагнитную ленту спонтанное четырехязычное высказывание солотвинца: «В Солотвине нами записано [между 1960-66 – А. П.] такое речевое произведение естественного украинско-русско-венгерско-румынского мультилингвизма «*и кажу нашему* (укр. элем.) *председател'ові потребсоюза* (русск. элем.), *hogy még ma este elmegyek Ghițahoz* (венг. элем.) *și ăm sa-i spun se ne vinde cepe* (рум. элем.)». 'И говорю нашему председателю потребоюза, что еще сегодня вечером пойду к Гице и скажу ему, чтобы он продал нам лук' (ферромагнитная запись, бобина № 8)» (Рот 1973: 418). Подобное чрезвычайно редкое проявление многоязычия с трехкратным кодовым переключением в рамках одного предложения нам, к сожалению, не удалось записать снова, хотя мы несомненно располагали более современной и менее заметной аппаратурой, чем магнитофон с ферромагнитными бобинами Ш. Рота в шестидесятих годах прошлого века. Нам все-таки посчастливилось записать спонтанный четырехязычный диалог между тремя солотвинцами. В части 3.1.2. данной работы мы приведем запись разговоров на четырех языках и многократного переключения с одного языка на другой.

По поводу причин переключения языкового кода Ш. Рот говорит, что в переключении (*switch off, switch on*) из одного языка на другой основную роль играет «актуализация речевого произведения», его приближение как к языку слушателя, так и к языку лица, о котором идет речь, т. е. психолингвистические факторы. На примере своих записей, закарпатский исследователь отличает различные типы мультилингвизма в Закарпатье: венгерско-украинско-словацкий, венгерско-немецко-украинский, и др. Он делает следующий вывод: «языки которые входят в контакт, находясь в различных корреляциях, имеют свою специфику. Правда, [...] как показали наши исследования, существенной разницы между лингвистической интерференцией билингвизма и мультилингвизма нет» (Рот 1973: 419).

Двадцать лет спустя, в своей книге посвященной языковым контактам, Ш. Рот опять приводит пример многоязычия в Солотвине, но на этот раз говорит об «украинско (русинско; рутенско)-венгерско-румынско-словацко-еврейском квинто-

лингвизме», добавляя на этот раз в языковую картину закарпатского городка словацкий и идиш¹²⁶.

Интересным образом, Ш. Рот постоянно говорит об украинско-венгерском билингвизме даже в Солотвине, как будто он никогда не слышал о «средстве межнационального общения», которое в 60-ые годы, и по словам очевидцев, уже активно распространилось в Закарпатье. Согласно его классификации венгерско-славянского двуязычия, Солотвино относится к четвертой подгруппе билингвизма, которое характеризуется односторонним венгерско-украинским двуязычием и украинским одноязычием¹²⁷. По поводу лексических заимствований Ш. Рот каждый раз упоминает украинский язык, в крайнем случае добавляя, что данное украинское слово имеется и в русском языке¹²⁸ или же, говорит о «русизмах в украинском языке»¹²⁹. Описанная Ш. Ротом языковая картина Солотвина не соответствует нашим наблюдениям, проведенным между 2004-2011 гг. Два десятилетия после распада Советского Союза русский язык парадоксально показался нам сильнее и более присутствующим, чем в описаниях Ш. Рота со времен расцвета социализма в 60-ых годах. Объяснением данного факта может служить и то, что в 70-ые годы – когда была написана книга Ш. Рота – на официальном уровне украинскому языку оказывалась определенная поддержка со стороны советских властей, он считался

¹²⁶ «[...] or even Ukrainian (Rusin; Ruthenian) – Hungarian – Rumanian – Slovak – Yiddish quintolingualism in Solotvino (Szlatina: Akna Slatina – Subcarpathia or "Transcarpathia")» (Rot 1991: 16).

¹²⁷ Ш. Рот говорит об «этнической группе украинских монолингва и этнической группе венгерских билингва» и приводит именно пос. Солотвино в пример венгерско-украинского билингвизма (Rot 1973: 371).

¹²⁸ Например, славизм «*sztrojka* (укр. (русс.) стройка)» в закарпатском варианте венгерского языка рассмотрен им в первую очередь как украинизм и только в скобках фигурирует и русское происхождение этого слова (Rot 1973: 390). Ср. замечания А. Золтана на ту же тему 40 лет спустя, который настаивает на том, что славизмы в венгерском закарпатском говоре имеют неоспоримый русский характер: „Az orosz nyelv múltbeli szinte kizárólagos, de még ma is erőteljes hatása miatt a kárpátaljai magyar nyelvhasználat sajátosságait, a magyarországi standardtól és a többi utóállamokbeli regionálisan 'színezett' változattól még mindig nem 'ukrános', hanem határozottan 'oroszos' beütései (jövövény- és tükörszavak, pragmatikai sajátosságok) adják. Jellemző, hogy a Magyar értelmező szótár második, átdolgozott kiadásába (Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003) felvett kárpátaljai szavak jegyzékében, amelyet egyébként Csernicskó István állított össze, mindössze két ukrán eredetűnek jelzett szó van (*szénázás, reket*), de ezek közül a *szénázás* 'silótoronyban tartósított széna' hangtani okokból nyilván nem az ukrán *синаж*, hanem az orosz *сенаж* átvétele, a *reket* 'bünszövetkezet' pedig az ukránban (*pekem*) és az oroszban (*пекем*) azonos hangalakban meglévő amerikanizmus (vö. amerikai angol *racket* 'zsarolás'), tehát legalább annyira tekinthető russzicizmusnak, mint ukrainizmusnak” (Zoltán 2005: 533-534). Позже И. Черничко избегая проблематичное определение происхождения заимствований, упоминает лишь о «многих заимствований из украинского, русского языков в узусе местных венгров», как, например, *bánká, dohovor, elektrieska, bulocska, ocseredy* и т. д. (Csernicskó 2004/a: 476). В работе И. Крайника, посвященной славизмам в современных венгерских говорах Закарпатья примечательно, что 98 % фигурирующих в вопросах слов являются руссизмами, а не украинизмами (Krajník 2010: 80).

¹²⁹ «[...] источником был как украинский, так и русский язык или слово является в украинском руссизмом» (Rot 1973: 387).

привилегированным по сравнению с остальными языками советских республик. Он мог даже подняться до уровня средства межэтнического общения¹³⁰, хотя русский язык был еще престижнее и более распространенный на всесоюзном уровне.

А. Золтан замечает то же стирание границ между восточнославянскими языками в работе И. Черничко, в которой в описании многоязычия в Берегове цитируются русские предложения, но рассматриваются как украинские, возможно из лояльности к новому украинскому государству, «чтобы не обидеть новую украинскую национальную чувствительность»¹³¹. То же самое расплывчатое определение между русским и украинским языками мы обнаружили и в книге З. Кармачи, посвященной языковому поведению детей из смешанных семей Мукачева и Берегова. О некоторых высказываниях автор пишет, что они были произнесены на русском языке, но транскрипция «выглядит» украинской не только с точки зрения правописания, но и лексики¹³². Исследователь сам дает нам объяснение этого смешения: «Смешение русского и украинского языков является характерной чертой славянского языкового узуса в Закарпатье, так как большинство закарпатцев не говорят чисто ни по-русски, ни по-украински, а на смешенном варианте обоих языков»¹³³. В примере трехязычного диалога, приведенном А. Бергсаси из речи одного закарпатского венгра в береговском горсовете, мы наблюдаем ту же трудность в точном разделении русского кода от украинского: «*Akkor ide kell a főmérnöknek, vagyis a főnöknek írni egy kérvényt, hogy proшу видання услуги для*

¹³⁰ В этом порядке идей процитируем отрывок о положении в Украине из книги, посвященной функционированию русского языка в близкородственном языковом окружении 1981-го года: «В некоторых районах республики (например, Измаильщина, Закарпатье) представители ряда народов, проживающих в полосе этнического смешения, достаточно свободно говорят на несколько языках, чаще всего – на языке своей национальности, украинском и русском. [...] Подобного рода языковая ситуация благоприятствует расширению сфер действия русского и украинского языков и интенсифицирует процессы всестороннего языкового взаимодействия в республике» (Ижакевич 1981: 11).

¹³¹ „A könyv ebből a szempontból néha számomra ismeretlen okból – talán az ukrán nemzeti érzékenység iránti tapintatból? – nem fogalmaz eléggé világosan, sőt néha kissé félrevezető. Az egyik beregszászi hivatalban lejegyzett párbeszéd félévezetésében olvassuk például: „Az ügyfél magyar nyelven fordul a hivatalnokhoz, aki *ukránul* szól egy magyarul értő kollégájának [...]”, de a közölt szöveg nem ukrán, hanem orosz (95–96, a kiemelés az idézetben is tőlem. – Z. A.). Az új ukrán hatalomra alighanem az a szintén Beregszászról feljegyzett és nem egyedi eset az igazán jellemző, amikor „a magyar nyelvű írásbeli ügyintézés lehetősége felől érdeklődő ügyfelet *orosz nyelven* kioktatták arról, hogy a hivatali ügyintézés nyelve az *ukrán*” (99, kiemelés az eredetiben). A kárpátaljai magyar nyelvhasználatban előforduló „államnyelvi” jövevényszavak zöme is orosz egyelőre, bár ez nyilván változni fog a jövőben az ukrán javára (134)” (Zoltán 2005: 533).

¹³² „Що побудовали в садику? А як будували? А що було ніс? Albert nemcsak apjával beszélt magyarul az orosz kérdések ellenére” (Karmacsai 2007: 98).

¹³³ „Az orosz és ukrán nyelv keveredése Kárpátalja szláv nyelvhasználatának jellegzetessége, mivel a kárpátaljaiak többsége nem beszéli tisztán sem az orosz, sem az ukránt, hanem a két nyelv kevert változatát” Karmacsai (2007: 86).

подключения к городской сети» (Beregszászi 2004: 40). Автор пытается различить венгерский, украинский и русский языки посредством разных шрифтов: «обычным шрифтом обозначен основной код беседы (венгерский текст), простым курсивом – русский текст, подчеркнутым курсивом – украинский. А жирным курсивом – те части, которые совпадают по-русски и по-украински». Как мы видим, мы имеем дело в данном примере, в основном, с русским предложением, в котором фигурирует одно единственное слово полностью по-украински (см. *видання*). '*Городская сеть*' по-украински было бы '*міська мережа*'. То же самое предложение приводит как пример языкового поведения венгров Закарпатья и И. Черничко, но при этом он не проводит грани между русским и украинским языками, которых он считает вместе языками большинства¹³⁴.

Исходя из вышеприведенных примеров и цитат, мы видим, что для проведения полевой работы нам необходимо оперировать такими понятиями как языковое сообщество, языковая и коммуникативная ситуация, коммуникативное пространство, родной язык, языковая норма / языковой стандарт, отклонение от нормы, диалект, смешанный язык, пиджин, двуязычие / многоязычие, диглоссия, переключение языкового кода и др. Эти понятия – ключевые в социолингвистики и не менее важные в языкознании – интерпретируются разными социолингвистами и языковедами иногда по-разному, в зависимости от изучаемого лингвистического материала, а также от научного подхода. Теория не всегда находит точное отражение в практике. Эти понятия, – не говоря о самих языках, границы между которыми не всегда однозначны¹³⁵ – могут смешиваться, переходить одно в другое или применяться в разных коммуникативных пространствах по-разному.

Мы попробуем дать определения большинству перечисленных понятий на основе исследованных нами коммуникативных пространств, существующих на них языковых сообществ и зафиксированных нами коммуникативных ситуаций.

Главное среди этих понятий, как нам кажется, понятие языкового сообщества, о котором мы уже не раз упоминали в разных главах нашей работы. Необходимость в определении языкового сообщества возникла именно при изучении дву- и

¹³⁴ „Vannak helyzetek, amikor a magyart, máskor az ukrán vagy az orosz nyelvet használják, és előfordulnak olyan szituációk is, amikor vegyesen használják a magyar és a többségi nyelve(ke)t” (Csernicskó 2004/a: 475).

¹³⁵ Особенно это утверждение действительно в случае многоязычных говорящих, которые пользуются в повседневной коммуникации близкородственными языками. В нашем случае это русский, украинский и русинский языки, границы между которыми, как мы видели выше, могут не всегда отчетливо восприниматься ни самими говорящими, ни их исследователями.

многоязычия. С помощью этого понятия исследователь-языковед определяет социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом. В. И. Беликов и Л. П. Крысин приводят следующее определение языкового сообщества: «это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности» (Беликов–Крысин 2001: 11). Вышеупомянутые авторы приводят «отрицательные примеры, то есть в каких случаях мы не можем говорить о языковом сообществе, хотя речь идет об одном и том же (или почти) языке: французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. «Язык один и тот же (или почти один и тот же), а сообщества разные» (Там же). Р. Уордхэ приводит более интересующий нас пример, говоря об асимметричном языковом сообществе украинцев и русских: большинство украинцев отличают себя от большинства русских, но это не обязательно действительно наоборот (Wardhaugh 1995: 104). Под этой асимметрией английский социолог подразумевает то, что русские традиционно воспринимали украинский язык (мало)русским диалектом, а украинцы настаивают на полной языковой самостоятельности и независимости от великорусского языка. Похожая полемика возникла уже в 30-ые годы, когда коммунисты критиковали языковую политику царской России из-за трактовки украинцев «малорусами» (Gribincea–Șișcanu 2004: 43).

Определение конкретного языкового сообщества зависит от географического пространства или, в более узком лингвистическом смысле слова – языкового пространства, а также может зависеть и от политического строя и государственных границ. Главное – это «*общность социальной жизни и наличие регулярных коммуникативных контактов*» (Беликов–Крысин 2001: 11). Ч. Барта обращает наше внимание на необходимость различать понятия языковое сообщество и речевое сообщество («*Sprachgemeinschaft*»), которое еще шире и включает в себя всех носителей данного языка без учета географических и политических границ¹³⁶. Согласно интерпретации языкового сообщества, которая ставит в центр внимания

¹³⁶ Ср. «*nyelvközösség*» и «*beszélőközösség*» (Bartha 1999: 63).

языковую интеракцию, языковое сообщество – это комплексная коммуникативная сеть, члены которой имеют общее представление по поводу собственного языкового поведения, а также языкового поведения других (Bartha 1999: 64).

В каждом языковом сообществе центральным вопросом является язык или языки, на которых осуществляется коммуникация. Также нелегким является и определение родного языка в многоязычных сообществах, каким является и Солотвино. Ч. Барта, как и многие языковеды, сознает, что это один из самых проблематичных вопросов в исследовании двуязычия. В международной социолингвистике предпочитают термин «первый язык», который более нейтрален. В своем исследовании языковых контактов в Закарпатье, Г. Мелика приносит интересные данные о 83 смешанных семьях возле Мукачево. В 34 семьях язык семейного общения совпадает с языком матери, а в 49 семьях члены семьи общаются на родном языке отца (Melika 2007: 390). Таким образом, родной язык детей может называться в то же самое время и «материнским» языком или же «отцовским» языком¹³⁷. Опираясь на другие исследования, в особенности шведского лингвиста Скутнаб-Кангас, Ч. Барта перечисляет четыре важных критерия в определении первого языка говорящего: национальность (этническая принадлежность), степень владения языком, функция данного языка в повседневной жизни говорящего (т.е. частота пользования), отождествление с языком, т.е. языковая самоидентификация (Bartha 1999: 152). Другое определение родного языка, которое совпадает с предыдущим в общих чертах, но ставит ударение на его усвоение в раннем детстве, приводят В. И. Беликов и Л. П. Крысин: «родной язык – это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте» (Беликов–Крысин 2001: 12). О трудностях определения этноса и родного языка свидетельствует и критика, которой подвергает Н. Б. Мечковская определение В. И. Беликова и Л. П. Крысина, где, по мнению рецензента, авторы учебника не приняли во внимание оппозицию «языковое бытие – языковое сознание» (Мечковская 2003: 45). Исследуя языковые контакты в многоязычном Дагестане, большинство лакцев, оказываясь в инонациональном окружении, теряли знание лакского языка, но продолжали его считать родным языком, несмотря на то, что

¹³⁷ Напомним, что в венгерском, а также в румынском языке понятие родной язык переводится дословно как «материнский язык» (ср. венг. *anyanyelv*, рум. *limba maternă*).

пользовались преимущественно русским языком во всех сферах жизни¹³⁸. Двадцать лет после исследования языковых компетенций лакцев в Дагестане, с такой же трудностью в определении родного языка сталкивается и Т. Т. Камболов в Северной Осетии, так как осетины утверждают, что для них родным языком является осетинский, но при этом они давно уже ассимилированы. Они не могут «признаться в незнании языка своей национальности, в том, что именно русский язык является для многих единственным родным, а не 'вторым', потому что это признание равно признанию в собственной культурной неполноценности». Более того, продолжает Т. Т. Камболов, «если опираться при оценке языковой ситуации на данные переписей, то можно сделать вывод, что среди осетин за тридцать лет между переписями 1959 и 1989 годов [...] вообще не произошло никакой языковой ассимиляции. Очевидно, что приведенные здесь данные, предлагающие практически стабильный уровень этнической языковой компетенции осетин, очень далеки даже от результатов социологических опросов, а в реальности [...] расхождения будут еще более ощутимыми» (Камболов 2007: 66).

Заметим, что трудность составляет и тот факт, что в дву- и многоязычных языковых сообществах родных языков может быть более одного. Но в специальной литературе всякий язык, которым индивид овладел после родного, принято называть вторым языком. Конечно, «вторых языков» может оказаться несколько, но они обычно будут различаться и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва, и нередко – по их использованию в зависимости от ситуации или сферы общения. Такое функциональное распределение языков, собственно говоря, и превращает многоязычие в полиглоссию. Понятие

¹³⁸ «В связи с исследованием русского языка в Дагестане необходимо учесть особенности использования родного языка территориально разобщёнными лакцами в разном этническом окружении. На своей исконной территории родным языком все лакцы считают свой, лакский язык. В интернациональном окружении сохраняется то же положение пока в семейном общении данный язык продолжает функционировать. Однако ввиду высокой миграционной подвижности лакцев некоторые семьи оказались и оказываются в инациональных регионах нашей страны, не имея связей с основным массивом населения лакцев или поддерживая с ними лишь спорадические контакты. В таких семьях дети очень редко перенимают от родителей лакский язык, и родным для второго и третьего поколений реально становится русский. По переписи 1979 года русский язык в качестве родного назвали 5 % лакцев, В самом деле, таких гораздо больше: многие, не владея лакским, называют его родным по этическим соображениям, так как это язык национальности родителей. Те, с которыми доводилось беседовать, так объяснили своё отношение к пониманию сущности родного языка» (Абдуллаев 1984: 35).

фергусонской¹³⁹ диглоссии в применении к трем или больше языкам именовали полиглоссией. Вначале термин полиглоссии использовали для обозначения языковой ситуации некоторых «развивающихся» стран¹⁴⁰ – преимущественно Азии –, но языковеды последнего времени применяют его и к языковой ситуации в Европе, а именно в Закарпатье. К. М. Рил говорит о полиглоссии в случае немецкого меньшинства Закарпатья, представители которого наряду с диалектальным немецким и стандартным немецким языками говорят еще на русинском, стандартном украинском, на русском и на венгерском¹⁴¹.

Именно в таких многоязычных, а точнее, полиглоссных ситуациях появляется необходимость определить основной и второстепенный/ые языки¹⁴². В. И. Беликов и Л. П. Крысин уточняют, что «часто основной язык – тот, на котором осуществляется межэтническая коммуникация. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык». Следуя данному ходу мыслей, мы можем сказать, что и в Солотвине русский язык является «основным». Исследователи необычайно многоязычного Дагестана уже предлагали «ввести коррективы в существующие в науке определения понятия родного и второго родного языка» (Абдуллаев 1984: 40). Ничего не ведая о спорах ученых в этой области, дети из этнически смешанных семей в Солотвине совершенно спонтанно часто обозначали родной язык понятиями «мой первый родной язык» и «мой второй родной язык»¹⁴³.

Этот основной язык часто не является родным и имеет некоторые черты интерференции. Специфика таких вариантов второго языка в первую очередь обусловлена воздействием на него родного языка (или языков) говорящих через

¹³⁹ См. вышедшую в 1959-ом году статью Ч. Фергусона о диглоссии. Она была переиздана в 1964 году в книге *Language in Culture and Society* (см. Ferguson 1964). О явлении диглоссии см. также, среди прочих, Wardhaugh 1995: 79-84, Беликов–Крысин 2001: 36-39, Виноградов 1990: 136.

¹⁴⁰ „Kialakult a triglosszia, majd pedig – elsősorban bizonyos fejlődő országokbeli, bonyolultabb nyelvi helyzetek jellemzésére – a poliglosszia fogalma is” (Lanstyák 1993: 16-17).

¹⁴¹ „Es gibt auch polyglossische Situationen: in Transkarpatien [...] leben noch deutschsprachige Minderheiten, die neben dem deutschen Dialekt und der deutschen Standardsprache einen ukrainischen Regionaldialekt (Ruthenisch), die ukrainische Standardsprache, Russisch und Ungarisch verwenden. Die Domänen, in denen die jeweiligen Sprachen gebraucht werden können, überschneiden sich allerdings, da die Dialekte als L-Varietäten und die Standardsprachen als H-Varietäten angesehen werden” (Riehl 2004: 19).

¹⁴² Русские термины основной (доминирующий) язык и дополнительный язык нельзя считать общепринятыми. В англоязычной социолингвистике терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *first language*, а любой усвоенный после него – *second language*, коммуникативно наиболее важный язык – *primary language*, а более ограниченный в использовании – *secondary language*, хотя языковеды-методисты могут пользоваться этими понятиями не придерживаясь этой дифференциации.

¹⁴³ См. подробнее главу 3.2. данной работы.

интерференцию. «Такие региональные разновидности часто называют 'этнолектами', хотя основу коммуникативного сообщества могут составлять различные этносы. Например, на дагестанском этнолекте русского языка в Дагестане говорят представители разных народов, включая и местных русских старожилов» (Беликов–Крысин 2001: 13). Однако, исходя из нынешнего состояния рассматриваемого русского языка, мы лишь частично можем назвать русский язык Солотвина этнолектом. Без государственной поддержки его выживание сомнительно. Замечание В. И. Беликова и Л. П. Крысина о том, что «именно этнолект часто становится родным языком одноязычных представителей языкового сообщества независимо от их этнической принадлежности» (там же) более подходит оставшемуся в составе Российской Федерации Дагестану, чем подвергающемуся интенсивной украинизации Закарпатья.

Существуют разные подходы к определению родного языка, но в рамках данной работы мы не имеем возможности обсудить досконально этот многосторонний вопрос. Мы ограничились теми подходами и интерпретациями, которые могут применяться в солотвинском коммуникативном пространстве¹⁴⁴. Такими смежными с понятием родного языка являются и термины «глоттизм», в сопоставлении с термином «лингвизм», предложенные Л. Ланштяком¹⁴⁵. В случае глоттизма, индивид овладевает вторым языком позднее, чем родным, тогда как при лингвизме, второй язык усваивается одновременно с родным языком. В случае национально-русского двуязычия в Солотвине мы можем сказать, что мы имеем дело с вариантом лингвизма, так как русский язык усваивается спонтанно, с раннего детства именно в смешанных семьях или же – на улице и в общественных местах (преимущественно в магазинах, барах, в музыкальной школе, а также на курсах автовождения¹⁴⁶). Применяя терминологию низкого и высокого вариантов языка в ситуации диглоссии, ученые различают низкий вариант, т.е. усвоенный вне системы образования язык, и высокий вариант – т.е. престижный язык выученный посредством преподавания¹⁴⁷. С этой точки зрения ситуация в Солотвине

¹⁴⁴ См. подробнее полемику об определении родного языка, среди прочих, Bartha 1991: 31-40, 47-66; Lanstyák 2000: 149-152; Wardhaugh 1995: 85-89.

¹⁴⁵ „Glottizmus a másodnyelvnek az anyanyelvnél későbbi elsajátítása, a lingvizmus a két nyelv szimultán elsajátítása” (Lanstyák 2000:150).

¹⁴⁶ Об этих «стратегических» местах обучения русскому языку мы узнали из письменных анкет и из рассказов наших информантов.

¹⁴⁷ “The H variety is *taught*, whereas the L variety is *learned*” (Wardhaugh 2006: 91). Нам кажется, что венгерский перевод данной оппозиции лучше оригинала выражает разницу между сознательно

чрезвычайно противоречива. Как мы видели во второй главе, русский язык распространился в Солотвине благодаря своему престижному статусу всеоюзного языка культуры, науки и образования. А сегодня он стал неофициальным, «низким» языком улицы и «внутрисемейного» общения. Частично он все-таки остался и «высоким» вариантом, так как телевизионные каналы, эстрадная музыка, интернет и даже среднее школьное образование – хотя в гораздо меньшей мере, чем 20 лет назад – доступны и охотно «используемы» на русском языке. Поэтому трудно сказать, является ли солотвинский вариант русского языка высоким или низким.

Эта изменчивая языковая ситуация на всеукраинском уровне характеризуется В. И. Беликовым и Л. П. Крысином следующим образом: «на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной мере деля сферы применения (естественные и технические науки – преимущественно на русском языке, гуманитарные – преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 90-е годы XX в. функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается» (Беликов–Крысин 2001: 15-16). Такое идиллическое описание «динамического равновесия между этими языками» во время Советского Союза не могла остаться незамеченной белорусским языковедом Н. Б. Мечковской, которая видит в этом описании отставшую «имперскую трактовку национально-языковых отношений» (Мечковская 2003: 51). Исходя из вышеприведенного замечания, мы можем еще раз убедиться в том, что вопрос функционирования русского языка в Украине¹⁴⁸ очень чувствителен не только в политическом отношении, но и в плане социолингвистики.

«выученным» и спонтанно «усвоенным» языками (ср. «*tanított és eltanult nyelvváltozat*» Wardhaugh 1995: 81). У М. В. Завьяловой эти два способа усвоения языка описываются следующим образом: «формальный способ обучения» и «неформальное, непосредственное обучение языку» посредством «погружения в языковую среду» (Завьялова 2001: 61).

¹⁴⁸ Даже в таких мелких деталях как использование предлога *на* или *в* со словом Украина, среди лингвистов нет единства взглядов. Некоторые, вероятно более «имперски» настроенные,

Языковая ситуация в/на Украине радикально изменилась, но языковое сообщество осталось более или менее прежним. Наши наблюдения основываются на конкретных коммуникативных ситуациях, при анализе которых мы должны считаться и с изменчивой глобальной языковой ситуацией страны.

Другое важное понятие, без которого нельзя обойтись в исследовании многоязычного сообщества – это переключение и смешение языковых кодов. Мы видели, что в Украине русский и украинский языки, а также языки национальных меньшинств имели и имеют отдельную сферу употребления. В многоязычных обществах *«билингвы, [...], обычно 'распределяют' их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями – другой (другие)»* (Беликов–Крысин 2001: 16). Термин переключение кодов (или кодовое переключение) является калькированием английского термина *code-switching*¹⁴⁹. Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-ых годов XX века. Р. Уордхэу приводит разные и очень интересные примеры переключения кодов с разной мотивацией между английским и испанским языками в Нью-Йорке, английским и французским в Канаде, а также между двумя вариантами норвежского языка (Wardhaugh 1995: 92-97).

Кодовое переключение в речи говорящего может произойти по разным причинам. В. И. Беликов и Л. П. Крысин упоминают смену адресата¹⁵⁰, изменение роли самого говорящего и смену темы разговора (Беликов–Крысин 2001: 17-18). А. Борбей опираясь на исследования таких известных социолингвистов как Грожан и Гумперз перечисляет исчерпывающее количество типов переключения кодов:

- повышение статуса (изменение роли говорящего, показ эрудиции и специальных знаний),

предпочитают на Украине, тогда как симпатизирующие новым независимым государствам перешли на предлог *в*, т.е. *в Украине*.

¹⁴⁹ Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон, который писал: «Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» (Jakobson цит. по: Беликов–Крысин 2001: 16).

¹⁵⁰ Переключение кодов из-за вступления в разговор последующего участника коммуникации, может происходить, с одной стороны с целью исключения его из круга общения, или же, наоборот – с целью включения его в общую беседу (как мы увидим на примере Диалога № 2 и № 3, анализируемых в главе 3.1.2. данной работы). По поводу переключения кодов с целью исключения (венг. *«kirekesztés»*) см. также Beregszászi 2004/a: 39.

- солидарность (признак групповой идентичности / принадлежности),
- персонализация сообщения, фамильярность (выражение гнева, сердитости, ругательства),
- исключение (кого-то из беседы),
- обращение,
- заявление личного мнения в сопоставлении с объективным мнением,
- за-/дополнение,
- соединение с предыдущим сегментом диалога,
- цитирование,
- вводное слово,
- оценка предыдущего сообщения,
- повторение прозвучавшей информации на другом языке (Borbély 2000: 108-109).

Кроме этих уже знакомых в социолингвистике типов кодового переключения, исследовательница проживающих на территории Венгрии румын А. Борбей добавляет еще 2 типа: один – это когда, обычный язык фигурирующего в сообщении лица влияет на переключение кода говорящего и другой – это смена языка с целью обогащения словарного запаса слушающих¹⁵¹.

Несмотря на множество возможных объяснений (или – выражаясь по-другому – типов кодовых переключений) описанных в социолингвистических работах, бывают случаи, когда многоязычные говорящие переходят с одного языка на другой без какой-либо мотивировки¹⁵². Примерно такое же объяснение приводится и в составленном Ю. Д. Дешериевым сборнике о развитии национально-русском двуязычии в 70-ые годы: «При сплошном двустороннем двуязычии билингв каждый раз должен выбирать тот или иной язык в зависимости от ситуации. Интересна мотивация выбора, предпочтения того или иного языка. Изучение мотивов речевого поведения билингва очень важно [...]. В большинстве случаев в бытовом общении при двуязычии и многоязычии языки употребляются беспорядочно, выбор языка

¹⁵¹ „Az eddig ismert kódváltás típusok (kitöltés, idézés, pontosítás, ismétlés, érzelmi kinyilvánítás, kiváltás, megszólítás, téma- vagy szituáció-függés) mellett a közösségben két újabb – mindenképpen a nyelvcserhelyezettel összefüggő – típusra figyeltem fel. Az egyik az, amikor az üzenetben szereplő személy szokásos nyelvhasználata befolyásolja a beszélőt abban, hogy kódot váltson. A másik pedig az a kódváltás, amely annak a szándékának köszönhető, hogy a hallgatóság szókincse bővüljön” (Borbély 2000: 130).

¹⁵² «Как мы видели, переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки» (Беликов–Крысин 2001: 19).

случаен, резки и внешне не мотивированы переходы от одного языка к другому, смена языков в процессе речи не осознана, переключение с одного языка на другой зачастую вызывается разными внешними причинами»¹⁵³.

Понятие переключения кодов подразумевает и понятие основного кода общения, который является одним из самых интересных проявлений солотвинских коммуникативных ситуаций. Основной код, по определению Ж. Амерса и М. Блана, «тот язык, на котором сумма коммуникативных компетенций собеседников самая высокая»¹⁵⁴. Мы считаем, что этот «принцип языковой компетенции», введенный бельгийскими лингвистами, лежит в основе самого интересного явления в языковом поведении солотвинцев, то есть выбора русского языка для общения между трех- / четырехязычными венграми и румынами. Данная формула этого несознательного выбора основного кода, примененная к солотвинским языковым ситуациям, выглядит следующим образом: например, румын говорящий на местном румынском (RO1) в 100%-й мере, на венгерском (HU1) – в 20-60% (в зависимости от случаев) и на русском языке (RU1) – в 80-90% выберет для общения с местным венгром тот язык, на котором сумма их языковых компетенций самая высокая. Если предположить, что венгр владеет теми же языками, но наоборот (то есть, на первом месте у него знание местного венгерского HU2 = 100%, RO2 = 20-60%, RU2 = 80-90%), то выходит, что русскому языку соответствует самая повышенная сумма их языковых компетенций: RU1 + RU2 = 160-180 %; в то время как RO1 + RO2 = 120-160%, и также HU1 + HU2 = 120-160 %. Как мы видим из данного уравнения, сумма языковых компетенций всех этих языков может даже совпадать: HU1 + HU2 (или RO1 + RO2) может иметь ту же величину, что и RU1 + RU2 в случае хорошего владения языком соседнего национального меньшинства. Выбор русского языка в случае общения между местным румыном и венгром не чисто прагматичен, т.е. он зависит не исключительно от суммы языковых компетенций собеседников, а

¹⁵³ Данному высказыванию следует пример из литовско-русского двуязычия: «Например разговор в магазине: покупатель: по-русски – продавец: по-литовски – покупатель: по-литовски, последнее слово по-русски, и переключение на русский, переключение на литовский: читает этикетку – цена куклы на литовском языке: *Kiek kainuoja šita kukla?* (последний переход на русский, так как стоящие рядом заговорили о кукле на русском языке). Такое употребление языков часто ведет к усилению интерференции, к явлениям смешения языков» (Дешериев 1976: 343).

¹⁵⁴ В специальной литературе часто приводится данное определение на английском языке: “Linguistic competence principle. The code selected in the interaction is that in which the sum of the individual communicative competences of the interlocutors is maximum” (Hamers–Blanc 2000: 253). Но оригинально оно было сформулировано по-французски в трехязычной Бельгии: „Principe de compétence linguistique: le code choisi sera celui pour lequel la somme des compétences linguistiques individuelles des deux interlocuteurs est maximale” (Hamers–Blanc 1983: 193).

вероятно происходит и по психологическим причинам нежелания оказаться под языковым влиянием «соседа»¹⁵⁵.

3.1.1. Модель двуязычного диалога: рецептивный билингвизм в Украине

Как мы уже упоминали в предыдущей части нашей работы, в других селениях Закарпатья, а именно в Тячеве, а также в Хусте и Ужгороде, мы не раз были свидетелями интересной модели общения, когда русскоязычный гость / покупатель обслуживался в ресторане / магазине на «чисто» украинно-русинском языке. Таким образом, и в других селениях Закарпатья, а также всей Украины, русский язык тоже может участвовать в межэтническом разговоре, но согласно интересной модели «двухкодового общения»¹⁵⁶. Русский и украинский – близкородственные языки. Этот факт значительно помогает участникам такого «двуязычного» диалога понимать друг друга. Эта модель наблюдается именно в украинско-русской реляции, где со стороны каждого участника беседы подразумевается абсолютное понимание лингвистического кода собеседника, но они не переходят на один общий код. Это состояние мы можем назвать и пассивным или латентным двуязычием¹⁵⁷. В данном случае мы имеем дело по понятию Р. Уордха с типичным примером языкового сообщества (*linguistic community*), в котором осуществляется практическая

¹⁵⁵ Похожую трехязычную языковую картину описывает Г. Н. Захарова, изучая приграничные районы северной Молдавии и юго-западной Украины: «Наиболее высока у украинского и молдавского населения региона потребность в национально-русском двуязычии [...]. Украинцы чаще связывают свое представление о родном языке с русским». В Новоселицком районе Черновицкой области и в Бричанском, Единецком и Дондюшанском районах МССР исследовательница зарегистрировала следующую языковую предпочтительность в своей этнической среде: среди украинцев 62 % предпочитают общаться на украинском; 1,9 % на молдавском и 27 % на русском языке. Среди молдаван 2,9 % – на украинском, 38,2 % – на молдавском и 56,3 % – на русском. В иноэтнической среде, 20 % украинцев предпочитают говорить по-украински, 20 % – по-молдавски, а 55,5 % – по-русски. 14,6 % молдаван в иноэтнической среде говорят по-украински, 16 % – по-молдавски, а 62 % – по-русски (Захарова 1985: 67). Как мы видим из приведенных результатов опроса, в этом приграничном регионе украинцы и молдаване в иноязычной среде предпочитают русский язык, а молдаване – и в своей этнической среде.

¹⁵⁶ В этих местах в отличие от Солотвина, как правило, нет двух или больше национальных меньшинств, составляющих большинство населения и титульная нация составляет более значительный процент местного населения.

¹⁵⁷ В сопоставлении с продуктивным (или неограниченным) билингвизмом, который характеризуется следующим образом: «под продуктивным билингвизмом понимается такое владение двумя языками, которое позволяет билингу не только понимать (т.е. воспринимать и понимать) и воспроизводить речевые произведения, принадлежащие вторичной системе, но и порождать их. Продуктивный билингвизм, в свою очередь, подразделяется на субординативный билингвизм, когда в речевых произведениях, порождаемых на его основе, устанавливается нарушение вторичной языковой системы, и координативный билингвизм, когда в речевых произведениях на вторичной языковой системе нарушения не допускаются» (Камболов 2007: 63). Несомненно в наших примерах есть и промежуточные формы между субординативным и координативным билингвизмом.

коммуникация. В свою очередь, практическая коммуникация не должна обязательно происходить на одном языке, так как «во многих обществах двуязычие и многоязычие нормальное явление»¹⁵⁸. Данное языковое сообщество предполагает у всех ее представителей хотя бы одностороннее, пассивное двуязычие, то есть полное понимание языкового кода своего иноязычного собеседника. По мнению А. Н. Рудякова, «такой диалог, когда один из говорящих говорит на русском, а второй отвечает на украинском абсолютно нормален и нормативен в наши дни на Украине» (Рудяков 2007: 571). А. Павленко называет данное явление «*cooperative non-accommodation*» («кооперативным неприспособленчеством»), которое появилось как «интересный результат растущего равенства между двумя языками [...], где каждая сторона ведет разговор на своем предпочитаемом языке, с расчетом на понимании и уважении другой стороны»¹⁵⁹. Японский славист Ю. Симэки предлагает следующие переводы терминов данного языкового поведения из англоязычной специальной литературы: «незаймный» билингв» для «*nonreciprocal bilingual*» или «неаккомодационный билингвизм» для «*nonaccommodating bilingualism*». Этими терминами он называет такие случаи, «когда коммуникатор и реципиент используют два языка в диалоге, например, если один человек заговаривает о чем-то с другим по-украински, а второй отвечает ему по-русски» (Симэки 2010: 65). К. Майерс-Скоттон называет похожую ситуацию в Скандинавии «ограниченным двуязычием» («*limited bilingualism*») или «рецептивным двуязычием» («*receptive bilingualism*»): «Когда говорящие на этих языках [то есть, на шведском, норвежском и датском – А. П.] скандинавы встречаются, каждый участник говорит на своем родном языке во время многих бесед. Эта форма ограниченного двуязычия называется рецептивным билингвизмом, то есть адресат только развивает рецептивные способности к языку другого говорящего (подразумевается, что он понимает, но не говорит на этом языке)»¹⁶⁰.

По поводу похожей двуязычной языковой ситуации у словацких венгров И. Ланштяк пишет, что данное национальное меньшинство может считаться

¹⁵⁸ «Many societies have existed and still exist in which bilingualism and multilingualism are normal» (Wardhaugh 2006: 122).

¹⁵⁹ «An interesting outcome of the growing equality between the two languages is the phenomenon of *cooperative nonaccommodation*, where each party conducts the conversation in their preferred language, with the expectation of being understood and respected by the other party» (Pavlenko 2008: 62).

¹⁶⁰ «When Scandinavians who are speakers of these languages meet, each participant speaks his or her own language in many conversations. This form of limited bilingualism is called receptive bilingualism; that is, the addressee only develops a receptive ability in the other speaker's language (meaning he or she can understand, but not speak the language)» (Myers-Scotton 2006: 19).

двуязычным сообществом, даже если часть его членов не владеет вторым языком. Те, которые не говорят на втором (государственном) языке и плохо понимают его, тоже имеют «двуязычную коммуникативную компетенцию», то есть они тоже знают, в каких языковых ситуациях могут себе позволить заговорить на языке меньшинства (т.е. на родном), и в каких ситуациях и местах было бы уместно пользоваться языком титульной нации¹⁶¹.

Некоторые языковеды считают рецептивный билингвизм или мультилингвизм идеальной языковой ситуацией, но трудно выполнимой. Такого мнения придерживается и швейцарский социолингвист Б. Катоме, который пишет, что «идеальной ситуацией в трехязычном кантоне как Граубюнден был бы квалифицированный мультилингвизм, в котором каждый мог бы говорить на своем собственном языке, будучи понятым своим иноязычным собеседником. В Граубюндене это не так. Разные меньшинства ограничены своим языком и едва ли понимают соседний диалект». Заметим, что и в этом многоязычном швейцарском кантоне жители прибегают к «нейтральному» немецкому языку в межэтническом общении¹⁶².

Интересное объяснение распространению «неаккомодационного билингвизма» в сегодняшней Украине дает Ю. Симэки. Японский исследователь русского языка в Украине и отношения к русскому языку двуязычного населения предполагает, что это русско-украинское «невзаимное» двуязычие будет распространяться еще больше, так как жители Украины намеренно отказываются от смешанного языка, от суржика: «Как термин 'суржик' оценивается отрицательно, так и смешение языков в современной Украине считается явлением, которое рекомендуется избегать. Члены украинского культурно-языкового сообщества все чаще стараются говорить на литературном языке, заботясь о правильности используемых языков. В результате стремления к правильности и точности языкового выражения в будущем, вероятно, получит распространение вышеупомянутое явление неаккомодационного

¹⁶¹ „A szlovákiai magyar kisebbség mint közösség is kétnyelvűnek tekintendő, még ha a hozzá tartozó beszélők egy része nem beszél is a másodnyelvet; [...] azért, mert a szlovákul nem tudók is kétnyelvű kommunikatív kompetenciával rendelkeznek (tudják, milyen színtereken, milyen beszédhelyzeteken szólalhatnak meg magyarul, s milyen színtereken, beszédhelyzetben kellene szlovákul beszélniük” (Lanstyák 2000: 140-141).

¹⁶² „La situation idéale dans un canton trilingue tel que les Grisons serait sans aucun doute un plurilinguisme qualifié où chacun pourrait parler sa propre langue en étant compris par son interlocuteur d'autre langue. Dans les Grisons, cela n'est pas le cas. Les différentes minorités sont réduites à leurs propres moyens et ne se comprennent guère l'une l'autre. L'allemand constitue en effet la langue principale et dominante!” (Cathomas 1988: 122).

билингвизма» (Симэки 2010: 65). В дальнейшем, Ю. Симэки отмечает, что явление смешанного языка трудно выделяемо, потому что обычные опросы не могут объективно отразить существование смешанного языка: «Вышеуказанное стремление украинцев к нормативному использованию украинского и русского языков, вероятно, может быть выявлено в социологических исследованиях, использующих альтернативные вопросы, в которых нужно выбрать один ответ из двух, например, выбрать украинский или русский язык. Однако результаты таких опросов оставляют за рамками своего внимания факт существования смешанного языка или же недостаточного владения языком» (там же). Оказывается, что даже стремление к украинизации может обратиться в пользу русскому языку: «Чем сильнее будут становиться украинизация и стремление к правильному и точному употреблению языков, тем больше численность сторонников русского языка будет превышать количество русскоговорящих жителей Украины, что, как нам представляется, будет все более отчетливо проявляться в будущем» (там же).

Как бы продолжая эту «народную» традицию двуязычного общения, на украинском телевидении появились такие передачи, токшоу, реалитишоу, в которых один ведущий говорит постоянно на украинском языке, а второй – последовательно на русском. Например, в популярной передаче *Танцюють всі!* на телеканале СТБ ведущие составляют интересную пару: женщина, которая оказывается не только коллегой ведущего, но и его женой, представляет участников шоу исключительно по-украински, а ее коллега (и муж) – исключительно по-русски. Другой интересный пример – это один из наиболее популярных шоу *Україна має талант* на том же телеканале, в котором двое из членов жюри говорят на русском, а один на украинском языке, участвующие же в шоу говорят то на русском, то на украинском, независимо от языка, на котором был поставлен вопрос. Новый проект танцевальной дуэли между городами Украины телеканала Интер, начавшийся в феврале 2011-ого года представлен в телевизионной программе как «уникальный, первый в Украине проект, который несет в себе грандиозную идею сплочения талантливой украинской нации. И впервые ее объединит не политика, не злободневные проблемы, а прекрасное и вечное искусство танца» и разноязычные ведущие¹⁶³. В этом объединяющем нацию шоу два главных ведущих говорят на русском, голос за кадром и репортер посланный на месте выступления (в Одессе!) – на украинском. Не менее

¹⁶³ <http://kinovik.net/show/ukraine/113-maydans-2011.html> (20.04.2011).

примечателен и реалити-шоу на телеканале "1+1" с интригующим названием *Міняю жінку*, в котором две семьи с разных концов Украины (и нередко с разным внутрисемейным языком) на одну неделю обмениваются своими мамами. Заметим, что попадая в новую семью, украиноязычные мамы обычно сохраняют свой язык, продолжая общаться с русскоязычной семьей по-украински, а русскоязычные мамы, попавшие в семьи с украинским языком общения, переходят на украинский язык¹⁶⁴. В таком всеукраинском телевизионном поединке русский язык, несомненно, должен уступить первенство своему восточнославянскому брату, но все-таки очевидно, что он не вытеснен полностью, и продолжает выступать и в украинских СМИ.

Такой двуязычный диалог, в течение которого каждый участник ведет беседу на своем языке, не характерен для коренных жителей Солотвино, где представители местных национальных меньшинств (с неродственными родными языками!) предпочитают общаться на русском языке. Но такой диалог теоретически возможен, по словам наших респондентов, между жителями Солотвина и приезжими из Киева, или западной Украины, и даже из соседних селений, где молодежь начинает уже лучше говорить по-украински. В таком двуязычном разговоре солотвинцы будут предпочтительно говорить на русском языке, а приезжие, например из Галиции, – на украинском. Другая возможность услышать проявление этой интересной модели общения – это на таможне. Представители власти, особенно, если они не местные, будут придерживаться государственного языка. Но заметим, что в таком подчиненном положении, и солотвинцы не редко переходят на официальный украинский язык. Знание украинского языка в последнее время стало распространяться среди молодого поколения. Официальным регистром пользуются в первую очередь молодые блюстители порядка, работники разных государственных учреждений, но в особенности тогда, когда нужно заполнять какие-то официальные бумаги. С нами произошел такой случай «невозможного» билингвизма при подписании одного нотариального акта. Молодой специалист, А. М., 28 лет, румынка, приняла нас на безупречном русском языке, но впоследствии перешла на «чистый» государственный язык, несмотря на нашу просьбу продолжить по-русски. Она объяснила переключение языкового кода на украинский следующим образом:

¹⁶⁴ См., к примеру *Міняю жінку* 3, 6-ой выпуск от 22.03.2011 (<http://kinovik.net/show/ukraine/15-menyayu-zheni-3-mnyayu-zhnku-3-2011.html>) (20.04.2011)).

«я затрудняюсь в переводе с украинского на русский язык юридических терминов, а вы и так поймете о чем идет речь»¹⁶⁵.

Исходя из наших наблюдений, мы можем утверждать, что модель «неакомодационного» билингвизма чрезвычайно редка в Солотвине, особенно в повседневном, бытовом общении. Несомненно, на это влияет большое расстояние между румынским и венгерским языками, которые принадлежат разным языковым семьям и имеют совершенно различный словарный запас и грамматическую структуру. А как именно осуществляется повседневная коммуникация в этой многоязычной местности, мы увидим на нижеследующих примерах зафиксированных коммуникативных ситуаций.

3.1.2. Проявление многоязычия и переключение кодов в спонтанной речи солотвинцев в общественных местах на основе полевой работы (местный венгр – местный румын: по-русски, vs. местный венгр – неместный румын: по-румынски)

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Это клубника, клубника? Ха-ха! Девушка, привет! Мне... ред-бул мой и сигарета моя...*

Продавщица: – *Так, красиво! Люди добрые, времени нет. Там развлекайтесь. Пиво остынет!*

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Am ters acasă... la Кишинёв, Кишиневская область у нас. Давайте в город! ... Бери, бери, я сигареты хочу сначала.*

Продавщица: – *Mi van Árpi? Шо?*

Арпи: – *Чё?*

Продавщица: – *Чё? Погано тобі?*

Арпи: – *Хворенько... Дай мне, пожалуйста, Мальборо!*

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Порябочная сволочь.*

Арпи: – *Ну, köszönöm!*

Покупательница 1 (из Румынии): – *Bani românești nu serviți? Da? Dă o halbă!*

Продавщица: – *O halbă de bere? Câte bere?...*

Покупатель 2: – *A kávé mennyi, tessék mondani?*

Продавщица: – *Egy ötven.*

Покупательница 1 (из Румынии): – *Még magyarul is tud a kislány! Maguknál mennyi a Winchester?*

Продавщица: – *Nincs.*

Покупатель 3: – *Пачку ..., дайте, будь ласка, будьте ласка!*

Продавщица: – *Будь ласка, почекайте!*

Покупательница 1 (из Румынии): – *Nincs? Hosszú Marlboro, azt sincs? Egy doboz kellett volna az apatársamnak. Azt mondta hosszú legyen és piros.*

Покупательница 2: – *Сложно всем угодить...*

Продавщица: – *В принципе нет у мэнэ уже этих нэрвов, продолжаю улыбаться и всё... Так я уже и не знаю, чо сказать и не думать...*

¹⁶⁵ На основе письменной записи произведенной в нотариальном бюро (Солотвино, май 2005 г.).

Покупательница 1 (из Румынии): – *S lejben nem jó?*
 Продавщица: – *Dehogy nem jó!*
 Покупательница 1 (из Румынии): – *Na mennyit adjak?*
 Продавщица: – *Három és fél.*
 Покупательница 1 (из Румынии): – *Legyen 4, legyen meg a te akaratod.*
 Покупатель 4 (из Румынии): – *Un pachet!*
 Продавщица: – *De care? Roșu?*
 Покупатель 4 (из Румынии): – *Da! Apă minerală la pahare este? Cât face un pahar de apă minerală?*
 Продавщица: – *Cincizeci de kopeici.*
 Покупатель 4 (из Румынии): – *N-am kopici, numai banii ăștea?*
 Продавщица: – *Nu treabă.*
 Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? da uite zece de-ai noștri!*
 Продавщица: – *Nu treabă.*
 Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? Mulțumesc. Înseamnă că o să ne înțelegem bine noi...*
 Покупатель 5 (местный румын): – *Пачку Мальборо!*
 Продавщица: – *Конечно.*

(Солотвино, бар¹⁶⁶ Марамуреш, август 2008 г.
 Из беседы продавщицы с покупателями).

Вышефигурирующая беседа абсолютно привычна в Солотвине, хотя для не знающего местные условия чужестранца она может показаться осколком вавилонского столпотворения. Для языковеда же, это поле языковых чудес или пользуясь солотвинской метафорой – шахта социалингвистических сокровищ.

Чтобы выяснить особенности нынешнего солотвинского коммуникативного пространства мы приносим ниже перевод этого диалога-полилога с деталями об участниках беседы и подробными объяснениями их языкового поведения.

ДИАЛОГ №1

Покупатель 1 (приехавший из Молдовы на соленые озера Солотвина): – *Это клубника, клубница¹⁶⁷? Ха-ха! Девушка, привет! Мне... ред-бул мой и сигарета моя...*
 Продавщица (35 лет, родной язык венгерский, житель Солотвина): – *Так, красиво! Люди добрые, времени нет. Там развлекайтесь. Пиво остынет...*
 Покупатель 1 (из Молдовы): – *Am tîrs acasă... la Кишинёв. [рум. «Я поехал домой... в Кишинёв»] Кишиневская область у нас. Давайте в город! ... Бери, бери, я сигареты хочу сначала.*
 Продавщица: – *Ми van Árpi? [венгр. «Как дела, Арпи?»] Шо?*

¹⁶⁶ Подобные записи были сделаны и З. Кармачи с помощью двадцати помощников в тридцати барах и ресторанах Берегова (см. Karmacsí 2004: 104). Мы провели нашу полевую работу в трех барах Солотвина.

¹⁶⁷ В данных примерах (а также, в дальнейшем) мы подчеркиваем лексические, морфологические или фонетические интерференции в русском языке информантов, а также элементы, не принадлежащие основному коду высказывания или же использованные ошибочно с точки зрения нормы.

Арпи (местный сотрудник магазина, вероятно грузчик): – Що? [укр. «Что?»]

Продавщица: – Що? Погано тобі? [укр. «Ну что, плохо тебе?»]

Арпи: – *Хворенько...* [укр. «Плоховато», см. русск. 'хворать'] *Дай мне, пожалуйста, Мальборо!*

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Порядочная сволочь.*

Арпи: – *Hy, köszönöm!* [венг. «спасибо!»]

Покупательница 1 (приехавшая в Солотвино за покупками из приграничного румынского города Сигету Мармацией): – *Bani românești nu serviți? Da? Dă o halbă!* [рум. «Румынские деньги принимаете? Да? Дай бокал!»]

Продавщица: – *O halbă de bere? Câte bere?* [рум. «Бокал пива? Сколько пива?»]

Покупатель 2: – *A kávè mennyi, tessék mondani?* [венг. «Сколько стоит кофе, скажите пожалуйста?»]

Продавщица: – *Egy ötven.* [венг. «один пятьдесят», т.е. «гривня пятьдесят копеек»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Még magyarul is tud a kislány! Maguknál mennyi a Winchester?* [венг. «Девушка даже и по-венгерски знает! Сколько стоит у вас Винчестер?»]

Продавщица: – *Nincs.* [венг. «Нет у нас»]

Покупатель 3: – *Пачку ..., дайте, будь ласка, будьте ласка!* [укр. «будьте добры»]

Продавщица: – *Будь ласка, почекайте!* [укр. «Будьте добры, подождите!»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Nincs? Hosszú Marlboro, azt sincs? Egy doboz kellett volna az apatársamnak. Azt mondta hosszú legyen és piros.* [венг. «Нет у вас? Ни длинных Мальборо нет? Пачка нужна была бы мужу. Он сказал, чтобы была длинная и красная»]

Покупательница 2: – *Сложно всем угодить...*

Продавщица: – *В принципе нет у мене уже этих нервов, продолжаю улыбаться и всё... Так я уже и не знаю, что сказать и не думать...*

Покупательница 1 (из Румынии): – *S lejben nem jó?* [венг. «и в леях (румынская денежная единица) не подойдет?»]

Продавщица: – *Dehogy nem jó!* [венг. «Конечно, подходит!»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Na mennyit adjak?* [венг. «Ну сколько дать?»]

Продавщица: – *Három és fél.* [венг. «три с половиной»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Legyen 4, legyen meg a te akaratom!* [венг. «Пусть будет четыре, да будет воля твоя!»]

Покупатель 4 (тоже приехавший в Солотвино за покупками из приграничного румынского города Сигету Мармацией): – *Un pachet!* [рум. «Одну пачку»]

Продавщица: – *De care? Roșu?* [рум. «Какую? Красную?»]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Da! Apă minerală la pahare este? Cât face un pahar de apă minerală?* [рум. «Да! Продаете минеральную воду в стаканах? Сколько будет стакан минеральной воды?»]

Продавщица: – *Cincizeci de kopeici.* [рум. «Пятьдесят копеек»]

Покупатель 4 (из Румынии): – *N-am kopici, numai banii ăstea?* [рум. «Нет у меня копеек, только вот эти монеты»]

Продавщица: – *Nu treabă.* [рум. «Не надо», ср. нормативное *nu trebuie*]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? da uite zece de-ai noștri!* [рум. «Нет? А вот наша десятка!»]

Продавщица: – *Nu treabă.* [рум. «Не надо», ср. нормативное *nu trebuie*]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? Mulțumesc. Înseamnă că o să ne înțelegem bine noi!* [рум. «Нет? Спасибо. Значит, мы хорошо поймем друг друга!»]

Покупатель 5 (местный румын): – *Пачку Мальборо мне!*

Продавщица: – *Конечно.*

В данном полилоге участвуют следующие лица: продавщица (местная венгерка), молдо-русскаяязычный покупатель из Молдовы, местный венгро-украинскаяязычный Арпи, венгрияязычная покупательница из Румынии, румыноязычный покупатель из Румынии и местный русско-румынскаяязычный румын.

Покупатель 1 – молдаванин, который ведет беседу преимущественно на русском, но говорит и по-молдавски (см. *Am mers acasă... la Кишинёв* [рум. «Я поехал домой... в Кишинёв»]. *Кишиневская область у нас*). Приехав на отдых в Украину, он начинает беседу на русском языке, вероятно считая этот язык более понятным в Солотвине, чем его родной язык. Услышав румынскую речь в баре, он пробует перейти на румынский язык, но безрезультатно: ни сидящие в баре местные румыны, ни продавщица – местная венгерка – не реагируют на его *captatio benevolentiae*, т.е. на его попытку найти еще один «общий» язык.

В случае продавщицы, румынский язык не вызывает у нее особенного расположения, хотя она на нем говорит (как видно ниже, с клиентами из Румынии), но предпочитает общаться с незнакомыми покупателями на русском (см. «*Так, красиво! Люди добрые, времени нет. Там развлекайтесь. Пиво остынет!*»). Более сложно объяснимым является ее разговор с Арпи. Уже само имя Арпи – уменьшительное от «чистокровного», древневенгерского имени Арпад (*Árpád*) – с большой вероятностью, указывает на венгерские корни грузчика. Но диалог с Арпи, парадоксально, происходит на венгерско-украинско(русинско)- русском смешанном языке (см. Продавщица: *Mi van Árpi? Шо?*; Арпи: *Шо?*; Пр.: *Шо? Погано тобі?*; Арпи: *Хворенько...Дай мне, пожалуйста, Мальборо!* Арпи: *Ну, köszönöm!*). Чем объяснить этот сложный языковой код данных двух участников диалога? Мы можем представить только некоторые гипотезы, для подтверждения которых у нас, к сожалению, не было возможности, чтобы не выдать себя и не повлиять на течение разговора. По нашим наблюдениям, солотвинцы пользуются украинским языком очень редко (в сугубо официальных ситуациях, например, на школьных праздниках, на таможене¹⁶⁸, или же в беседе с отдыхающими или туристами из Галиции.).

¹⁶⁸ В январе 2011 года на украинско-румынской границе в Солотвине местные таможенники нас обслуживали на венгерском языке. Раньше (т.е. между 1995-2010 гг.) такая ситуация была крайне редка. Таможенные и пограничные работники обращались по-украински даже к иностранным туристам. Возможно, благодаря последним политическим изменениям, языковая политика властей стало более либеральной и представители власти могут себе позволить перейти и на язык гражданина.

На местном уровне украинский язык имеет двойную коннотацию. С одной стороны, он воспринимается как фольклорно-деревенский язык¹⁶⁹, потому что похож на язык горцев-гуцулов и на другие закарпатские русинские диалекты, имея недавнюю письменную традицию, а с другой стороны – он является языком представителей власти и силовых органов. Это противоречие может вызвать у местных национальных меньшинств особое отношение к государственному языку, чем можем объяснить и насмешливое обращение продавщицы к коллеге, который из-за временного «хворания» не может достойно выполнить свои служебные обязанности. Из вышеприведенных примеров, мы видим, что она владеет и украинским языком, но это еще не конец её языковых компетенций.

Покупатель под номером 3 вмешивается в венгерский разговор, используя официально-государственную формулу вежливости *«будь ласка»*. Он не чувствует достаточно вежливым это украинское обращение, которое имеет форму русского повелительного наклонения во втором лице единственного числа, и поэтому исправляется, добавляя *«будьте ласка»*. Данное выражение рассматривается как русизм в сегодняшнем украинском языке (см. русское «Будьте добры!»), по-украински же правильным считается вариант *«будь ласка!»*. Вероятно, покупатель 3 выбором государственного языка хотел добиться быстрого обслуживания вне очереди, но продавщица на том же государственном языке довольно официально просит его подождать (см. *«Будь ласка, почекайте!»*).

В дальнейшем, в разговор вступает и покупательница 1 из Румынии, которая изначально обращается к продавщице на румынском языке, не зная, что она тоже представитель венгерского национального меньшинства как и сама покупательница, только на другом берегу Тисы и соответственно в другой стране. Для продавщицы не составляет трудности перейти на румынский язык в этом конкретном случае, так как она не предполагает существования иного общего языка (см. «Покупательница 1 (из Румынии): *Bani românești nu serviți? Da? Dă o halbă!*; Продавщица: *O halbă de bere? Câte bere?»*). Сомнения о румынском гражданстве клиентки 1 не может быть,

С другой стороны, заметим, что знание украинского языка в последнее время стало распространяться среди молодого поколения. Особенно официальным регистром люди владеют лучше на украинском, чем на русском: мы уже упоминали об А. М., 30 лет, румынке, которая работает нотариусом, свободно говорит по-русски, но затрудняется в объяснении и переводе с украинского на русский юридических терминов.

¹⁶⁹ Мы можем также назвать эту фольклорную окраску «символическим значением» украинского языка, у которого (как и в случае белорусского) «символическое значение больше, чем коммуникативное, хотя немалая часть населения не принимает белорусский [а в нашем случае, украинский язык – П. А.] даже в качестве символа» (Коряков 2002: 125).

потому что она хочет платить румынскими деньгами. Смена языкового кода между продавщицей и клиенткой 1 с румынского на венгерский происходит после заданного клиентом 2 вопроса на венгерском языке и соответствующего ответа со стороны продавщицы (см. Покупатель 2: *A kávé mennyi, tessék mondani?*; Продавщица: *Egy ötven*). Заметим впоследствии приятно удивленную реакцию венгерки из Румынии, которая восхищается знанием и венгерского языка продавщицы, помимо румынского и украинско-русского, свидетелем пользования которыми она была. Таким образом, мы убедились, что наша продавщица в состоянии обслуживать клиентов на четырех языках.

В продолжении диалога покупательница 1 задает продавщице тот же самый вопрос, но на этот раз по-венгерски (рум. *Bani românești nu serviți?*; венг. *S lejben nem jó?*). Один подтип переключения языкового кода, это повторение той же информации на другом языке, которую Ж. Вермес и Ж. Буте называют «*alternance par reprise*» («переключение посредством повторения») ¹⁷⁰. О клиентке из Румынии интересно заметить, что хотя она владеет высоким стандартом венгерского языка, прибегая к библейскому выражению «*Legyen meg a te akaratod! / Да будет воля твоя!*», она в самом начале обращается к продавщице на румынском языке, так как для нее этот язык является привычным языком-посредником ¹⁷¹.

Покупатель 4 тоже приехал из Сигету Мармацей, но он является одноязычным румыном и влияет на следующее переключение языкового кода. Он обслужен последовательно на румынском языке, хотя в международной межкультурной коммуникации возникает маленькое недоразумение по поводу копеек, которых нет у иностранца, а их румынский эквивалент не нужен продавщице.

Покупатель 5, местный румын, который, несмотря на то, что присутствовал при предыдущем разговоре на румынском языке, и мог убедиться, что продавщица владеет и румынским языком, заказывает свою пачку сигарет на русском языке. В

¹⁷⁰ Один подтип переключения языкового кода, это повторение той же информации на другом языке, которую Ж. Вермес и Ж. Буте называют „*alternance par reprise*”. Этот прием определяется следующим образом: «мне кажется, что собеседник меня не понял и хочу подкрепить смысл сказанного мною, чтобы это в дальнейшем больше не произошло» (Vermès-Boutet, 1987: 58). То же самое явление описывает Т. Палади во время своей полевой работы в соседней Трансильвании с повторением того же высказывания на двух языках в венгерско-румынском селении Мезёверешедьхаз (венг. *Mezőveresegyház* / рум. *Strugureni*) (Palágyi 2009: 238).

¹⁷¹ В Сигету Мармацей венгры составляют всего лишь 20 % населения, румыны 75 %, а украинцы – 5 %. Раньше, до Второй мировой войны, венгры вместе с венгрозязычными евреями составляли большинство населения города и венгерский язык выполнял функцию языка-посредника в межнациональной коммуникации.

его знании румынского языка мы абсолютно уверены, поскольку он разговаривал по-румынски со своим другом пока стоял в очереди. И продавщица его обслуживает по-русски. По нашим наблюдениям, такая модель общения почти без исключения действует во всех записанных нами диалогах, которые имели место между этническими венграми и румынами в Солотвине.

На основе данного полилога, мы можем перечислить особенности типичной языковой ситуации в Солотвине:

1) Участники разговора принадлежат к трем / четырем разным нациям.

Это представители местных языковых групп: венгерской, румынской, украинской, к которым нередко присоединяются и представители соседних стран, так как Солотвино приграничный городок, куда приезжают в основном «заправиться» жители соседнего Сигету Мармацией, где проживают не только румыны, а также венгры и украинцы, на этот раз с румынским гражданством. В то же самое время, благодаря соленым озерам и подземной аллергологической больнице, в Солотвино приезжают туристы с лечебной целью со всех регионов Украины, а даже с России и Молдовы.

2) Один собеседник ведет беседу параллельно на нескольких (вплоть до четырех) языках с разными собеседниками.

В вышеприведенном диалоге это в первую очередь продавщица местного магазина, которая имеет данные языковые компетенции, как и все жители Солотвина, и имеет возможность (или обязана) из-за своих служебных обязанностей пользоваться и венгерским, и румынским, и украинским, и русским языками. Остальные участники полилога также пользуются как минимум двумя языками. Единственный одноязычный клиент – это румын из Румынии, то есть покупатель под номером 4. После продавщицы, самым большим количеством языков пользуется загадочный Арпи, которому в пределах буквально двух предложений удается высказаться на трех языках (украинско-руси́нский, русский, венгерский)¹⁷².

¹⁷² Наш загадочный трехязычный информант Арпи может считаться олицетворением непосредственного, исторически сложившегося контакта между венгерским и украинским языками. См. по этому поводу: «Угорська мова історично перебуває з українською у безпосередньому контакті» (Ковач 2009: 101). Речевое поведение данного коммуниканта напоминает подобное явление «обратного заимствования» (см. термин «зворотнє запозичення» (Барань 2009: 66)) между соседними языками, которое встречается на историческом уровне развития языков сожительствующих в одном языковом сообществе. Таким образом, в русинском языке существуют мадяризмы, которые в свою очередь являются славянскими заимствованиями. Х. Фирис ссылается на автора грамматики южно-руси́нского языка Ю. Рамач которая, по ее словам, отмечает, что «исную и таки слова, хтори перше були славянизми у мадярским языку, та вец як таки вошли до русинского языка. Таки слова на

3) Один и тот же собеседник обращается к одному и тому же собеседнику на двух / трех языках, чередуя их. См. диалог продавщицы и Арпи, продавщицы и клиентки под номером 1.

Как уже упоминалось выше, такая смена языков во время той же беседы, то есть переключение языкового кода или «*code switching*», которое может быть вызвано разными причинами, как, например, сменой адресата, изменением роли или темы общения. В нормальном случае, «*code switching*»-ом называют попеременную смену двух языков или диалектов¹⁷³. Но в нашем случае ситуация осложнена тем, что смена кода может произойти между тремя или даже четырьмя языками. В вышеприведенном диалоге, венгерка из Румынии начинает разговор на румынском языке и после вступления в разговор покупателя под номером 2, который обращается к продавщице на венгерском языке, она тоже «переключается» на венгерский язык.

В случае Арпи, происходит кодовое переключение в очень коротком интервале, буквально в пределах двух высказываний с венгерского на украинский, потом на русский, потом опять на венгерский. Такой быстрый переход внутри одного словосочетания описан и в классических книгах по социалингвистике, хотя обычно он рассматривается в случае двуязычия: «Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое - другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова – другому и т. п.» (Беликов–Крысин 2001: 19). Похожее переключение кодов описывает и А. Борбей у трехязычных румын, проживающих на южной венгерско-румынской границе (Borbély 2000: 111).

Частое кодовое переключение можем объяснить и высоким уровнем языковой компетенции говорящего, так как это справедливо заметили В. И. Беликов и Л. В. Крысин: «При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда

приклад: параст, бачи, баюси, мачка, [...] серенча, поносовац, облак [...] (Ю. Рамач цит. по: Firisz 2009: 95). О взаимовлиянии венгерского и украинского языков в Закарпатье см. Барань 2009: 56: «Народисусиди и сьогодні перебувають у тісних економічних, політичних та культурних зв'язках». Раньше влияние венгерского на украинский язык было более сильным, чем сегодня: «Угорська мова мала вплив на закарпатські українські говори (хоч на сьогодні вже не такий інтенсивний)» (Там же).

¹⁷³ О переключении языкового кода или «кодового переключения» см., среди прочих, Беликов–Крысин 2001: 16-17. О переключении кода у детей в смешанных закарпатских семьях, см. Kármácsi 2007: 38.

другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка – фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы» (Беликов–Крысин 2001: 17).

Выше мы попытались дать логические объяснения о выборе языка теми или иными собеседниками и об условиях, влияющих на переключение языкового кода. Однако есть и такие социолингвисты, которые считают, что переключение на тот или другой язык происходит спонтанно, и что лишь одно слово может повлиять на смену языкового кода, так как в большинстве случаев в бытовом общении при двуязычии и многоязычии языки употребляются беспорядочно, выбор языка случаен. Переходы от одного языка к другому, согласно этому мнению, «резки и внешне не мотивированы, смена языков в процессе речи не осознана»¹⁷⁴. И. Ланштык же считает, что те коммуниканты переходят чаще с одного языка на другой, у которых слабее этническая «самоидентификация», то есть частым переключением языковых кодов как бы «подчеркивают двойственность своей национальной принадлежности», добавляя к высказыванию какую-то особую стилистическую окрасченность или убедительность. В то же самое время, исследователь словацко-венгерского двуязычия напоминает, что такая частая смена языков характерна именно для «маргинальных групп» одного более значительного сообщества¹⁷⁵. Такое объяснение вполне подходит, по нашему мнению и коммуниканту Арпи из вышеприведенного полилога.

4) Выбор языка зависит в главном не от языковых компетенций собеседника, а от его принадлежности к тому или иному языковому сообществу. Местные венгры и румыны – даже говорящие на всех местных языках – будут говорить между собой на русском языке; местный румын с румыном из Молдовы будет говорить на русском.

Мы думаем, что последняя сцена диалога, когда местный румын обращается к продавщице на русском языке, зная при этом, что она прекрасно может обслужить

¹⁷⁴ В качестве примера приводится разговор в литовском магазине, когда одно слово «кукла» является стимулом переключения сначала с русского на литовский, потом с литовского на русский, и опять на литовский (Дешериев 1976: 343).

¹⁷⁵ „A kevésbé erős magyar identitásúak kódváltási indítékekkel kapcsolatos attitűdjeit kevésbé ismerjük. Tapasztalataink szerint az ilyen beszélők sűrűbben élnek a kódváltás eszközével, s valószínűleg gyakoribbak náluk az olyan indítékek is, mint a *stílushatás* és a *nyomatékosítás*, sőt a kettős identitás jelzése. [...] Köztudott, hogy a nagymértékű kódváltogatás főként az adott nagyobb közösségben marginális helyzetű csoportokra jellemző” (Lanstyák 2000: 166).

покупателя и на румынском языке, является ключевой в разъяснении функционирования русского языка в Солотвине. Русский язык – важный элемент в общении между венграми и румынами этого города, и ни одна из этих языковых групп не желает нарушить это молчаливое соглашение: говорить между собой на нейтральном русском языке. Ни венгр не считает уместным заставлять земляка румына говорить на венгерском языке, ни румын – принуждать венгра вести беседу на своем румынском языке. Возникает вопрос, как сложился такой языковой компромисс? В первой половине двадцатого века местные румыны часто говорили на тогда еще престижном венгерском языке, особенно те, которые работали на шахте, но сегодня румыны составляют уже две трети населения. Престиж и полезность знания румынского языка повысились, благодаря открытию границы с Румынией¹⁷⁶. На сегодняшний день, вследствие сложившейся демографической и экономической ситуации, ни венгры, ни румыны открыто не претендуют на языковое первенство, на активное знание своего языка со стороны соседнего этноса. Однако данная языковая ситуация подразумевает знание обоих (и больше) языков и безоговорочную толерантность¹⁷⁷ к обоим (или ко всем) языкам со стороны каждого участника речевого акта. Местные национальные меньшинства даже не пользуются приемами рецептивного многоязычия, в котором каждый участник беседы говорит на своем родном языке, подразумевая полное понимание со стороны иноязычного собеседника¹⁷⁸. Они предпочитают в общении с иноязычным соседом нейтральный русский язык. Русский язык, который должны были учить в обязательном порядке все школьники социалистического лагеря – и все национальные меньшинства в Советском Союзе, в том числе и в Закарпатье – 20 лет после распада СССР стал в Солотвине самым удобным средством межэтнической коммуникации.

¹⁷⁶ Заметим, что венгерская граница довольно далеко от селения (более чем 100 км) и местные венгры не попадают под действие закона о приграничной зоне, который позволяет жителям приграничных зон в радиусе 50 км безвизовый въезд на территорию Венгрии. Поэтому венгерский язык, в сравнении с румынским, оказывается менее полезным в повседневной жизни и в мелком бизнесе.

¹⁷⁷ Напомним, что толерантность имела свои границы в регионе. До 50-ых годов, даже в одноязычных венгерских селах с двумя вероисповеданиями существовала особая линия демаркации между реформатами и грекокатоликами, которую не рекомендовалось пересечь молодым людям после заката солнца (Pilárkó 2007: 129).

¹⁷⁸ Рецептивное многоязычие называют еще «пассивным» или «латентным двуязычием», а также «невзаимным» или «неаккомодационным билингвизмом». Подробнее об этом явлении см. главу 3.1.1. данной работы.

ДИАЛОГ №2

- Покупатель 1 (румын из Румынии, но говорит и по-венгерски): – *N-am fost băut niciodată...* [рум. «Я никогда не был пьяным»] *Mennyi?* [венг. «Сколько?»]
- Продавщица: – *Negyven.... Mivel akar fizetni?* [венг. «Сорок. Чем хотите платить?»]
- Покупатель 1: – *Grívenj-be* [венг. «В гривнях»]
- Продавщица: – *Negyvenkét grívnya* [венг. «сорок две гривни»]
- Покупатель 1: – *Mennyi? Negyvenhat? Nincs is annyi. Add csak nekem euróba. Tessék parancsolni!* [венг. «Сколько? Сорок шесть? Нет у меня столько. Дай мне в евро. Прошу!»]
- Продавщица: – *Hát de nekem nincs visszaadni euró!* [венг. «Но у меня нет евро, чтобы дать сдачу!»]
- Спутница клиента 1: – *Há miér nem viszo?* [венг. «Ну почему нет обратно?»]
- Продавщица: – *Откуда я возьму евро?*
- Спутница клиента 1: – *Сто двадцать, но!*
- Покупатель 1: – *Adjál nekem vissza, no! Mennyit fizessenek?* [венг. «Давай мне сдачу, ну! Сколько мне платить?»]
- Продавщица: – *Двести двадцать гривен.*
- Спутница клиента 1: – *Двести двадцать и сорок.... возьмите сто и шесть, шо.. не имеете?*
- Продавщица: – *Евро я не имею.*
- Покупатель 1: – *Euróba fizessen nekem! Mennyit fizessenek?* [венг. «Платите мне в евро! Сколько мне платить?»]
- Продавщица: – *Tizenegy grívnya egy euró.* [венг. «Одинадцать гривен один евро»]
- Покупатель 1: – *Isten őrizz!* [венг. «Боже упаси!»]
- Продавщица: – *Az kétszázhusz grívnya* [венг. «Это 220 гривен»]
- Покупатель 1: – *Jól van! Adjál nekem vissza, te lány! Grívenybe...* [венг. «Ну хорошо! Дай мне сдачу, девочка! В гривнях»]
- Продавщица: – *Grívnyába?* [венг. «В гривнях?»] *Сто семьдесят восемь.*
- Спутница клиента 1: – *Na, сто семьдесят восемь дайте!*
- Продавщица: – *Я же не имею евро!*
- Спутница клиента 1: – *Na nem baj, ha nem jevro! Gríveny nem van? Tessék várni!* [венг. «Ну не беда, если не евро! Гривень нет есть? Подождите, пожалуйста!»]
- Продавщица: – *Stai, stai, stai! Dați doi grívni! Ai doi grívni?* [рум. «Подожди, подожди! Дайте две гривны! Есть у тебя две гривни?»]
- Покупатель 1: – *Tessék parancsolni! Ott van két grívni. Tedd el!* [венг. «Прошу! Вот две гривни. Возьми!»]
- Спутница клиента 1: – *Tessék venni!* [венг. «Будьте добры, возьмите!»]
- Продавщица: – *Tuue, tuue! Várjál! Várjál!* [венг. «Подожди, подожди!»]
- Покупатель 1: – *Tessék parancsolni nekem! Már kétszáz grívenyt elköltöttem. B... a számok! Rendes fiú vagyok. Na válts fel nekem egy százast! ... Válts fel nekem, te lány! Itt egy százast!* [венг. «Прошу тут мне! Уже двести гривен потратил. Й... эти цифры! Я порядочный мальчик. Ну, разменяй мне эту сотню! ... Разменяй мне, девушка! Вот сотня»]
- Продавщица: – *Apróba? Várjon, harminc, negyven, ötven, ... száz.* [венг. «На мелочь? Подождите, тридцать, сорок, пятьдесят, ... сто»]. *Меняю же сто гривен на мелкие!*

Покупатель 1: – *Váltson nekem még tíz lejesbe!* [венг. «Разменяйте мне еще по десять лей!»]

Продавщица: – *Nincs lej!* [венг. «Нет леев!»]

Покупатель 1: – *Há miért?! F...-ba!* [венг. «Ну почему?! Нах...!»]

Продавщица: – *Mi ez itt? Románia van vagy mi?* [венг. «Что это здесь? Румыния что ли?»]

Покупатель 1: – *Am zis să-mi schimb încă zece griveni, măi!* [рум. «Я сказал разменять мне еще 10 гривен, слышь!»]

Продавщица: – *Да, да.. А у меня нет лей! Откуда я ему дам лей! ... Понапиваются блин и потом тут цирк делают!*

(Солотвино, бар «Марамуреш», 31-го декабря, 2009 г.)

Диалог под номером 2 похож по структуре и по ситуации на первый диалог, который был записан полтора года спустя, но отличается важным нюансом: он был зарегистрирован накануне нового 2010 года, что в большой мере повлияло на настроение клиентов, тему, а также и стиль их разговора. В данном полилоге участвуют: румыно- и венгроязычный покупатель из Румынии, его спутница (русскоговорящая местная румынка) и продавщица. Национальную принадлежность клиента трудно определить, так как он попеременно говорит и на румынском, и на венгерском языках. Его венгерское произношение не абсолютно нормативно в сравнении с другими венгроязычными жителями из Сигету Мармацией или из Солотвина. У данного покупателя есть спутница, которая говорит на русском и на ломанном венгерском языках. Мы думаем, что она местная румынка, хотя в данном диалоге она не говорит на румынском, но ее знание русского языка свидетельствует о том, что она не из Румынии, и не из другого селения с румынским национальным меньшинством¹⁷⁹. Продавщица, другая по сравнению с первым диалогом, но с теми же языковыми компетенциями, что и первая, говорит на венгерском, на румынском и на русском языках (и, несомненно, и на украинском, хотя об этом у нас нет прямого доказательства).

Покупатель 1 постоянно переходит с румынского на венгерский, хотя по его венгерскому произношению можно предположить, что его первый (доминирующий¹⁸⁰) язык – это румынский. Его венгерская речь отличается

¹⁷⁹ Заметим, что в соседнем селении в Румынии также живут русины / украинцы, которые не владеют нормативным русским языком, хотя могут его понимать. В то же самое время, румынская молодежь из соседних сел вокруг Солотвина, но на украинской стороне, говорит на очень смешанном украинско-русском языке, думая при этом, что говорят на «чистом» русском языке (пример такой спонтанной речи мы приведем ниже). Исходя из этих соображений, мы думаем, что покупательница под номером 1 – румынка из Солотвина.

¹⁸⁰ См. термин «доминирующий язык» в Беликов–Крысин 2001: 13.

следующими чертами: он использует при обращении формы на «ты» как в румынском средняя вежливости *Dumneata*, но после которой глагол фигурирует во втором лице единственного числа¹⁸¹ (см. *Add csak nekem euróba; Adjál nekem vissza, no; Adjál nekem vissza, te lyány; Na válts fel nekem egy százast! Tedd el!*). Заметим, что он все-таки знает и форму вежливости *tessék parancsolni*, которую использует три раза, но которая не совместима с обращением на ты, что подтверждает некогерентность его речи. Один раз ему даже удается употребить глагол в 3-ем лице, что является нормативной формой вежливости (см. *Váltson nekem még tíz lejesbe!*). Он владеет и идиоматизмами венгерского языка как *Isten őrizz!* или – с нарастанием напряжения из-за недостижения цели – формы венгерского мата (*B... a számok!, Há miert?! F...-ba!*). Несмотря на его неуверенное знание венгерского языка, он почему-то постоянно переключается на венгерский, даже когда продавщица ему отвечает по-румынски. Мы видим, что до последнего высказывания он пытается добиться своего на венгерском языке. Возможно, это связано с тем, что во времена своей социализации, венгерский язык еще выполнял функцию средства межэтнического общения в регионе. В течение этого диалога, он два раза переходит с румынского на венгерский и один раз наоборот. Первый раз в том же предложении он начинает по-румынски *N-am fost băut niciodată* обращаясь и к своей спутнице, а у продавщицы спрашивает *Mennyi?*¹⁸². Продавщица ему отвечает по-венгерски, а когда убеждается в безрезультатности своих ответов, переходит на русский язык (Продавщица: *Hát de nekem nincs visszaadni euró!*; Откуда я возьму *euro*?). На это покупатель отвечает по-венгерски. Такая же смена языков происходит еще раз (см. Продавщица: *Euro я не имею*; Покупатель 1: *Euróba fizessen nekem!*). На заданный продавщицей на румынском языке вопрос *Ai doi griveni?* Отвечает по-венгерски *Tessék parancsolni! Ott van két griveny*. Здесь интереснейший пример особого «кооперативного несприособления», в котором оба коммуниканта говорят не на своем родном языке, а на родном языке собеседника: венгрозязычная продавщица по-румынски, а румын по-венгерски. Классический тип такой коммуникативной модели, которую называют еще рецептивным билингвизмом, весьма характерен в случае близкородственных языков (см. раздел 3.1.1 данной работы) и он часто встречается на всей территории

¹⁸¹ Подобная «средняя» форма вежливости существует и в венгерском языке (*maga*), но она требует глагол в 3-м лице единственного числа, как и самая вежливая, или, лучше говоря – официальная форма вежливости *ön* (см. похожую конструкцию в итальянском языке *Lei*).

¹⁸² Меняется адресат высказывания (см. Беликов–Крысин 2001: 17).

Украины с закарпатской деревни до киевских киностудий и украинских мыльных опер¹⁸³. Но в румынско-венгерской реляции такой тип коммуникации трудно осуществляем. Последнее кодовое переключение совершенно противоположно: на возмущенное восклицание продавщицы по-венгерски (*Mi ez itt? Románia van vagy mi?*), вызванное ругательским словом покупателя 1 (*Há miert?! F...-ba!*), покупатель 1 впервые переходит с венгерского на румынский язык, как *ultima ratio*, прибегает к последнему своему языковому оудию, к своему официальному в Румынии румынскому языку.

Покупательница пытается войти в разговор посредством своего ломанного венгерского языка. Все ее венгерские высказывания являются ошибочными и в синтаксическом плане, и на фонетическом уровне. В высказывании *Há miér nem viszo?* обнаруживаем описанное уже в начале 20-го века И. Чаподи специфическое произношение (удлинение ударного гласного и отсутствие удвоенных согласных)¹⁸⁴. Следующее предложение *Na nem baj, ha nem jevro! Griveny nem van?* также достойно внимания. Эту конструкцию можем объяснить влиянием румынского субстрата (см. форму отрицания в румынском языке *nu este*). Слово евро уже прозвучало и в венгерской форме *euró*, в том числе в русском предложении продавщицы (*Откуда я возьму евро?*) и в последующем предложении продавщицы (*Tizenegy grivnya egy euró*), но все-таки под влиянием высказывания продавщицы по-русски (*Я ж не имею евро!*) покупательница использует русскую форму евро в венгерском предложении (*Na nem baj, ha nem евро*). Ограниченность ее компетенции венгерского языка ясно выделяется, в синтаксически абсолютно ненормативном *Griveny nem van?* вместо нормативного *griveny nincs*¹⁸⁵. Ломанный венгерский язык клиентки будет причиной

¹⁸³ „A három országos televíziós csatorna (Nemzeti 1-es, 1+1, Inter) híradóiban gyakran fordul elő az, hogy a riporter által ukránul feltett kérdésre orosz nyelvű válasz érkezik, vagy fordítva: az Inter tévécsatorna orosz nyelvű híradójában az oroszul elhangzó kérdésre gyakran ukránul felelnek” (Beregszászi 2004/a: 41).

¹⁸⁴ См. параллельные примеры: *Ana, őnan, nápal, jüson, écér*. Чаподи замечает, что удлинение ударных гласных может объясняться русским или румынским влиянием: „A mássalhangzós nyújtás mellőzése orosz vagy oláh hatás lehet” (Csapodi 1907: 32-33). К. Хорват и П. Лизанец перенимают это замечание, но исправляют название этнонимов соответственно современной терминологии: вместо «ogosz» (русский) и «oláh» (валахский) говорят об украинском («ukrán») и румынском («román») влиянии (Horváth–Lizanec 2007: 154).

¹⁸⁵ Приметим, что продавщица постоянно пользуется в венгерских предложениях формой *grivnya*, а клиенты – формой *griveny*. По всей вероятности, продавщица поступает по правилам венгерского языка, используя единственное число после числительных, а клиенты используют более часто встречаемую форму множественного числа родительного падежа *griveny*. У других венгриязычных жителей Закарпатья (например, в Кобылецкой Поляне, где венгерское национальное меньшинство имеет меньшую демографическую значимость) распространена форма *griveny* даже после числительных 1-5. В речи самих украинцев замечены колебания между формами *grivniv* и *griveny*. В доказательство приведем примечание об ошибочном употреблении формы *grivnie*, данное в конце

следующего кодового переключения, то есть смены языка на румынский язык со стороны продавщицы. Усилия продавщицы же не вызвали смену языка у покупателя 1, который остался при своем «неродном» венгерском. Покупательница своим речевым поведением старается служить посредником между обозлившейся продавщицей и нетерпеливым клиентом, умягчая стиль разговора не очень нормативными венгерскими выражениями: *Na nem baj, ha nem euro; Tessék venni!* Каждый раз она старается своим языковым поведением следовать примеру предыдущему собеседнику: когда продавщица переходит на русский язык, покупательница отвечает ей, преимущественно числами, тоже на русском, а если обращение прозвучало на венгерском, она отвечает на ломанном венгерском языке. Ее русский язык «более» нормативен, хотя в определенной мере подвергается неизбежному украинскому влиянию: *Двести двадцать и сорок, возьмите сто и шесть, що? не имеете?* Вопросительное местоимение *що* считается просторечным вариантом украинского *що*, а также русского *что*. Конструкция *иметь* + *вин. п.* для выражения наличия считается в русском языке Украины украинизмом. Таким образом, Е. Степанов, исследуя русский язык Одессы, говорит, что русский язык принадлежит к языкам типа '*быть*', а украинский является «языком переходного типа» от языков типа '*быть*' к языкам типа '*иметь*'. Корреляция посессивных конструкций с '*быть*' и с '*иметь*' является нормативной в одесском городском койне, который этим приближается к литературному украинскому языку¹⁸⁶. Предпочтение конструкции '*иметь*' в одесском русском говоре, считалось немецким наследством¹⁸⁷. Заметим, что на солотвинский языковой узус влияет и румынский язык, который также является языком типа '*иметь*'.

Этой конструкцией пользуется и продавщица (*Евро я не имею; Я ж не имею евро!*). Хотя венгерский язык является для нее родным, она в начале диалога использует эллиптическое выражение *nekem nincs visszaadni euró*. В этом многоязычном окружении все языки влияют друг на друга и не удивительно, что в спонтанной речи некоторые грамматические правила пренебрегаются. То же самое

Учебника украинского языка «для тех, кто не хотят говорить суржиком» и «хотят избавиться от русских интерференций» (Фролова 2004: 288).

¹⁸⁶ «Відомо, що російська мова належить до «бути-мов» [...]. Українську ж мову [...] вважають мовою перехідного типу – від «бути-мов» до «мати-мов» [...]. Кореляція посесивних «бути- і мати-конструкцій» є нормативною в ОМК. У цьому одеське міське койне наближене до літературної української мови» (Степанов 2004: 434-435).

¹⁸⁷ Е. Степанов цитирует статью В. М. Дорошевича с 1895 года: «Добрые немцы привезли в Одессу секрет великолепного приготовления колбас и глагол *иметь*». Но сам Степанов отвергает эту теорию, считая источником данного явления украинский язык (Степанов 2004: 436).

явление наблюдается, когда в русской речи звучит слово *евро* под влиянием венгерской фонетики. Многократные переключения кодов, которые мы описали в связи с клиентом, действительны и в случае продавщицы, хотя у нее другие мотивации. Первое переключение с венгерского на русский язык является повторением *Hát de nekem nincs visszaadni euró* / Откуда я возьму евро? Это приблизительный перевод венгерского предложения на русский. А. Борбей в своей книге о смене языков у румын в Венгрии описывает новый тип кодового переключения, который она называет «переводом». Этот тип «состоит в повторении или переводе на другой язык прозвучавшего на первом языке текста с целью, чтобы ознакомить тех слушателей, которые, может быть, не поняли с содержанием или значением данного текста» (Beregszászi 2004/a: 38). Мы думаем, что перевод на русский язык в данном случае можно объяснить и другими причинами. Реакция продавщицы вызвана грубоватым обращением покупателя с ней на «ты», который требует от нее сдачу в евро. Русский язык своей официальной окраской призван восстановить почтительное расстояние между клиентом и продавщицей. Он также воспринимается более нейтральным по сравнению с венгерским, потому что если два представителя национального меньшинства переходят на национальный язык, то между ними устанавливаются более тесные и доверительные связи. Исходя из этих соображений, продавщица переходит на русский язык с целью, чтобы призвать к порядку неугомонного и требовательного иностранца, восстановить приличное расстояние и исключить его из своего «внутринационального» круга. По поводу перевода как тип переключения языкового кода, заметим, что он может применяться и с целью исключения какого-то собеседника из круга общения¹⁸⁸. Другой пример кодового переключения это *Tuue, tuue! Várjál! Várjál!* в рамках одного высказывания. Продавщица понимает, что ее собеседник не владеет русским языком и поэтому переводит на венгерский, но переводит не дословно, а выражением, которое более подходящее в данной ситуации. Она уже пыталась успокоить возмущенного покупателя и посредством румынского языка *Stai, stai, stai!*, что дословно значит 'остановись', но в данном контексте подходит как нельзя лучше. Все эти выражения эквивалентны, хотя дословно переводятся по-разному. К концу диалога, к нашей продавщице подходит ее напарница, о которой мы знаем из других

¹⁸⁸ „A kódváltásnak úgynevezett kizárás típusára is van példa a kárpátaljai magyar nyelvhasználatban. [...] A kizárás esetében a kódváltás célja, hogy a másik nyelvet nem beszélőt kirekesszék a társalgásból” (Beregszászi 2004: 39).

записей, что она местная румынка. Несмотря на то, что она активно не участвует в диалоге, она влияет на переход венгрозязычной продавщицы на русский язык: *Apróba? Várjon, harminc, negyven, ötven, ... száz. Menyő же сто гивень на мелкие!*¹⁸⁹ Когда Покупатель еще грубее возмущается из-за отсутствия румынских леев в украинском баре и неприлично ругается, продавщица сердито восклицает на родном венгерском языке *Mi ez itt? Románia van vagy mi?* Данная реплика вызывает последующее кодовое переключение со стороны покупателя, который тоже переходит на свой родной румынский, отказываясь от своего предыдущего языкового поведения – говорить, как приличный гость в чужой стране, на родном языке продавщицы. Этим самым он нарушил свой статус иностранного покупателя, и начинает себя вести как у себя дома. Ответ-комментарий продавщицы по-русски *А у меня нет лей! Откуда я ему дам лей! Понапиваются блин, и потом тут цирк делают!* является, с одной стороны, отличным примером «исключения» собеседника из разговора посредством перехода на непонятный для него язык, а с другой стороны, – примерным доводом того, что в межэтнической коммуникации жители Солотвина предпочитают русский язык.

Из вышеприведенного диалога мы можем сделать и другой вывод: русский язык местных румын и венгров может также служить и средством самоидентификации в сопоставлении с представителями тех же национальных меньшинств, но гражданами Румынии или Венгрии, которые не принадлежат тому же языковому сообществу. Эту функцию может выполнять в последнее время и украинский язык, особенно среди молодого поколения. Но, как мы говорили выше, на украинском диалекте говорят и в некоторых приграничных селениях с румынской стороны, а литературным русским языком владеют только жители бывшего Советского Союза. Для тех, кто выехал из Советского Союза до его распада, то есть не подвергались интенсивной «рениационализации» и языковой политике национального одноязычия в ущерб русско-национальному двуязычию, русский язык сохранил свою роль соединяющего фактора, который обеспечивает одно

¹⁸⁹ Заметим, что продавщица для высказывания чисел пару раз пользуется нейтральным русским языком. В недавно составленном словаре венгерского сленга румынского города Сату Маре (Szatmárnémeti) (*Jauember: a szatmári szleng*) приводится (и строго критикуется) такой пример переключения на румынский язык в случае сообщения номера мобильного телефона: „Zerosápte..... újkor, rohadtul idegesítő szatmári nyelvészokás, hogy amikor elkéred az illető telefonszámát, a tökéletes szatmári nyelvezetről egy másodperc gondolkodás után románra vált, és zavartan elkezd betűzni: zerosápte pátrucsincs csincsopicsincs trejdajtrej... ilyenkor csak annyit tudunk mondani, amit Karády őrmester a barikádokon” http://sracok.ro/?page_id=20 (18.04.2011).

языковое сообщество. Граждане новых национальных постсоветских государств же постепенно теряют чувство принадлежности к одному языковому сообществу. Уже двадцать лет идет процесс обособления всех этих народов как физически, так и духовно (длительные таможенные процедуры на новых пограничных пунктах, введение визового режима, вытеснение русского языка из школьного образования). Строение новых государств сопровождается и постепенной потерей этого языкового и культурного сообщества. Сможет ли на место русского языка прийти экзогенный англо-американский язык¹⁹⁰?

Роль русского языка как «самоидентифицирующий» признак связан с целью исключения из круга общения тех, которые не владеют им. В предыдущем диалоге «жертвой» такого исключения был иностранец из Румынии. Но таким приемом солотвинцы могут пользоваться и для отстранения иноязычного собеседника из непосредственного окружения. Примером такого языкового поведения является третий диалог, зарегистрированный нами в сентябре 2007-го года.

ДИАЛОГ № 3

Собеседник 1: – *Spune rusește!* [рум. «Скажи по-русски»]

Собеседник 2: – *Știe el românește.* [рум. «Знает он по-румынски»]

Собеседник 3: – *Я не буду тебе переводчиком.*

Собеседник 2: – *Are patru zavoadе.* [рум. «У него есть четыре завода»]

Собеседник 1: – *Spune rusește.* [рум. «Скажи по-русски»]

Собеседник 2: – *Четыре завода имеет, бэй! Тебе это надо?*

Собеседник 3: – *Totalul și menjünk haza!* [рум. «Счет давайте и...», венг. «пойдем домой!»]

(Солотвино, кафе-бар возле шахты, сентябрь 2007 г.).

В данном диалоге участвуют трое мужчин, из которых двое разговаривают по-румынски, а третий – наверное, местный венгр, не владея этим языком, просит перейти на русский язык. Этот диалог нам кажется очень интересным и уникальным, так как он открыто свидетельствует об отношении солотвинцев к выбору языкового кода.

¹⁹⁰ В 2004 году во Львове в книжном магазине с нами произошел интересный случай «*non-cooperative non-accomodation*» с предпочтением английского языка вместо близкородственного русского. Молодая продавщица лет восемнадцати отказалась даже от модели рецептивной коммуникации, настойчиво переходя на английский язык, несмотря на мои тщательные попытки сделать свой заказ по-русски.

Собеседник под номером 1 адресует свою просьбу перейти на русский язык на румынском языке, то есть на родном языке своих собеседников, но не на русском языке. Такое языковое поведение наводит нас на мысль, что национальные меньшинства в Солотвине обращаются с уважением к соседним языкам, и они в состоянии выразиться, хотя и ограниченно, на языке соседа. Эту мысль подтверждает и высказывание собеседника под номером 2 (см. *Ştie el româneşte.*), который уверен, что их сотрапезник владеет нужными знаниями (хотя бы, пассивно) для понимания данного румынского разговора. Собеседник 3 открыто отказывается от перевода: *Я не буду тебе переводчиком*. В таком многоязычном сообществе ему кажется абсурдным нужда в переводе, придерживаясь, наверное, того же мнения, что и собеседник 2. Он внешне отказывается от переключения кодов, но на самом деле этот отказ прозвучал на русском языке, то есть переключение языкового кода состоялось в совершенстве. Следующее высказывание собеседника 2 опять звучит на румынском языке (*Are patru zavoade*). Хотя ключевая информация, то есть наличие заводов у субъекта беседы передается русизмом zavoade (от русского *завод*), но склоненного по правилам румынской морфологии (дифтонгизация ударного гласного при образовании множественного числа¹⁹¹). В современном румынском языке для обозначения данной реалии используется заимствование из французского языка *uzină*. Галлицизмы из румынского языка пользуются меньшей популярностью среди местных румын, так как эти формы считаются «искусственными» и «испорченными», а вместо них они предпочитают более естественные русизмы и унгаризмы. Собеседник 1 опять умоляет перейти на русский, и, наконец, второй собеседник соглашается стать переводчиком, хотя выражает свое недовольство пренебрежительным румынским междометием *бэй*. Как мы видели и в предыдущих диалогах, для обозначения наличия солотвинцы предпочитают конструкцию *иметь* + *им. п.* вместо *у* + *род. п.* + *есть*. В данном случае вероятнее влияние румынского морфосинтаксиса на русский, так как собеседник 2 переводит румынскую фразу *Are patru zavoade* на русский *Четыре завода имеет* ('are' является спряженной в 3-ем лице единственного числа формой глагола 'a avea' /иметь/). Это классический пример переключения кода с дословным переводом, когда переводится непонятная собеседнику информация.

¹⁹¹ См., к примеру, множественное число таких иноязычных заимствований в румынском как *tractor / tractoare, balon / baloane*, и т. д.

Последняя фраза данного диалога *Totalul și menjünk haza!* наполовину по-румынски, наполовину по-венгерски. Собеседник 3, который в начале разговора отказался быть переводчиком, удивительным образом, призывает в дорогу своих собеседников по-венгерски. Так как его национальная принадлежность нам не известна, мы предполагаем, что он употребляет данное высказывание в знак примирения или того же уважения к соседней нации, к которой, по всей вероятности, принадлежит и собеседник под номером 1.

ДИАЛОГ № 4

М.А. (полевому работнику): – *Там вообще пугаться не надо... Закрывай глаза и заходи! Свет тут.*

(Дальнейшая запись происходит без присутствия полевого работника)

Соседка: – *Так что, вот такие дела... Mit lehet csinálni, ez van! [венг. «Что можно поделать, вот такие дела!»] Jó [венг. «ладно»], иду я. Работай, не мерегуйся [русин. «не волнуйся»]! Все будет хорошо! Все должно быть хорошо! Все Marika, встретится в следующем году!*

М.А.: – *Да я надеюсь, ты еще в этом зайдешь, на пятьдесят грамм.*

Соседка: – *Ну, на пятьдесят грамм. До силы – пятьдесят грамм. Всё, пока! Счастливо!*

М.А. (полевому работнику): – *У нас же директор умер ночью. Они все были там. А мы только с утра, с десяти пошли на работу. И сегодняшнее дежурство имею. Ну, распределил меня вчера на дежурство с трёх до шести. (Говорит по телефону) Mit csinállok? Krumplit tisztítok. Meddig leszek? Mindjárt megtisztítom a krumplit, gyorsan megcsinálom a izét, az ebédet, egy, kettő és akkor máris jövök, jó? Négy óráig Kijev szerint be fogok jönni, pászol? Három óra miszerintünk. Nem, nem, én kimegyek, ha kel lesz valami? Nem engedlek téged. Jó? Na, ővavay, чао!*

М.А. (сыну): – *Jössz ide? A káposztát то би любишь (??).*

Полевой работник: – *А подарки у вас в Солотвине кто приносит?*

М.А.: – *У кого кто. У нас приносит конфеты Mikulás. А Jézuska – подарки, игрушки.*

Полевой работник: – *А на Новый Год?*

М.А.: – *А на Новый Год никто ничего не приносит, а на второе Рождество дети ходят колядовать и с этих денег, что накладывают, сами себе покупают подарки. А ну, Lőrinc, проколядуй с Вирджинией!*

Л.: – *Я не знаю песню.*

М.А.: – *Ну вспомни с прошлого года. А ну-ка, Lőríncka, встань!*

Л. (поет): – *O ce veste minunată! În Vîflaim ni s-arată. Astăzi s-a născut... Cel ... făr'de-nceput... [рум. «Какая прекрасная новость! В Вифлееме нам показывается. Сегодня родился... Тот, кто без начала...»]*

М.А. (подсказывает сыну слова песни): – *Cel ... făr'de-nceput.*

(Солотвино, в гостях у М.А., январь 2010 г.)

Переключение кодов может происходить и в случае, когда собеседники принадлежат одной и той же этнической группе, но владеют «родным» языком в разной степени. В данном диалоге участвуют следующие лица: М. А. (29 лет) по

происхождению венгерка, ее дети и соседка, о национальной принадлежности которой мы не имеем точной информации, но по ее языковым компетенциям, можем предположить, что у нее есть и венгерские корни, так как кроме русского, она хорошо владеет и венгерским языком.

Данный отрывок является частью очень длинной записи, в течение которой мы следили за общением между детьми этой разноэтничной семьи. М. А. работает учительницей русского языка и литературы в местной украинской школе (в которой, как мы уже отмечали, есть и класс с русским языком преподавания). Коллеги М. А. говорят о ней как о венгерке, хотя сама М. А. родилась в смешанной семье: ее мать была русской, а отец – венгром. У нее двое детей: дочь В. (8 лет) ходит в украинский класс, а сын Л. (6 лет) пошел в русский класс¹⁹². С румыноязычным мужем (у которого мать украинка, а отец румын) М. А. говорит на русском языке, и с детьми тоже, потому что по ее словам она владеет лучше русским, чем венгерским. Дети между собой говорят на русском языке, но понимают и румынский, когда отец обращается к ним. Они также учат румынские колядные песни, с которыми ходили колядовать «на второе Рождество». Отец детей и его румыноязычные родственники говорят с детьми на румынском языке. М. А. в повседневном общении с венгрозязычными коллегами свободно говорит на венгерском, как мы видим из ее телефонного разговора.

Когда соседка вошла, мать удалилась с ней на кухню, и мы заметили с интересом, что собеседницы часто прибегают к переключению языковых кодов. Мы намеренно отлучились в уборную, чтобы не мешать даже своим «включенным присутствием» порождению спонтанного аутентичного языкового продукта. И результат не заставил себя долго ждать. Буквально в одном высказывании соседка четырежды меняет языковой код: с русского на венгерский, потом обратно на русский, с которого переходит на местный русинский, и в конце опять «переключается» на русский. Первое переключение с русского на венгерский является почти буквальным переводом предыдущего русского выражения: *Так что, вот такие дела...* *Mit lehet csinálni, ez van!* Следующее кодовое переключение

¹⁹² Что повлияло на выбор языка обучения детей, мы узнали из предыдущей беседы с матерью. По ее словам, «как раз не было набора в русский класс и я отдала во что было, а малого уже дала в русский класс, потому что невозможно заниматься, она по-украински практически ничего не понимает, мы только по-русски разговариваем дома, и настолько вот для нее это тяжелое, мы с ней учили стихотворение, я рисовала, что по-украински в стихотворении есть и мы так по словам учили стихотворение, абсолютный ноль!» (На основе звуковой записи с семьей М. А. в супермаркете Барва в Тячеве, декабрь 2009г.).

происходит внутри одного предложения: *Jó, idu я*. Венгерское слово *jó* дословно переводится как 'хорошо', но вероятно ввиду своей краткости и поливалентности пользуется популярностью у местного населения в разговоре на любом языке. Мы его слышали и в румынской, и в русской местной речи как заключительное слово, как вводное слово или как междометие¹⁹³.

Следующее кодовое переключение происходит в последующем предложении с русского на русинский: *Роботай, не мерегуйся* (с твердым *н*). Русинский глагол 'мереговаться'¹⁹⁴ является примером типичного закарпатского словообразования, в котором сливаются венгерский и славянский элементы. Венгерское *méreg* (яд; гнев), *mérges* (сердитый), *mérgelődik* (сердиться) получает славянский глагольный суффикс *-ова*¹⁹⁵, украинское окончание инфинитива *-ти* и возвратный постфикс *-ся*.

Несмотря на множество иноязычных элементов, мы можем с уверенностью сказать, что основным кодом высказываний соседки является русский язык. Русский язык обоих коммуникантов является абсолютно нормативным. Но фрикативное произношение русского взрывного согласного *г* отражает неопровержимое влияние украинской фонетики на русский язык¹⁹⁶. В предложении *И сегодняшнее дежурство имею* мы снова сталкиваемся с влиянием украинского языка в выражении наличия по-русски. Заметим, в дальнейшем, что имя *Marika* прозвучало в русской речи по правилам венгерской фонетики. Имена святого Николая и маленького Иисуса (которые приносят подарки детям согласно венгерским обычаям) тоже звучат по-венгерски даже в речи преподавателя русского языка¹⁹⁷, для которого один из

¹⁹³ См. восклицания в русском разговоре: «Да что ты говоришь? *Jó ég!*» [венг.: «=Боже мой!»] или при прощанье: «Ну всё! *Jó, говорю тебе!*» из речи местного врача М. Ю. (56 лет, венгерка) с уборщицей (60 лет, румынка) (письменная запись в поликлинике, Солотвино, август 2007 г.) или же из румынской речи директора украинской школы В. И. (50 лет, румын) с румыноязычным родителем: «*To хочу, то не хочу! Nu, nimic, nici o exceptie!*» [рум.: «нет, ничего, никакого исключения!»] *Никаких уступок. Jó?*» (письменная запись в украинской школе, Солотвино, август 2007).

¹⁹⁴ В электронном русинском словаре на портале Закарпатья дается следующее объяснение этому «закарпатскому» глаголу: «сердитися, нервувати. Це слово може також виступати іменником. "Мериги ня берут" або прикметником "Шо сь такий мерегований?"» <http://www.kolyba.org.ua/glossary1> (01.05.2011).

¹⁹⁵ Интересно отметить, что некоторые глагольные заимствования из венгерского в румынском языке попали именно благодаря этому славянскому суффиксу. В сопоставительном венгро-румынском языкознании считается, что румынские глаголы на *-ui* проникли с венгерского в румынский язык через славянское посредство, поскольку суффикс *-ui* объясним только славянским суффиксом *-ова*- (см., к примеру, рум. *a făgădui* 'обещать' от венг. *fogad*).

¹⁹⁶ Данное явление рассматривается лингвистами как усиливающаяся характерная черта русского языка Украины. О расширении фрикативной вариации фонемы *г* в русском языке Одессы см. Степанов 2004: 136.

¹⁹⁷ В другой записи, а именно в школе, то есть на официальном месте работы М. А., она прибегает к венгерскому языку для того, чтобы объяснить своим ученикам из русского класса как писать по транспаранту: «Учительница: – *Только что объяснила доходчивым языком! Есть специальные вот*

родных (а именно, язык матери) – русский язык. Из беседы М. А. по телефону на венгерском языке, мы видим, что она владеет самыми сложными структурами венгерского языка, например, правильное использование объектного и неobjектного спряжения, артикля и порядка слов: *krumplit tisztítok / megtisztítom a krumplit*. Еще Ш. Рот в 60-ые годы заметил колебания в употреблении этих спряжений в речи закарпатских билингва¹⁹⁸. Типичный закарпатский элемент – это назначение местного времени *Három óra miszerintünk*, которое является общепринятым в Закарпатье переводом русского 'по-нашему'. С точки зрения нормативного венгерского языка, будущее время *kel lesz*, в котором поверх всего у модальной частицы отсутствует удвоенное согласное, считается сильно диалектальным вместо *kelleni fog* 'будет нужно'. Отметим и выражение *pászol* немецкого происхождения, которое с этим произношением и в значении 'подходит' имеет типичный местный колорит. После беседы на венгерском языке, коммуникант прощается на интернациональном русском *Давай, чао!* В заключение не забудем и о ее знании румынского языка, на котором она подсказывает сыну слова рождественской песни.

3.1.3. Внутрисемейная коммуникативная модель разноэтнических браков: каждый родитель говорит на своем (венгерском, соответственно румынском) родном языке с детьми, а с супругом говорит по-русски

На примере вышеприведенных записей, сделанных в общественных местах, нам удалось показать, что представители разных национальных меньшинств Солотвина в межэтническом общении используют предпочтительно русский язык. Чтобы ни в коем случае не повлиять на спонтанную речь своих информантов, мы пытались в первую очередь делать скрытые звуковые записи, а также письменные, когда нужная аппаратура находилась вне поля досягаемости. Хотя это не всегда легкая задача, но более выполнима, чем наблюдение над спонтанной речью в семейном кругу.

такие вот листочки «számárvezeték» говорят» (См. подробнее Диалог № 4/а). *Számárvezeték* вместо *számárvezető* свидетельствует о том, что в многоязычном окружении существуют и загрязненные формы слов (см. *vízvezeték* → *számárvezeték*).

¹⁹⁸ «В результате лингвистической интерференции венгерско-украинских межъязыковых связей образовалось в синтаксисе закарпатского ареала северо-восточных диалектов [...] ряд языковых аномалий: [...] в дигме в порядке слов: *Mit én tudom* (Рак.) д) Сдвиги в употреблении объективного спряжения глаголов, его вытеснение субъективным: *Én írok a levelet.* (Виш.) [...] в условиях перманентных, маргинальных и интрарегиональных языковых контактов генеалогически неродственных и структурно-типологически разных языков все языковые уровни, за исключением морфологического, проницаемы» (Рот 1973: 363-364).

Как мы уже заметили выше, одна особенность солотвинской языковой коммуникации это употребление русского языка внутри разноэтнической семьи. Первый раз на такую солотвинскую семью нам указала местная учительница начальных классов с русским языком обучения М. Л. (50 лет, венгерка), рассказавшая нам о своей племяннице венгерке, которая со своим мужем румыном говорит на русском языке, а с детьми каждый говорит на своем родном. Об этом примечательном языковом явлении она говорила как о забавном и из ряда вон выходящем факте. Несмотря на многократные попытки «попасть» в данную семью, нам не удалось связаться с ними лично. Разноэтнические браки традиционно были редки в Солотвине и из-за административного, и из-за этническо-религиозного разделения. С другой стороны, одни исследователи утверждают, что количество смешанных браков выросло именно в советские времена послевоенного периода. Такое замечание действительно скорее всего в местах, регионах, где зарождение рабочего класса происходило особенно благодаря приливу сельского населения из иноязычных селениях, а также горцев, как в примере из Дагестана, приведенном А. Абдуллаевом: «В годы войны и послевоенный период произошли большие демографические изменения: из высокогорных районов в организованном порядке переселяются целые аулы и части больших селений на равнинные районы республики. Непосредственные контакты переселенцев с населением городов и посёлков, осуществляемые благодаря русскому языку, ширятся и интенсифицируются. Возникают поселения с разноязычным населением, общим межнациональным языком которых служит русский. В 4-й период активизируются межэтнические браки с внутрисемейным общением на русском языке» (Абдуллаев 1984: 73). На распространение двуязычия именно в разноэтнических браках в Литве, Закавказье¹⁹⁹ и др. республиках СССР обратили внимание и авторы сборника о национально-русском двуязычии, опубликованном в 1976 году: «В семье и дома двуязычие распространено у горожан – и то преимущественно при смешанных браках» (Дешериев 1976: 51). Г. Мелика изучал роль этнически и религиозно смешанных русинско-венгерско-немецких семей в исследовании межкультурных связях на примере овладения материнского / отцовского языка в Мункачевском районе (Melika 2007: 390).

¹⁹⁹ О двуязычии и трехязычии в азербайджанско-аварско-русских семьях см. Дешериев 1976: 47.

Смешанным бракам в Солотвине, по нашим замечаниям, препятствует не только иноязычие супруга, но в первую очередь его отличное вероисповедание: венгры в Солотвине преимущественно римскокатолики (реже реформаты или грекокатолики), а румыны православны или неопротестанты (свидетели Иеговы, баптисты). Если и встречаются смешанные браки, то ими, как правило, не слишком гордятся члены семьи, которые не могут полностью принять в свой интимный круг нового иноэтнического родственника. Данная семья оказывается на периферии двух общин²⁰⁰, двух языковых сообществ и часто супруги навещают друзей и завязывают знакомства каждый с представителями своего этноса, отдельно друг от друга.

Во время полевой работы, ориентированной на наблюдение за спонтанной речью коммуникантов, труднее всего войти в более интимную, семейную сферу информаторов и вести там «включенное наблюдение». Как примечательно выразились по этому поводу В. И. Беликов и Л. П. Крысин, «речь человека чувствительнее, чем многие другие стороны его поведения, к внешним воздействиям, которые искажают истинную языковую жизнь отдельного человека и целого коллектива» (Беликов–Крысин 2001: 283). И это «внешнее воздействие» наблюдателя как нельзя лучше заметно в семейном кругу. Со временем нам удалось войти в круг доверия другой такой разноэтнической семьи похожего состава, в которой мать – венгерка, отец – румын и у которых есть шестнадцатилетний сын и двенадцатилетняя дочь. Эта семья радушно «сотрудничает с нами» уже пять лет подряд, подыскивает информацию и информантов, не подразумевая при этом, что они являются главными субъектами наблюдения. Нижеприведенная беседа была зарегистрирована 3 года тому назад, летом 2008 года на берегу Тисы, когда мы в роли туриста-отдыхающего выказали желание искупаться с ними в пограничной Тисе под острым взором румынских пограничников.

²⁰⁰ Приведем в доказательство данному подтверждению случай «вынужденных переселенцев» из зон напряженности и вооруженных конфликтов на границах бывших республик Советского Союза, а также национальных республик России. Большую часть мигрантов составляют разноэтнические семьи. Пребывание этих семей в зонах этнической напряженности становится нередко опасным для жизни членов семей. Например, армяно-азербайджанские семьи, проживающие в Нагорном Карабахе, в период конфликта в 1987-88, а также 1991-94 гг. не принимались ни Арменией, ни Азербайджаном.

Диалог № 5

Отец (жене): – *Помнишь, мы здесь еще детьми были, купались, фейеш в воду прыгали и помню, что я пошел довольно глубоко, потому что у нас такое, шо кто пойдет аж до дна. Я вышел с черепом открытым. (Полевому работнику) Но по сути это лечебное, хорошее место. [...]*

Полевой работник: – *А кто умеет плавать?*

Дочка: – *Ēn egy kicsit.* [венг. «Я немного»]

Мать (дочке): – *Sós vízben tudsz úszni.* [венг. «В соленной воде ты умеешь плавать»]

Отец: – *Оба любят воду, потому что когда она была беременной, постоянно в воду лезла. [...]*

Отец: – *Там такое красивое место было. Там когда-то у нас шпорна было. Шпорна, был у нас такой праздник, последняя неделя, сейчас вот получается воскресенье...*

Мать: – *Sportnap* [венг. «День спорта»]. *Ты по-венгерски говоришь! S-P-O-R-T-N-A-P!*

Отец: – *Я румын, не русский, что ты хочешь?! Следующее воскресенье у нас получается последняя неделя августа. Последняя неделя августа – как получается? – праздник в честь шахтеров. У нас там выступали, с разных сел поприезжали, сцены делали, спортом ... вот этим всяким ... показывали, футбол играли.*

Мать: – *День шахтаря* [укр. «шахтер»]. *Просто нет уже шахты, нету и шахтаря. ... Дети тоже там танцевали.*

Полевой работник (к сыну): – *А что ты там танцевал?*

Мальчик: – *Молдованское танцы.*

Мать: – *Ха-ха, молдованский!*

Мальчик: – *Что-о?* (обиженно) *Молдавский!*

Отец (сыну): – *Венгерский ты танцевал, нет? Не сейчас, в прошлом году не танцевал? Когда одевался там...*

Мать (сыну): – *Тогда не, тогда было представление. ??? előadás, nem?* [венг. на ??? представлении, нет?]

Девочка: – *Igen, mikor zászlóval álltam ott.* [венг. «Да, когда я там стояла с флагом»]

Мать (дочке): – *Mikor a zászlóval álltál ott, nem?* [венг. «Ну когда ты там стояла с флагом, нет?»]

Мальчик: – *Március tizenöt.* [венг. «≈ март пятнадцать»]

Мать (сыну): – *Március tizenöt, igen.* [венг. «≈ март пятнадцать»]

Полевой работник: – *А какая школа организует это?*

Мальчик: – *Венгерская, наша.*

Полевой работник: – *И в венгерской школе вы танцевали молдавский танец?*

Мальчик: – *Да. [...]*

Отец (дочке, которая полезла в воду): – *Cari, nu sint cuie? Cuie nu sint ale?* [рум. «Кари, там нет гвоздей? Это не гвозди там?»]

Полевой работник (мальчику): – *Ты когда с сестрой говоришь, на каком языке говоришь?*

Мальчик: – *На венгерском.*

Полевой работник (девочке): – *А кто тебя учил так камни бросать?*

Девочка: – *Марк.*

Мать (дочке): – *Vigyázz, mert kicsúszik a kezedből és aztán bevered a fejed!* [венг. «Будь осторожна, может выскользнуть из руки и ударишь себя по голове!»]

Полевой работник (девочке): – *А какие камни надо бросать?*

Девочка: – *Маленькие.*

Полевой работник (девочке): – *А какого цвета? ... Белого, черного?*

Девочка: – *Все равно.*
 Полевой работник (девочке): – *А сколько у вас детей в классе?*
 Девочка: – *Двадцать два.*
 Полевой работник (девочке): – *И больше мальчиков или девочек?*
 Девочка: – *Девочек.*
 Полевой работник (девочке): – *А сколько девочек?*
 Девочка: – *Десять.... двенадцать!*
 Полевой работник (девочке): – *А мальчиков сколько?*
 Девочка: – *Девять.*
 Полевой работник (девочке): – *Но 12 и 9 будет 21?*
 Девочка: – *Еще одна мальчик пришел.*
 Полевой работник (девочке): – *А откуда он пришел?*
 Девочка: – *Из Румынии.*
 Полевой работник (девочке): – *И в венгерский класс пошел? А он румын?*
 Девочка: – *Нет, венгерский.*
 Полевой работник (девочке): – *А где он родился?*
 Девочка: – *В Румынии.*
 Полевой работник (мальчику): – *А ты помнишь своих бабушку и дедушку?*
 Мальчик: – *Ну, помню.*
 Мать: – *Он маленький был, не помнит.*
 Полевой работник (мальчику): – *А кого ты лучше помнишь?*
 Мальчик: – *Бабушку, ... и дедушку.*
 Полевой работник (мальчику): – *А ты не помнишь, на каком языке ты говорил с бабушкой?*
 Мальчик: – *На венгерском.*
 Мать: – *Конечно на венгерском! Ха-ха! [...] Их воспитывала моя бабушка, в восемьдесят восемь лет она умерла. Она до последнего их воспитывала. ... Она два года лежала у меня парализованная, я за ней еще ухаживала. Восемьдесят шесть ей было, ее парализовало, и умерла она в восемьдесят восемь. Она такая была, в теле сильным.*
 Отец (обращается к жене): – *У нас, помнишь, такое время было, что мы не могли из дому выйти. Ни на день рождения, ни на свадьбу. Если мы и ходили куда, то на пару часов и обратно.*
 Мать: – *Было, шо она лежала, я еще оставляла дочку с ней, ходила на работу, на пару уроков, вот так... О! нас засекли! Смотрят, смотрят: что? где? когда? *Politiă de frontieră* [рум. «пограничная полиция»]...*
(Солотвино, август 2008 г.)

В данном диалоге участвуют следующие лица: отец (А. Д.) – 41 год, румын, ходил в местную румынскую школу²⁰¹, потом окончил Сельскохозяйственный Институт в Молдавии, в настоящее время – без определенного места работы; мать (Т. В.) – 38 лет, венгерка, учительница английского языка в венгерской школе Солотвина, с родителями говорила на венгерском, но ходила в украинскую школу; мальчик (М.) – их сын, 14 лет, ученик 9-го класса венгерской школы; девочка (К.) –

²⁰¹ Напомним, что в советские времена местная румынская школа называлась Молдавской Средней Школой.

их дочь, 10 лет, ученица 3-го класса венгерской школы. Кроме этих жителей Солотвина, в данном диалоге фигурирует еще одно лицо, а именно наблюдатель, который старался поощрять повествования своих собеседников, вовлечь в разговор и детей, и при этом не препятствовать их спонтанной речевой деятельности. Из соображения не смущать коммуникантов аппаратурой и не замедлять темп разговора письменными записями, запись делалась скрытно. Но, несмотря на это, мы должны учесть возможность попадания в так называемый «парадокс наблюдателя», который своим присутствием – как справедливо заметил Лабов еще в 70-ые годы прошлого века – влияет на результат исследований, «искажая их» (Labov 1972: 209-211).

Хотя в данном диалоге только два обращения супругов друг к другу (см. *Помнишь, мы здесь еще детьми были, купались, фейеш в воду прыгали; У нас, помнишь, такое время было, что мы не могли из дому выйти. Ни на день рождения, ни на свадьбу*), но мы можем с уверенностью сказать, что они на самом деле общаются между собой на русском языке. Это подтверждают и сами супруги, и их дети, а также их знакомые (причем давшие показания отдельно друг от друга).

В русской речи отца семейства мы обнаруживаем несколько интересных элементов местного варианта русского языка: с одной стороны, это лексические заимствования с венгерского (см. *фейеш в воду прыгали; там когда-то у нас шпорна было.*), а с другой – влияние и румынского, и венгерского синтаксиса на русскую речь, которое еще больше замечено и в письменных работах маленьких солотвинцев. Влияние румынского отражается в постпозиции прилагательного по сравнению с существительным (см. *Я вышел с черепом открытым*). На порядок же слов в фразе *фейеш в воду прыгали* по всей вероятности повлиял венгерский синтаксис (ср. *fejest ugrani* = 'бросались головой в воду'), где предмет действия стоит перед глаголом. В то же самое время, используется именительный падеж существительного *фейеш* (венг. *fejes*), вопреки того, что данное слово живет исключительно в Винительном падеже (см. *fejest ugrani*). Здесь возможны два объяснения: либо наш коммуникант слишком хорошо владеет венгерским языком, знает словарную форму слова и заимствовал именно ее, либо данное слово, как не имеющее эквивалента в русском языке, было перенято и перешло в повседневную речь солотвинцев (как мы увидим ниже, именно румынскоязычных), которые ее используют даже не подразумевая, что оно не является органичной частью русского нормативного языка. Мы склоняемся ко второму объяснению. Тем более, что второй пример заимствования из венгерского (см. *шпорна*) еще красноречивее подтверждает это предположение. Эти

венгерские элементы проникли так глубоко в местную русскую речь, что румынскоязычный говорящий даже не задумывается над происхождением данного слова, а уверенно использует его и в речи с иностранцем (т.е. наблюдателем). Само слово шпорна для венгерскоязычной жены звучит смешно, так как она в курсе значения и происхождения данного местного праздника (см. Мать: – Sportnap [венг. 'день спорта']. *Ты по-венгерски говоришь! S-P-O-R-T-N-A-P!*). Возможно, такая бурная реакция со стороны жены вызвана именно присутствием наблюдателя. Коммуниканты начинают размышлять о своем языковом узусе. На замечание жены *Ты по-венгерски говоришь!*, звучащее как удивление и в то же самое время как объяснение, муж отвечает интересным оправданием: – *Я румын, не русский, что ты хочешь?! Вероятнее всего жена имела в виду то, что ее муж, заговорив по-венгерски, не правильно произнес венгерское слово, а муж думает, что жена-учительница делает ему замечание, потому что он не нашел подходящее слово в русском языке и использовал какое-то местное ненормативное слово. Заметим, что отец мужа (тоже «чистокровный» местный румын) еще отлично говорил на венгерском, а его сын (то есть, отец в нашем диалоге) владеет венгерским только пассивно, в его языковой иерархии на втором месте стоит уже не венгерский и еще не украинский, а пока все еще – русский язык.*

В предложении отца шю *кто пойдет аж до дна*, частица *аж* может интерпретироваться как имеющее окраску русского просторечия, которая «подчеркивает интенсивность, важность следующей далее части сообщения» (Ожегов 1989: 27). Но эта же частица в одесском русском языке считается Е. Н. Степановым украинизмом. По мнению исследователя русского говора Одессы, «модально-усилительная часть *аж* не имеет в русском языке однозначного соответствия и переводится, как правило, частицами *так, лишь, только, даже* или наречиями *сильно, очень* и т.п. Универсальность украинского *аж* в ситуации усиления речевой экспрессии является решающей причиной его использования всеми слоями одесситов»²⁰².

В случае детей, мы не можем с уверенностью сказать, какой язык является для них вторым: язык отца (т.е., румынский), общий язык родителей (т.е., русский), или

²⁰² «Модально-підсилювальна частка *аж* не має в російській мові однозначного відповідника і перекладається, як правило, частками *так, лише, тільки, даже* чи прислівниками *сильно, очень* і под. Універсальність українського *аж* у ситуації підсилення мовленнєвої експресії є вирішальною причиною його використання всіма верстами одеситів» (Степанов 2004: 202).

государственный (т.е., украинский)? Но мы уверены в том, что их первый язык – это венгерский, язык матери и школы. В первой части диалога отец обращается к сыну по-русски: *Венгерский ты танцевал, нет? Не сейчас, в прошлом году не танцевал? Когда одевался там...* Сын наверняка говорит лучше по-русски, чем его сестра, к которой отец обращается впоследствии по-румынски: *Cari, nu sînt cuie? Cuie nu sînt âle?* [рум. Кари, там нет гвоздей? Это не гвозди там?]. Из этого повторного вопроса мы можем догадаться, что дети все-таки не очень хорошо говорят по-румынски²⁰³. Чтобы иметь больше шансов быть понятым, отец повторяет свой вопрос, меняя при этом порядок слов в предложении, ставя на первое ударное место рему «гвозди». Отец неоднократно с гордостью говорил нам, что его дети превосходно владеют и румынским языком, хотя это, наверное, не соответствует полностью действительности. А. А. Цуцьев на примере осетин предостерегает исследователя от ошибочной оценки степени владения родным языком в случае представителей национального меньшинства: «Когда социолог задает вопрос о степени владения 'родным языком', опрашиваемый понимает, что этот вопрос касается его культурной полноценности. Такой вопрос нагружен существенным этическим содержанием: признаться в незнании языка своей национальности, в том, что именно русский язык является для многих единственным родным, а не 'вторым' – это вещь, требующая некоторой личной решительности – решительности признаться в собственной культурной неполноценности»²⁰⁴. Таким образом, по мнению ученого, нельзя полностью доверять ни статистическим данным переписи населения, ни социологическим исследованиям²⁰⁵. Придерживаясь такого рода соображений, мы считаем, что именно социолингвистический подход и полевая работа, записи спонтанной речи могут дать наиболее правдоподобные сведения об языковых компетенций коммуникантов, о состоянии языков в конкретном языковом пространстве на примере конкретных коммуникативных ситуаций и о языковой ситуации общества в общем.

²⁰³ Подобная языковая ситуация наблюдалась и в азербайджанско-аварских семьях, в которых иноязычные супруги тоже говорили со своими детьми на своих родных языках, но не так последовательно как в случае данной солотвинской семьи: «Естественно, дети лучше усваивают язык родителей при двустороннем двуязычии в семье. Так, в смешанных азербайджанско-аварских семьях дети усваивают оба языка хорошо, если эти языки используются родителями в обиходе. При одностороннем двуязычии второй язык детьми усваивается значительно реже» (Дешериев 1976: 54).

²⁰⁴ Цуцьев цит. по: Камболов 2007: 66.

²⁰⁵ «В действительности уровень русской языковой ассимиляции осетин, безусловно, выше, чем это отражают данные социологических исследований и, тем более, статистические данные переписи населения» (Камболов 2007: 66).

Основным кодом для детей этой семьи мы можем сказать, является венгерский язык – язык школы, язык матери и язык, на котором дети говорят между собой. И из признаний матери и из записанного диалога мы видим, что мать последовательно обращается к обоим своим детям на венгерском языке (см. Мать (дочке): – *Sós vízben tudsz úszni; Vigyázz, mert kicsúszik a kezedből és aztán bevered a fejed!*). При обращении к сыну она позволяет себе несколько слов на русском (возможно из-за того, что предыдущий разговор велся на русском языке, и она просто продолжает на том языке, на котором прозвучала изначальная информация). Но в том же высказывании она «переключается» на венгерский: – *Tогда не, тогда было представление. ... előadás, nem?* Она повторяет каждое слово своих детей, ничего в нем не исправляя, как бы одобряя их языковое поведение и поддерживая их в выборе этого языка (см. Девочка: – *Igen, mikor zászlóval álltam ott.* Мать (дочке): – *Mikor a zászlóval álltál ott, nem?*; Мальчик: – *Március tizenöt.* Мать (сыну): – *Március tizenöt, igen.*) В этом ее материнском языковом поведении отражается и ее профессиональный подход учителя языка²⁰⁶.

В случае же русского языка, мать имеет противоположную – не очень педагогическую – реакцию. Когда сын для названия молдавского танца (молдавских чанго) использует форму *молдаванский* (т.е., относящийся к Молдавии, молдаванам), мать по-детски его высмеивает. Вероятно, мальчик еще не говорил об этой теме венгерских народных танцев по-русски. Он попробовал найти соответствие этому термину из своего исключительно устного запаса русских слов. Что касается реакции матери, возможно, что в ее практике такая оплошность случается впервые, и ее обычные русскоговорящие партнеры (т.е., местные румыны) владеют русским языком на таком уровне, где не путают эти два прилагательные. Отец, который уже давно привык к тому, что его этнос называют румынами, а не молдаванами, как было принято называть всё румыноязычное закарпатское меньшинство в советские времена, тоже не понимает о каких танцах идет речь. Вроде сын танцевал венгерские танцы, а тут они оказываются молдаванскими (см. Отец (сыну): – *Венгерский ты танцевал, нет?*). Знание культурных особенностей соседнего этноса остается поверхностным, несмотря на многолетнее сожительство этих национальностей. Даже взяв венгерку в жены, муж довольствуется лишь пассивным пониманием венгерского языка, не впадая в подробности венгерской культуры. То же самое

²⁰⁶ Напомним, что Т. В. работает учителем английского языка в местной венгерской школе.

можем сказать и о жене венгерки по сравнению с языком и национальной культурой ее мужа. Супруги на самом деле довольствуются только русским языком и той информацией, которая через него проходит.

Касательно русского языка детей, заметим, что они его прекрасно понимают, но владеют им не одинаково. Девочка в начале разговора пытается вести беседу с наблюдателем путем рецептивного двуязычия. На прозвучавший по-русски вопрос она отвечает по-венгерски²⁰⁷ (см. Полевой работник: – *А кто умеет плавать?* Девочка: – *Én egy kicsit*). Но когда она видит, что вся семья говорит с гостем только по-русски, она тоже переходит на русский язык. Возможно также, что отвечает она по-венгерски на первый вопрос наблюдателя из-за мамы, которая присутствовала в начале диалога, но отошла подальше при последующем разговоре наблюдателя с девочкой. В русских ответах девочки, а также мальчика мы замечаем колебания в согласовании рода существительного с прилагательным и/или числительным (см. Мальчик: – *Молдованское танцы*; Девочка: – *Еще одна мальчик пришел*)²⁰⁸. Мы замечаем также колебания в названии Румынии (см. Девочка: – *Из Румынии*). На первое произношение названия соседней страны с ударением на первое *и* бесспорно влияет румынский язык (ср. рум. *România* с ударением на *i*). Наверняка дети получают информацию о Румынии больше от папы, чем от мамы. Но после того как наблюдатель спрашивает с удивлением, румын ли поселившийся в Солотвино мальчик, маленький коммуникант выбирает нормативное название Румынии, причем с правильным окончанием предложного падежа (см. Полевой работник (девочке): – *А он румын? ... А где он родился?*; Девочка: – *В Румынии*). Русская форма знакома девочке, хотя она не активизирована в ее повседневном общении.

Этноним новичка венгерской национальности из Румынии тоже не фигурирует на русском языке в ее активном словарном запасе. На вопрос – *И в венгерский класс?* *А он румын?* девочка отвечает: – *Нет, венгерский* вместо 'венгр'. Не исключено, что она просто переняла слово 'венгерский' из предшествующего вопроса следуя

²⁰⁷ Беседу такого же типа на венгерском и русском языках мы зафиксировали также в августе 2008-м году между этой же девочкой К. (когда ей было 10 лет) и ее двоюродной сестрой (дочкой сестры ее отца, Ф., ученицей румынской школы, которой в тот момент было 14 лет). К. говорила на венгерском, а ее двоюродная сестра Ф. – на русском, некоторое время они продолжали эту «неаккомодационную» беседу, в которой они говорили на разных языках. В конце разговора Ф. перешла на румынский язык, а ее десятилетняя собеседница больше слушала, вставляя иногда слово «да», которое может быть в то же самое время и русским, и румынским ответом. Брат К., которому в тот момент было 14 лет, ответил, что со своими двоюродными сестрами румынками он говорит только по-румынски, но зафиксировать такую беседу нам не удалось.

²⁰⁸ Подобные примеры мы рассмотрим подробнее в разделе 4.4.1. данной работы.

примеру этнонима 'русский', который совпадает по форме с этнонимическим прилагательным. Данную ошибку часто делают и венгерские студенты изучающие русский язык, и не только на начальном этапе. Если учесть и последнее замечание при анализе использования прилагательного *венгерский* вместо этнонима 'венгр', то мы можем предположить в данном примере влияние родного венгерского на разговорный русский язык, так как в венгерском языке этноним и этнонимическое прилагательное не отличаются ни по форме, ни по звучанию.

По поводу русского языка детей, мы бы хотели добавить, что их уровень с каждым годом улучшается. Признаемся, что в начале нашей полевой работы дети этой разноэтнической семьи очень скромно выражались по-русски, нам никак не удавалось их втянуть в разговор, на наши вопросы ответы были только «да», «нет» или «не знаю». Такое обескураживающее языковое поведение довело нас до мнения, что их знание абсолютно пассивное. Но с годами их знание русского языка становилось все увереннее, а их ответы все длиннее и интереснее. Может быть, на «рост» их знания русского языка повлиял и тот факт, что они привыкли к наблюдателю, не стеснялись и не избегали его присутствия, как было при первых встречах. Несомненно, на их языковое развитие влияет и время, которое они проводят на улице, в иноязычной компании, и в конце, но не в последнюю очередь, в музыкальной школе. Как выяснилось из беседы с детьми и их родителями, оба ребенка этой семьи, а также их двоюродная сестра, которую мы тоже интервьюировали, посещали и посещают местную музыкальную школу. Дети единогласно подтвердили, что в музыкальной школе, где ходят и дети из венгерской, и дети из румынской, а также и дети из украинской школы, они говорят по-русски и с учителями, и с другими детьми. На вопрос, где они говорят обычно по-русски, дети в первую очередь указывают музыкальную школу.

Такого типа неофициальными местами учения русского языка и стратегическими местами его выживания в Солотвине оказалась местная музыкальная школа, а также курсы вождения, куда ходят дети разных национальностей. В этих учебных заведениях русский язык является не целью, а средством обучения и общения разноэтнических детей, что и способствует продолжению его функции средства межнационального общения и среди молодого поколения. Сколько русский язык продержится в этих внешкольных местах обучения, зависит, наверное, в первую очередь от преподавательского состава, но

также от отношения к русскому языку родителей²⁰⁹. Новые молодые педагоги могут перенять эту солотвинскую модель общения и преподавания на русском языке во время внепрограммных занятий, но могут и перейти на государственный язык, особенно, если выросли и обучались не в таком многокультурном языковом пространстве как в Солотвине.

3.2. Результаты анкетирования, проведенного в Солотвине и в других местах исследования

3.2.1. Результаты письменных опросов среди школьников украинско-русской школы в Солотвине: языковой состав

Опрос 98 учеников пяти классов с русским и двух классов с украинским языком обучения дал следующую картину функционирования языков у детей возрастом от 12 до 17 лет²¹⁰:

Таблица №1

Из 98 опрошенных учеников украинско-русской школы (Солотвина) утверждают, что говорят на:	Русском	96
	Румынском	83
	Венгерском	24
	Украинском	77

Из 98 респондентов только 2 ученика украинских классов не написали, что говорят на русском языке (один назвал родным языком румынский, а другой венгерский). Румынским языком пользуются в одной или больше повседневных ситуаций²¹¹ – 83 респондента, венгерским языком – 24, а украинский упоминают 77

²⁰⁹ Примечательно в этом порядке идей мнение одних солотвинских родителей, дети которых выросли в разноэтнической семье : «Отец: – Если взять здесь у нас в Закарпатье в общем, у нас никогда розни не было, потому что у нас много национальностей. Только у нас в Солотвине сорок четыре национальностей. Мы вынуждены, *хочем, не хотим*: по-русски разговаривать. Все-таки в Союзе когда-то родились. Иначе не поймем друг друга. / Полевой работник: – И нынешние дети? Они тоже больше на русском или больше на украинском общаются? / Мать и отец вместе: – То же самое. / Отец: – На русском, конечно. Я вам скажу: пока родители, то есть мы, по-русски разговариваем, они еще тоже скоро украинский не будут знать. Хотя должно быть, чтоб учили тот язык, где они действительно живут, то есть, украинский. / Полевой работник: – Но в школе же изучают? / Отец: – Да, изучают. / Мать: – Ну почему-то больше тянет на русский» (на основе звуковой записи, Солотвино, в гостях у румынско-венгерской семьи Т. В., август 2008 г., см. подробнее Диалог № 5/а в Приложениях).

²¹⁰ Результаты данного опроса см. подробнее в Palágyi 2008: 243-245.

²¹¹ В тесте фигурировали следующие вопросы: Какой язык вы считаете родным? На каких языках вы еще разговариваете? – с мамой, – с папой, – с бабушкой / дедушкой, – с друзьями, – в магазине, – у

респондентов, в частности, в ответе на вопрос *На каких языках вы еще разговариваете?*, хотя в большинстве случаев украинский уже не фигурирует среди конкретных ситуаций, в которых респонденты отдают предпочтение русскому языку (приблизительно в 90 % случаев).

Таблица № 2		В классах с русским языком обучения	В классах с украинским языком обучения	Всего
Назвали своим родным	русский	25	1	26
	румынский	31	17	48
	венгерский	4	3	7
	украинский	3	14	17
Всего респондентов		63	35	98

В таблице № 2 мы видим, что большинство детей русских классов являются румыноязычными (31), на втором месте дети с русским как родной язык (25), на третьем – с венгерским (4), и на четвертом – с украинским (3). Как ни странно, и дети из украинских семей еще идут в русские классы. Это явление более подчеркнуто в русских классах Тячева, где по словам директора школы, «в классы с русским языком обучения отдают более способных детей родители со средним или высшим образованием, которые понимают, что знание еще одного языка пойдет только на пользу ребёнка»²¹². Небольшое количество детей (4), которые назвали родным языком венгерский объясняется и тем, что из «чисто» венгерских семей детей записывают, скорее всего, в венгерскую школу, а дети из смешанных семей своим родным языком считают не редко русский, который почти без исключений является общим языком родителей.

Если сравнить таблицу № 2 с таблицей № 4, то ясно выделяется, что из 25 детей, которые назвали русский язык родным, только в 7 семьях ребенок говорит с обоими родителями по-русски, значит 18 детей происходят из смешанных семей. В украинский класс ходят и трое детей, которые признались, что дома говорят только на русском. Несмотря на нарастающее влияние украинского языка, детей из

врача. На каком языке любите смотреть телевизор? Если встретите в Солотвине незнакомого человека, на каком языке вы обратитесь к нему?

²¹² Из интервью с О. П., директором бывшей русской школы г. Тячева, которая сегодня носит название «Тячівська загальноосвітня школа № 2» (Тячев, октябрь 2007 г.).

смешанных семей (которые почти без исключения являются и русскоязычными) предпочитают отдавать в русскоязычные классы.

Из нижеследующей таблицы ясно выделяется тот факт, что из смешанных семей детей отдают предпочтительно в классы с русским языком обучения.

Таблица № 3		В классах с русским языком обучения	В классах с украинским языком обучения	Всего
Смешанные семьи, где отец и мать говорят с детьми соответственно на:	Румынском и венгерском	5		5
	Венгерском и русском	4		4
	Русском и украинском	2	1	3
	Русском и румынском	14	2	16
	Румынском и украинском	2	6	8
	Украинском и венгерском		3	3
Всего респондентов		27	12	39

Таблица № 4		В классах с русским языком обучения	В классах с украинским языком обучения	Всего
Одноязычные семьи, где родители говорят с детьми на одном и том же языке	румынском	27	12	39
	украинском	1	4	5
	венгерском	4	1	5
	русском	7	3	10
Всего респондентов		39	20	59

Интересно отметить, что среди опрошенных детей, очень мало назвали своими родными языками два или больше языков (всего 8 из русских классов и 2 из украинских): 3 назвали родными русский и румынский, 2 – румынский и венгерский, 2 – румынский, русский и украинский, 1 – румынский и украинский; из украинских классов 2 назвали родными румынский и украинский. Таким образом, несмотря на

активное многоязычие этих детей, родным языком, как правило, признается один, даже в смешанных семьях²¹³. В случае 3 респондентов мы обнаружили интересное явление: двое с русского класса говорят со всеми членами семьи на румынском, но родным считают русский, на котором общаются в магазине, у врача и с друзьями; 1 со всеми членами семьи общается на русском, а родным считает украинский, на котором обращается к врачу и к незнакомцу, но наверное из-за того что ходит в украинский класс. И всего один ученик (11 Б класса) назвал родной язык общий язык родителей, то есть русский, несмотря на то, что с мамой говорит по-венгерски, а с папой – по-румынски. Характеризуя ситуацию в Солотвине, мы можем воспользоваться словами А. А. Ровдо, который говорит об языковом узусе в Белорусии: «русский язык является доминирующим, но в большинстве случаев не является показателем принадлежности говорящего к той или иной нации» (Ровдо 2007: 565).

3.2.2. Результаты письменных опросов среди школьников венгерской школы в Солотвине (октябрь 2008)

Опрос 27 учеников 8-го и 11-го классов с венгерским языком обучения дал следующую картину функционирования языков у детей возрастом 14 и 16 лет, проведенного в 2008-м году:

Таблица №1

Из 27 опрошенных учеников венгерской школы (Солотвина) утверждают, что говорят на:	Русском	26
	Румынском	11
	Венгерском	27
	Украинском	24

Из 27 респондентов только 1 ученик не написал, что говорит на русском языке (он назвал своим родным языком «угорский»). Русским языком дети пользуются в следующих ситуациях: 20 – в магазине, 18 – у врача, 21 – при обращении с незнакомым человеком, а телевизор смотрят только на русском: 9 детей, а на русском и на других языках – еще 9 респондентов.

²¹³ В случае понятия родного языка, в сочинениях детей мы встретились с такими выражениями, которые могут внести свой вклад в обновление теории многоязычия как «мой самый родной язык», «мой первый родной язык», «язык от сердца» (из сочинений детей на тему *На каких языках я говорю*, Солотвино, украинско-русская школа, октябрь 2007).

Венгерским языком естественно владеют все 27 учеников. Они говорят по-венгерски предпочтительно в кругу семьи и с друзьями. Вне школы и семьи, на нем общаются уже намного меньше респондентов: 8 – в магазине, с незнакомым человеком – 2, у врача – 0, а телевизор смотрят по-венгерски – 11.

Румынским языком владеют 11 респондентов, но в вышеприведенных ситуациях он фигурирует намного меньше: 1 информант написал, что говорит на румынском у врача и 1 – что обратится к незнакомому человеку на румынском (наряду с русским, конечно) в Солотвине. Отметим, что в магазине, где работают преимущественно румыны, дети совсем не упомянули румынский язык. 20 респондентов из 27, то есть 74 % пользуются русским языком в магазине. Мы уверены, что переход на русский язык происходит в обязательном порядке именно в случае если продавец румыноязычный. Эти данные подтверждают наши наблюдения в магазинах, где на примере конкретных коммуникативных ситуациях (см. проанализированные в третьей главе данной работы Диалог № 1 и Диалог № 2) мы приходим к выводу, что к иноязычному собеседнику солотвинцы обращаются на русском языке.

Украинский упоминают 24 респондента, и так же как и ученики украинско-русской школы, в частности, в ответе на вопрос *На каких языках вы еще разговариваете?*, из них 5 пользуются украинским языком и в магазине, 7 – у врача, и 4 – в обращении с незнакомым человеком.

Таблица № 2

Назвали своим родным языком	русский и венгерский	2
	румынский	0
	венгерский	24
	украинский	1
Всего респондентов		27

В таблице № 2 мы видим, что у большинства детей венгерских классов венгерский язык является единственно родным (24), два респондента считают родными венгерский и русский, на котором говорят с отцом. Как ни странно, среди респондентов из венгерской школы есть один, который считает своим родным языком украинский. И, несомненно, по праву, поскольку на нем говорит и с матерью, и с отцом (как мы увидим из таблицы № 3), в то время как с бабушкой общается по-румынски, а с дедушкой – по-русски. Интересна мотивация выбора венгерской

школы в случае этого ребенка из украинско-румынско-русской семьи, но у нас не представилось возможности спросить его или членов его семьи об этом.

Из данных 3 таблицы мы узнаем, на каком языке общаются дети со своими родителями:

Таблица № 3

Язык общения родителей с детьми	оба на венгерском	18
	мать на венгерском, отец на русском	4
	мать на венгерском, отец на украинском	3
	мать на украинском, отец на венгерском	1
	оба на украинском	1
Всего респондентов		27

Как мы видим, у 25 детей из 27 мамы венгерки. Во всех этих случаях дети считают родным венгерский язык, то есть язык матери. В двух случаях, когда дети общаются с отцом по-русски, они считают родным и русский язык, наряду с венгерским. В одном же случае, русский язык отца не считается респондентом родным. Из опрошенных детей один единственный считает своим родным языком только венгерский язык отца, несмотря на то, что с матерью говорит по-украински. И как мы уже заметили выше, один единственный респондент венгерской школы растет в «чисто» украинской семье (если не считать румыноязычную бабушку и русскоязычного дедушку).

3.2.3. Результаты письменных опросов среди школьников украинско-русской школы в Тячеве (октябрь 2007 г.)

Мы провели такой же социолингвистический опрос и в бывшей русской школе города Тячев, который является районным центром Солотвина. Трехязычный районный центр *Тячів* / Тячев / *Técső* расположен в 25 километрах на западе от Солотвина, насчитывает около 12000 жителей, из которых около 70 % украинцы/русины и 30 % венгры. В Тячеве национальный состав отличается во-первых тем, что там живет лишь одно национальное меньшинство, а во вторых – тем, что титульная нация составляет подавляющее большинство населения. Бывшая русская школа Тячева, которую нелегко найти чужеземцу из-за единственной на ней

вывески «Тячівська загальноосвітня школа № 2», по словам ее директора, «смогла выжить» в трудные годы, когда не набиралось достаточно учеников в русские классы, благодаря тому, что находчивый директор решил открыть в русской школе класс с украинским языком обучения, тем самым избежав полного закрытия школы. И в настоящее время школа «выживает», хотя имеет такой успех, что директор даже иногда вынужден отговаривать родителей записать ребенка в русский класс, но, скорее всего из-за того, что это, по словам директора, «самые сильные классы, так как в них дети изучают с первого класса три языка: русский, украинский и английский и только самые способные дети выдерживают такую нагрузку» (Из интервью с О. П., Тячев, октябрь 2007 г.). На сегодняшний день в Тячевской школе № 2 ежегодно набирается два параллельных класса: один с русским языком обучения (в котором в среднем 16-18 учеников) и один – с украинским (в котором примерно 25 детей)²¹⁴. Как показал опрос, проведенный в октябре 2007 года в Тячевской школе, у учеников русских классов вырисовывается совершенно другая ситуация, чем у их солотвинских сверстников. Из 20 опрошенных учеников 5-го и 7-го классов, 13 считают своим родным языком украинский, а 7 учеников – русский, но даже они с друзьями и в школе (кроме уроков русского языка) говорят на украинском. 4 ученика в беседе с друзьями пользуются и венгерским языком, а 2 из них – и с родителями (но заметим, что эти венгрозязычные дети дома общаются предпочтительно на украинском). Такое малое количество детей (2 из 20), которые назвали родным языком венгерский, объясняется вероятно тем же, что и в Солотвине, то есть тем, что из «чисто» венгерских семей детей записывают в венгерскую школу, а дети из смешанных украинско-венгерских семей своим родным языком считают чаще всего украинский, а иногда и русский, который и здесь, почти без исключений, является общим языком разнотнических родителей.

В заключении процитируем отрывок из сочинения одной закарпатской ученицы, который подает надежду исследователям русистам этого региона в том, что они не останутся без работы. Анна Д., ученица 7 класса пишет в октябре 2007 г.: *«...Я никогда не задумывалась, на каком языке мне общаться. Так случилось, что у меня много друзей разговаривает на русском языке. В моей семье родной язык украинский... Хотя государственный язык украинский, но без русского никуда».*

²¹⁴ Аналогична ситуация и в украинско-русской школе Солотвина, но здесь в 2007-2008 учебном году не было первого русского класса. Заметим, что это не означает обязательного прекращения обучения на русском языке, так как 4 года назад также не было набора в русский класс.

3.2.4. Результаты письменных опросов среди школьников русскоязычной Средней общеобразовательной школы-интерната с. Парканы²¹⁵ (Приднестровская Молдавская Республика, сентябрь 2009 г.)

В опросе приняли участие 39 школьников 7-го, 8-го и 9-го классов в возрасте от 13 до 17 лет, учащихся русской школы села Парканы. Парканы – многонациональное село возле Тирасполя (столицы Приднестровья), где большинство 10000-го населения составляет болгарское национальное меньшинство (примерно 80 %), остальные 20 % населения составляют украинцы, молдаване и русские. Местные болгары-переселенцы из Османской Империи, которые поселились на освобожденные от мусульманских татар территории на берегу Днестра. Для этих приднестровских болгар языком образования всегда был русский язык. Парканская школа-интернат – с русским языком обучения, но в ней преподается и молдавский государственный язык.

Из 39 опрошенных 30 заявило, что их родной язык – русский. У 6 респондентов родной язык болгарский, у 1 – украинский, у 1 – три родных языка (русский, болгарский, молдавский), у 1 – армянский и русский. Респонденты владеют еще следующими языками: русским – 5, молдавским – 3, болгарским – 2, болгарским и молдавским – 1, украинским и молдавским – 1. В ситуациях повседневной жизни языковая картина менее пестра: русским языком пользуются все без исключения у врача. В магазине 34 предпочитают русский язык, 3 – русский и болгарский, 1 – русский и молдавский и всего лишь 1 – болгарский. Первенство русского языка неоспорима и в просмотре телевизионных программ: 38 смотрят программы только на русском языке и лишь 1 – на русском, болгарском и английском. На вопрос *На каком языке вы обратитесь к незнакомому человеку?* 37 респондентов ответило: – на русском, 1 – на русском и молдавском и 1 – на русском и болгарском.

В этом регионе русский язык был всегда самым престижным и распространенным, особенно из-за «иноязычного окружения», и остался таковым и после распада Советского Союза, благодаря формированию Приднестровской самопровозглашенной Республики, которая, напомним, *de jure* входит в состав

²¹⁵ У Парканской школы-интерната есть свой официальный сайт, на котором расположена подробная информация о ее истории, учениках, преподавательском составе, а также языках обучения (см. <http://parkany-si.ru/> (02.05.2011)).

Молдовы, а *de facto* является независимым государством и находится под покровительством России.

3.2.5. Результаты письменных опросов среди школьников румыноязычного Теоретического Лицея «Лучиан Блага» г. Тирасполь²¹⁶ (Приднестровская Молдавская Республика, сентябрь 2009 г.)

В опросе приняли участие 56 школьников 7-го, 8-го, 9-го и 10-го классов в возрасте от 13 до 17 лет, учащихся румынской школы города Тирасполя – столица официально трехязычной Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, как и все приднестровские города, был основан в XVIII веке, после изгнания турок русской армией. В Тирасполе проживает 160 тысяч жителей, из которых 41,6 % русские, 33 % украинцы, 15,2 % молдаване и 10 % составляют гагаузы, болгары, евреи, армяне²¹⁷.

Из 56 опрошенных школьников 50 заявило, что их родной язык – румынский. У 2 респондентов родной язык молдавский, у 1 – русский, а у 3 – два родных языка (русский и румынский). Респонденты владеют еще следующими языками: русским – 51, румынским – 1, русским и украинским – 1. С матерью 48 респондентов разговаривает на румынском, 5 – на молдавском и 3 – на русском. Заметим, что еще 2 респондента изначально обозначили молдавский язык как язык семейного общения, но потом исправили на *румынский*²¹⁸, то что свидетельствует о политической насыщенности этого глоттонима впоследствии приднестровского вооруженного конфликта 1992 года и культурной борьбы между сторонниками румынизации местных молдаван и сторонниками так называемого «молдовенизма».

В ситуациях повседневной жизни языковая картина однородна, преобладает русский язык. Русским языком пользуются у врача 51 респондент, русским и румынским – 3, а только румынским – 2. В магазине 54 респондента общаются по-русски, 1 – по-русски и по-румынски, 1 – по-молдавски. На вопрос *На каком языке вы обратитесь к незнакомому человеку?* 49 респондентов ответило: – на русском, 1 – на русском и румынском, а остальные ответили «зависит где».

²¹⁶ Русский язык обязателен во всех школах Приднестровья (т. е. в 124 русских школах, 33 молдавских, 3 украинских и 18 смешанных: 14 молдавско-русских, 4 русско-украинских).

²¹⁷ По данным переписи Приднестровья 2004 года (см. подробнее <http://www.olvia.idknet.com/ol37-09-05.htm>).

²¹⁸ Напомним, что после попытки создать отличительный от румынского молдавский литературный язык на основе местных приднестровских диалектов, с 50-ых годов письменная форма КЛЯ отличалась только графически. Румынский язык использовал латиницу, а молдавский – кириллицу.

Что касается просмотра телевизионных программ, 35 респондентов смотрит каналы только с русскоязычными передачами, 11 – по-русски и по-румынски, 6 – по-румынски и лишь 1 – по-русски и по-молдавски. По этому поводу заметим, что даже те дети, которые заявили, что в семье говорят на молдавском, телевизионные передачи смотрят по-румынски.

3.3. Заключительные замечания по поводу функционирования многоязычия в исследуемом языковом пространстве

Сравнивая вышеприведенные данные, мы видим, что даже многонациональное и официально трехязычное Приднестровье уступает Солотвину в плане реально используемых школьниками языков. Если в Приднестровье румыноязычные дети владеют все и русским языком, то есть они билингва, то русскоязычные дети русской школы в основном монолингва, за исключением нескольких болгар, которые владеют и своим национальным языком. Украинский и молдавский фигурируют лишь sporadично. В Солотвине же большинство детей трехязычно, и не редко – четырехязычно. Конечно, языковые компетенции детей не одинаковы (об этом мы убедимся в четвертой главе данной работы). В Солотвине русский язык имеет лишь устное употребление и сильно интерферирует с изучаемым в школе украинским языком. У некоторых детей эти два близкородственных языка сливаются в один в употреблении, хотя теоретически маленькие солотвинцы осознают, что русский и украинский – это два отдельных языка. Эта особая форма семилингвизма заметно увеличивает количество перечисленных в вышеприведенных анкетах языков.

Пользуясь другим социолингвистическим термином мы можем сказать, что в Тирасполе, вопреки официальному трехязычию, в практике действует «однофокусный билингвизм», то есть румыно-/молдавскоязычное население активно владеет и русским языком, в то время как русскоязычные приднестровцы могут изучать остальные официальные языки, но практически ими не пользуются. В Солотвине же можно говорить о «двуфокусном билингвизме»²¹⁹, поскольку местные венгры и румыны пользуются третьим, русским языком (в случае молодежи,

²¹⁹ В соответствии с гомогенностью / гетерогенностью отношений языков «различаются однофокусный билингвизм (когда представители группы А изучают язык группы Б или наоборот) и двуфокусный билингвизм (когда представители групп А и Б изучают язык группы В, язык которой становится языком посредником)» (Камболов 2007: 10).

смешивая его в некоторой степени с украинским) в межэтническом общении, то есть в качестве *lingua franca*.

С точки зрения терминологии уточним, что среди изучаемых нами языковых сообществ в классическую категорию диглоссии входит лишь гагаузско-русское языковое сообщество в южной Молдове. Изначально Ч. Фергусон привел такие примеры диглоссии, в которых «низкий» вариант является, скорее всего, диалектом стандартного «высокого» языка: разговорный и классический арабский в арабском мире, книжная форма кафаревусы и народная форма димотики в Греции, диалектный швейцарский и литературный немецкий в немецкоговорящей части Швейцарии, креольский и французский на Гаити (Ferguson 1975: 293). Придерживаясь фергусонской классификации, из изучаемого нами языкового пространства мы могли бы привести пример разговорного суржика и стандартных русского или украинского языков в зависимости от региона или выбора говорящего в Украине. Похожий тип диглоссии существует и в русинско-украинском языковом сообществе Закарпатья, где диалектальный русинский приходит на смену близкородственному официальному украинскому в бытовом общении. Изучаемое же нами венгерско-румынско-русско-украинское многоязычие в Солотвине, где русский язык является «надэтническим» языком, мы можем лишь частично назвать диглоссной ситуацией, так как все участвующие в общении языки являются стандартными вариантами (в зависимости от школьного образования говорящих), но выполняют в общении разные функции или же, в зависимости от ситуации могут быть использованы во всех функциях²²⁰.

Языковые компетенции большинства солотвинцев – отличный пример особой полиглоссии, которая функционирует в этом языковом пространстве. Они владеют разговорной и литературной формой родного венгерского, соответственно румынского языка (как и немецкие закарпатские полиглоты из примера К. Рил²²¹), знание языка соседнего этноса обычно ограничивается продовольственно-бытовой

²²⁰ В Солотвине функционирует в некоторой степени и официальное трехязычие о чем свидетельствуют официальные надписи при въезде в Солотвино (см. Фотографии, сделанные во время полевой работы в Солотвине (а, б) в Приложениях). Благодаря своему трехязычию Солотвино недавно появилось в центре внимания европейских политиков как уже функционирующая модель официального трехязычия на местном уровне: http://kitekinto.hu/karpat-medence/2011/03/02/haduzenet_az_ukrainai_nyelvekeket/ (03/05/2011).

²²¹ К. М. Рил в своей книге о языковых контактах при рассмотрении полиглоссной ситуации приводит пример из Закарпатья, где немецкое национальное меньшинство наряду с диалектальным немецким и стандартным немецким языком, использует еще «украинский региональный диалект (русинский), стандартный украинский, русский и венгерский языки» (Riehl 2004: 19).

сферой, к украинскому они прибегают в сугубо официальных ситуациях или чтобы добавить высказыванию официальной серьезности, и – в то же самое время – фольклорной окраски.

На примере первых трех диалогов, проанализированных в главе 3.1.2. мы продемонстрировали, что русский язык – важный элемент в сложившемся *modus vivendi* между венграми и румынами этого города. Солотвинцы обычно не используют в общении язык соседнего этноса, предпочитая говорить на русском с иноязычным собеседником. Но данная языковая ситуация подразумевает в первую очередь, толерантность ко всем языкам этого сообщества и, как минимум, – пассивное понимание всех местных языков.

4. Особенности русского языка в Солотвине

В предыдущей главе мы рассматривали многоязычные речевые ситуации, уделяя особое внимание кодовому переключению и анализируя степень владения языками разных собеседников. В этой же главе мы анализируем русскую речь местных жителей, характерные черты русского языка в многоязычной среде Солотвина, с привлечением некоторых параллельных примеров из других мест изучаемого языкового пространства. Имея в виду, что исследованием местного русского языка еще никто не занимался по причинам, которые мы излагали в первой главе, мы осознаем, что в рамках данной работы мы не можем всесторонне описать местный русский язык. Мы рассмотрим некоторые характерные особенности местного русского языка на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, которые удалось зафиксировать во время нашей полевой работы посредством письменных анкет, тестов и записанных нами устных высказываний.

В силу многоязычного окружения, в котором «выживает» русский язык в Солотвине, он подвергается сильному воздействию венгерского, румынского и украинского языков. По словам Т.Т. Камболова, «полное и автономное (без смешения языков) владение двумя языками превышает психические возможности обычного человека [...]. Как правило, в большинстве полиэтнических и полиязыковых социумов складывается неравновесная, несбалансированная языковая ситуация» (Камболов 2007: 11). Описание местного русского языка осложнено наличием двух или даже трех субстратов / суперстратов, которые, несомненно, влияют на состояние местного русского языка.

Когда языки входят в контакт и говорящие на них субъекты используют в своей речи два или несколько языковых кодов, они, безусловно, влияют один на другой. «Результатами этих контактов и являются многообразные следствия: в одних случаях они приводят к разного типа заимствованиям, в других – к интерференции, смешению норм разных языков и, как крайний случай, к формированию некоторого среднего подъязыка (например, украинский суржик и белорусская трясянка), в третьих – к языковой ассимиляции, в четвертых – к полилингвизму»²²². Явление

²²² Все эти следствия по-разному оцениваются лингвистами. Так, интерференцию связывают с нарушением норм литературного языка и поэтому определяют как отрицательное явление. «Заимствования рассматриваются и с точки зрения того, как они расширяют возможности языка, и с точки зрения его 'засорения'. Однако в любом случае нет сомнений, что изучение языковых контактов и их результатов позволяет исследовать не только особенности строения языковой системы, но и

многоязычия тесно связано с понятием интерференции. Особенно возрастает возможность интерференции, если многоязычные говорящие в своей речи часто прибегают к кодовому переключению. «Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят» (Беликов–Крысин 2001: 20). Исходя из этого, понятие интерференции приобрело отрицательный оттенок в нормативной (прескриптивной) грамматике. Во избежание этого, дескриптивная грамматика предлагает более нейтральный термин «трансференции» (Riehl 2004: 28). В новых независимых постсоветских государствах наблюдаем противоположную тенденцию к пуризму. Украинские языковеды открыто говорят об «отрицательном влиянии русского языка на создание текста на украинском языке»²²³. Такая точка зрения радикально противоположна советскому учению, согласно которому при освоении русского языка надеялись создать советского человека²²⁴. Антирусская позиция некоторых языковедов приводит их к мнению, что русские интерференции больше угрожают украинскому языку, чем английские, потому что ведут к «стиранию национальной самобытности», способствуя при этом росту числа «рускомыслящих», а также «украинско-русское двуязычие препятствует утверждению украинского одноязычия, углубляя раскол населения»²²⁵. В противопоставлении этому украинофильскому триумфализму, который хочет добиться одноязычной Украины, русисты в Украине оказываются в

особенности коммуникативной реализации языка, степень его участия в жизни человека» (Дорофеев 2008).

²²³ «Красочным примером отрицательного влияния знания русского языка на создание текста на украинском служат и императивные формы: -Яка курка смачна! -Ты кушай, кушай! /интер. 23.02.02/ Відправь СМС з кодом0101 та отримай кольорову заставку на свій мобільний телефон /Європа+, 18.02.06» (Тукова 2006: 164).

²²⁴ «Превращение русского языка в средство межнационального общения в Дагестане протекало в соответствии с этапами преодоления экономической и культурной отсталости его народов. Широкое распространение русского языка и формирование массового национально-русского двуязычия здесь имеют место в эпоху научно-технической революции, когда становление новой социальной и интернациональной общности – советского народа – достигает завершающей фазы в рамках всего общества развитого социализма» (Абдуллаев 1984: 389).

²²⁵ «Варто наголосити, що взаємодія англійської та української мов на сторінках видань є менш загрозливим явищем, ніж взаємодія української і російської. В першому випадку структурні відмінності мов настільки суттєві, що «змішування кодів» не відбувається навіть у тих середовищах, де вони перебувають у щоденному контакті – українській діаспорі англomовних країн. В другому ж випадку досить часто виникає таке явище, як суржик. Інколи це явище проникає і на сторінках періодики і призводить до затирання національної самобутності. Тому варто зазначити, що англійська мова в пресі не становить для української такої загрози, як російська. [...] Тож доводиться констатувати, що російсько-українська двомовність на сторінках періодики в певній мірі гальмує рух до утвердження української одномовності, поглиблює розкол населення за мовною ознакою. Російськомовні газети та журнали стимулюють процес перетікання білінгвів до групи російськомовців, сприяючи таким чином кількісному зростанню категорії 'російськомислячих'» (Варич 2006: 119).

дефенсивном положенні і вынуждены одобрять українские інтерференції в місному руском языкє: «в языкє-реципієнтє вознікають новє лексико-семантичєскє структури. Етот процес имєє право на своє сущєствованіє [...] и в случаях контактірованія близкородствєнных языков, которыми являються український и російський. Така інтерференція способствуєт обогачєнію языка, расшіряєт єє виразитєльнєє возмозжності»²²⁶. В період утверждєнія молодой української держави, хотя ужє совершеннолєтнєй по годам независимости, бороться протів українських елєментов в руском языкє України было бы просто «неполиткоррєктно». А в случая «тотального», «массового билингвизма», который наблюдается сєгодня в некотрых городах и областях на тєрритории України, бороться протів інтерференції практичєски невозмозжно, так как єта языковая ситуация «способствуєт процессам смєшиванія руской и українской языковых норм» (Высоцкая–Джунусалиєва 2009: 27). В неизбєжном влиянии украинского языка на русский увєрен и Е. Н. Степанов, который говорит, что с 1999 года происходит «усилєніє влияния украинского языка как государственного и титульного на другєє языки в Україні»²²⁷.

Позиция нынєшних українских националистов напomiнает языковой экстрємизм в франкоязычнoй Канадє в 70-єє года, когда на автобусах в Монреалє было написано «*Bien parler, c'est bien penser*» (франц. «Правильно говорить, значит правильно думать»). Данный девиз квебекских националистов между строчек подразумевал, что правильно думают (то єсть, «квебекскомыслящие») только тє, которєє стараются говорить на чистом французском языкє.

Сєгодня в языкознаніи и, особєнно, в социолінгвистикє начинаєт все-таки преобладать тенденция к языковому полицентризму. Признаются разнєє центры данного языка, особєнно в случая тєх языков, на котрых говорят на тєрриториях разных государств. В случая русского языка идєт полємика по єтому поводу. Языковєє нацмєньшенства бояться обособлєнія их языка и культуры от языка материка, поэтому неохотно признают, что их язык отклонился от языковой нормы центра и стал отдєльным вариантом. Не случайно одєсский русист Е. Н. Степанов,

²²⁶ «У мови-реципієнтi виникають новi лексико-семантичнi структури. Цей процес має право на своє існування [...] й у випадках контактування близькоспоріднєних мов, якими i є українська та російська. Така інтерференція сприяє збагачєнню мови, розширює її виразні можливості» (Степанов 2004: 210).

²²⁷ «[...] посилення на початку 1999-х років відцентрових тенденцій у функціонуванні російської мови периферійних ареалів її поширення одним з яких є Одєса, і водночас посилення впливу української мови як державної i титульної на інші мови України» (Степанов 2004: 128-129).

отвергает идею других лингвистов, которые считают русский язык южной Украины отдельным вариантом и утверждает, что русский язык Одессы является «лишь территориальной и социально-территориальной разновидностью современного русского языка»²²⁸. Его симферопольский коллега, считая что «вариативность любого развитого языка является его нормальным состоянием, не препятствующим, а способствующим расширению сферы функционирования данного языка», пишет в 2009 году: «и мы вслед за А. Н. Рудяковым, В. В. Дубичинским, Е. А. Журавлевой и др. полагаем, что в настоящий момент на территории СНГ довольно явно проявляются тенденции, которые свидетельствуют о возможности формирования в не очень отдаленном будущем ряда национальных вариантов русского литературного языка» (Дорофеев 2009: 3-4). В случае Солотвина, мы едва ли можем говорить о письменном – литературном в строгом смысле слова – русском языке, так как после распада Советского Союза русский язык постепенно вытесняется из этой сферы.

Мы не вправе упрекать солотвинцев в смешивании языков и в следующих из этого языкового поведения интерференциях. Интерференции оказываются неизбежными, особенно в случае близкородственных языков, как заметили и В. И. Беликов с Л. П. Крысином: «Чем больше различие между языками, тем теоретически больше потенциальных возможностей для интерференции, но в родственных языках она менее заметна самому говорящему. Поэтому у билингвов, свободно владеющих и постоянно пользующихся близкородственными языками, интерференция становится почти неизбежной»²²⁹.

Также в случае близкородственных языков, часто очень трудно определить, является ли интерференцией данное выражение или нет. В предложении одного

²²⁸ «РМО і ОМК є не варіантами російської мови (думка про те, що російську мову, яка функціонує на території України, сьогодні треба розглядати як варіант російської мови (Демченко 2001:16), на наш погляд, є помилковою), а лише відповідно територіальним і соціально-територіальним різновидами сучасної російської мови» (Степанов 2004: 126).

²²⁹ «Прекрасным подтверждением этому служит русский перевод классической монографии У. Вайнрайха по языковым контактам [Вайнрайх 1979], в значительной части посвященной как раз проблемам интерференции. Перевод издан в Киеве и содержит немало фактов интерференции украинского языка в русский, ср.: *мы можем показать <...> на следующей таблице; приток заимствований с французского; <...> когда они [дети] стают взрослыми; межзубной [звук]* [Вайнрайх 1979: 136, 152, 181, 203]. Последний пример особенно интересен: по-русски прилагательные зубной и межзубный оформляются по-разному, но первое из них несопоставимо частотнее, по-украински в обоих случаях окончания одинаковые: (між)зубний. Ориентация на более частотное русское слово и отталкивание от украинского привели переводчика к конструированию гиперкорректной формы межзубной» (Беликов–Крысин 2001: 21).

солотвинского информанта «що кто пойдет аж до дна»²³⁰, частица 'аж' может интерпретироваться как слово, имеющее окраску русского просторечия, которая «подчеркивает интенсивность, важность следующей далее части сообщения» (Ожегов 1989: 27). Но эта же частица в одесском русском языке считается Е. Н. Степановым украинизмом. По его мнению, «модально-усилительная часть *аж* не имеет в русском языке однозначного соответствия и переводится, как правило, частицами *так, лишь, только, даже* или наречиями *сильно, очень* и т.п. Универсальность украинского *аж* в ситуации усиления речевой экспрессии является решающей причиной его использования всеми слоями одесситов»²³¹.

Заметим, что языковое поведение солотвинцев на самом деле очень раскованное, вероятно благодаря именно естественному многоязычию, в котором они воспитываются с раннего детства. Они не боятся интерференций, ошибок, не стесняются своего акцента, о чем мы уже упоминали выше. На это обратила наше внимание и учительница русского языка О. А., переехавшая в Солотвино 25 лет назад: «Вы знаете, что удивительно, вот украинский язык: они говорят, правильно-неправильно. Вот я, допустим, что-то не так сказала, начинают улыбаться там на Украине, знаете, все равно русский акцент слышан, не так сказала, не так произнесла, они улыбаются. А здесь все местные спокойно говорят, говорят, потихонечку они привыкают и начинают говорить и общаться и так у них должно быть»²³². В речи солотвинцев, особенно в случае осознанных лексических заимствований или вкраплений из языка соседнего этноса, или переключения на код соседа, мы, скорее всего, видим знаки лояльности к иноязычному собеседнику (как, например, в Диалоге № 3). И это множество кодовых переключений (и исходящих из этого интерференций) стало нормой их языкового поведения. Примечательна в этом порядке идей следующая цитата: «Как только интерференция получает признание в языке (становится частью стандарта определенного языкового кода), она не ощущается в этом коде как нечто чужеродное, т. е. перестает быть таковой для всех, кроме лингвистов» (Беликов–Крысин 2001: 22). Но и лингвист во время полевой

²³⁰ См. Диалог № 5 в Приложениях, а также его анализ в главе 3.1.3. данной работы.

²³¹ «Модально-підсилювальна частка *аж* не має в російській мові однозначного відповідника і перекладається, як правило, частками *так, лише, тільки, даже* чи прислівниками *сильно, очень* і под. Універсальність українського *аж* у ситуації підсилення мовленнєвої експресії є вирішальною причиною його використання всіма верстами одеситів» (Степанов 2004: 202).

²³² См. интервью с учительницей русского языка О. А. (по национальности – русская, переехавшая из Урала в Солотвино 25 лет назад, замужем за румына) в Приложениях (Солотвино, украинско-русская школа, октябрь 2007 г.).

работы, особенно в качестве включенного наблюдателя, может «заразиться» этим языковым поведением и перенять даже местный акцент, что не раз случалось и с нами. Такое конформистское языковое поведение полевого работника, с одной стороны, помогает ему стать более незаметным «включенным» наблюдателем, а с другой – снижает его чувствительность на интерференции, что составляет еще одну трудность в его исследовательской работе.

В последние годы начали появляться статьи, трактующие влияние украинского языка на русский язык. Симферопольский русист В. Ю. Дорофеев – один из немногих лингвистов, затрагивающих этот вопрос в период интенсивной украинизации – упоминает о том, что «русский в Украине значительно видоизменяется под влиянием не только украинского языка, но и суржика, южнорусских диалектов, а также за счет появления новых слов, характеризующих экономическое, политическое и культурное состояние страны»²³³. Однако ни он, ни другие лингвисты не говорят о влиянии языка других национальных меньшинств как, например, интересующих нас венгров и румынов, что мы и рассмотрим в нижеследующих главах.

4.1. Фонетические особенности

Интерференции способны охватывать все уровни языка, но особенно – фонетику. В таких случаях мы можем говорить об акценте в узком смысле слова. Главный источник интерференции на фонетическом уровне – это фонологическое расхождение в системах взаимодействующих языков: «различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, различные соотношения дифференциальных и интегральных признаков» (Виноградов 1990: 197).

²³³ «Примеры этого влияния многочисленны: *Верховная Рада* (в этом наименовании одно слово изначально было русским, а другое украинским, однако сейчас мы воспринимаем его как цельное наименование органа государственной власти), *регионал* (представитель партии регионов), *ботовец* (представитель блока БЮТ), *голова* городского совета (вместо председатель), *майдан*, *громада* (в значении общественность), *оранжевый* (отнесенность к определенной политической группировке), *сам* (в значении один), *баитан* (бахча), *блукать* (блуждать), *господарь* (хозяин), *додаток* (приложение), *занадто* (слишком), *вышиванка* (национальная одежда), *ненька* (мама) и др. Многие лингвисты оценивают такую вариативность языка (в основе ее суржик) негативно. Однако развитие языка всегда сопряжено с расширением возможностей языковой системы, что обеспечивается, прежде всего, варьированием и ненормативным использованием языковых средств в речи отдельных носителей языка. Поэтому, с нашей точки зрения, вопрос должен формулироваться по-другому: насколько коммуникативно обусловлены и распространены те или иные особенности употребления языковых единиц» (Дорофеев 2009).

4.1.1. Система вокализма

Самая заметная черта, особенно местных венгров, – это оканье гласного [о] в неударной позиции (см. *[о]ткрой [о]кно, кто раз[о]брал эту машину* из речи Е. Р., 45 лет, венгерка, кухарка). Оканье характеризует не только солотвинских венгров и румын, но встречается и в русской речи украинцев, болгар, молдаван, гагаузов в Украине. Е. Н. Степанов квалифицирует этот тип оканья как второй вариант твердоядренной [о]-редукции²³⁴. Правильному произношению безударного [о] уделяет особое внимание и книга для учителя русского языка в молдавских школах (Новак 2002: 26-27). Сопоставляя письменные тесты с устными, мы обнаружили интересное явление: в устной речи, в частности, старшего поколения (старше 30-и лет) оканье является характерной чертой, но в письменных тестах (молодого поколения) почти половина респондентов из венгерской школы написала 'а' вместо 'о' в безударной позиции (см. *«а́ткрой», «вади машину», «га́ните а́старожна машину»*²³⁵). Хотя эти формы графически очень напоминают фонетический принцип белорусского письма, на самом деле, они отражают исключительно устное функционирование местного русского языка, в полном отсутствии его преподавания в школе. Письменные произведения детей венгерской школы, которые никогда не изучали (и большинство детей перед нашим тестом даже не писали по-русски) как нельзя лучше отражают фонетические особенности местной русской речи. Примечательна по этому поводу одна запись, в которой 17-летняя ученица венгерской школы (А. Р.) произносит те же русские слова, что и ее 45-летняя мать (Е. Р.)²³⁶. В этой записи мы можем наблюдать и за возрастными расхождениями в произношении русских слов. Мать последовательно и очень уверенно окает, в то время как ее дочь – чье знание русского языка менее уверенно и украински «окрашена» – меньше окает. В ее произношении наблюдаются колебания в произношении безударного о: *не [А]ткрывайте [А]кно, пр[А], н[А]терял*, но в то же самое время замечаем и оканье: *стр[о]ители, хол[о]дн[А]*. Парадоксально знание правописания «отрицательно» может влиять на произношение матери, которая еще учила русский язык в венгерской школе как второй язык. Пользуясь термином В. А. Виноградова, мы

²³⁴ Е. Степанов для иллюстрирования данного явления приводит следующие примеры: *барода, пагда* (Степанов 2004: 114).

²³⁵ Эти предложения являются переводами с венгерского на русский (Солотвино, 8-й класс венгерской школы, октябрь 2008).

²³⁶ Звуковая запись с Е. Р. (45 лет, венгерка) и ее дочерью А. Р. (17 лет, ученица венгерской школы) (Солотвино, январь 2011 г.)

имеем в этом случае дело с «буквопроизносительными проблемами» (Виноградов 1972: 35).

Известно, что одним из самых трудно произносимых гласных русского языка для венгров является гласное верхнего подъема и среднего ряда 'ы'. Местное произношение данной фонемы не совпадает со стандартным русским звуком [ы], ни со звуком [и]. Ее произношение получается средним между стандартными русскими [ы] и [и], и сильно напоминает украинский звук, соответствующий украинской графеме 'и'. Данная фонема скорее похоже на русское [э] среднего подъема, и предыдущее согласное оказывается впоследствии немного смягченным: *кто пом[э]л пол, в[э]* (т.е. вы), *маш[э]ну*. По произношению фонемы [ы] в Солотвине мы легко можем догадаться каким «субстратным» языком владеет говорящий на русском языке: венгерским или румынским. Дефонологизация фонемы [ы] совсем не характерна для местных румын, так как идентичный звук существует и в румынском.

Другая особенность солотвинского русского языка – это дифтонгизация и удлинение ударного [о] в частности в случае представителей румынского национального меньшинства: *так[ʰo]й, т[ʰo]м*. Возможно, такое произношение в русском обусловлено именно румынской фонетикой, где существует впечатляющее количество дифтонгов²³⁷. Традиционно в романистике румынский/молдавский язык считается дифтонгизированным языком. И в закарпатском диалектальном ареале венгерского языка наблюдается дифтонгизация длинного [ó], а также образование дифтонга [оʏ] из [ол]²³⁸.

Мы также регулярно слышали дифтонгизацию ударного [у] после мягкого [л']: *л[ʰʷ]у]ди*, но в данном случае эта дифтонгизация происходит в первую очередь из-за более твердого произношения согласного [л], который по правилам нормативного русского языка в данной позиции должен быть мягким.

²³⁷ Е. Н. Степанов, что «дифтонгоидность» этого типа можно считать остатком молдавского (восточно-романского), украинского и русского диалектных субстратов в местной русской речи: «НВПД [наголошена висхідна передньорядна дифтонгоїдність – А. II.] можна вважати залишком молдовського (східно-романського) і українського та російського диалектних субстратів у місцевому російському мовленні». В дальнейшем он насчитывает от 14 до 27 дифтонгов в румынском и молдавском языках (см. Степанов 2004: 106-107). Дифтонгизация существует и в современном русском языке: «артикуляция звуков типа 'о' носит неоднородный характер. [...] Вследствие делябиализации и скольжения языка на протяжении артикуляции образуется дифтонгоидный и иногда трифтонгоидный звук вроде [ʰo.]» (Болла-Палл-Папп 1977: 41).

²³⁸ Напомним, что островной солотвинский венгерский диалект отличается от диалектов компактного проживания венгров Виноградского, Береговского, Мукачевского и Ужгородского районов. Одно из отличительных черт – короткое произношение длинных гласных и удвоенных согласных под влиянием соседних украинских и румынских диалектов (Horváth-Lizanec 2007: 154).

В речи солотвинцев следующую особенность составляет колебание между [е] и [э]: одни произносят *университ[е]т*, а другие, несомненно под влиянием украинского, – *университ[э]т*. Подобное колебание зафиксировано и у одесситов, в произношении топонима Одесса, которое в последние годы благодаря украинизации общества, преобладает как *Од[э]сса* (Степанов 2004: 128). По мнению Р. И. Аванесова, подобное произношение соответствует старой орфоэпической норме непалатализации зубных согласных перед звуком [э] в словах иностранного происхождения (Аванесов 1984: 212-221). Но в случае солотвинского *университ[э]т*, такое произношение имеет в особенности молодежь. Поэтому мы вправе здесь утверждать, что школьная украинская лексика влияет на данное произношение.

4.1.2. Система консонантизма

Вышеописанный пример произношения [э] связан с более твердым произношением согласных, то есть с непалатализацией (или полупалатализацией) согласного перед 'е'. Мы заметили данное явление перед зубными согласными *бас[э]н*, *н[э]*, *н[э]т*, *у м[э]н[э]*, *н[э]рвы*. В этих случаях мы можем говорить о «полусмягчении» согласных в местном русском языке. Это явление наблюдается и в случае более мягкого произношения шипящих [ш], [ж] особенно у местных венгров (например, *по-че[ш']ски*, *[ж']или*). Это может быть влиянием любого из окружающих языков, так как ни в румынском, ни в венгерском, ни в украинском нет такой систематичной оппозиции твердых и мягких согласных как в русском языке. Эти «ошибки» в произношении не мешают пониманию, поэтому, по словам В. А. Федосова они являются только фонетическими, а не фонологическими²³⁹ (Федосов 1997: 10-11). Звуки родного языка, подменяющие звуки второго языка, называют «диафонами» (Виноградов 1990/в: 197).

В местном русском языке мы зарегистрировали также некоторые артикуляционные особенности согласных звуко сочетаний сч, щ, зч жч. Современная русская литературная норма считает звук соответствующий графемам сч, щ, зч жч шумным глухим щелевым двуфокусным переднеязыковым поднебно-зубным

²³⁹ Тот же самый вывод делает Л. Ф. Ципцюра по поводу влияния украинского произношения на русское: «непосредственные наблюдения над речью и экспериментально-фонетические исследования свидетельствуют о том, что влияние украинской языковой основы проявляется в основном на фонетическом уровне: в фонологической системе, как правило, не наблюдается заметных отклонений» (Ципцюра 1973: 99).

мягким долгим согласным звуком [ш':], который производится апикально (См. Шведова 1980/Г: 18-22.). В русском языкознании признают разные варианты произношения этого звука, от твердого длинного [ш:] какуминального образования до твердой аффрикаты [шч]. Вышеперечисленные согласные звукосочетания произносятся солотвинцами как две твердые аффрикаты буквально представителями всех возрастов и национальностей, но заметим, с разной степенью твердости: му[жч]ина, [сч]итать, е[шч]е. Некоторые лингвисты считают типичным украинизмом данное произношение²⁴⁰.

С другой стороны, местные национальные меньшинства упрощают звукосочетание [шт], особенно в быстрой речи, как [ш]: [ш]о 'что', [ш]обы 'чтобы'. Это явление считается характерным для русской речи на территории всей Украины (Степанов 2004: 148).

По поводу другой «общеукраинской» фонетической особенности русского языка, а именно фрикативной вариации звука [γ]²⁴¹, который является шумным щелевым средним заднеязыковым заднеподнебным твердым звонким аллофоном фонемы [г] (Лекант 1988: 85-88), мы можем с уверенностью сказать, что она не характерна для русской речи в Солотвине, где произносят не щелевой, а взрывной, нормативный [г]: [г]остиница, в [г]ости, [г]оворить. Мы склонны предполагать, что это обособление от «общеукраинской нормы» русского языка произошло именно под влиянием местных национальных языков, так как и в румынском, и в венгерском фонема [г] имеет только звонкое взрывное произношение. По поводу распространения щелевого [γ] в начале XXI века в Украине, существует теория, что оно происходит из-за «современной государственной политики языковой и культурной украинизации», из-за «внедрения украинского языка как основного языка среднего и высшего образования»²⁴².

Звонкий согласный в конце слова остается звонким в речи солтвинцев, в особенности, старшего поколения, например *первый* ра[з], *виногра*[д], *наза*[д].

²⁴⁰ Е. Н. Степанов, в частности, говорит о случаях произношения твердой аффрикаты [шч] и в Одессе под влиянием украинского [шч] (см. «випадки вимови твердої аффрикати [шч], подібної до української», «вплив українського[шч]» (Степанов 2004: 144-145).

²⁴¹ «Так, произношение фрикативного звука вместо взрывного <г> характерно для носителей русского языка в Украине. Этот факт ранее рассматривался как диалектное влияние, однако мы склоняемся к мысли, что на сегодняшний день это произношение необходимо расценивать как вариативное, а не нарушающее фонетические нормы русского языка в Украине» (Дорофеев 2008: 4).

²⁴² «Сучасна державна політика мовної та культурної українізації Одеси і Півдня України, впровадження української мови як основної мови середньої й вищої освіти, на наш погляд, спричинює на початку XXI ст. поширення фрикативної варіації фонемою γ у РМО» (Степанов 2004: 136).

Данному явлению мы можем дать такое же объяснение, как и в случае оканья: те, кто приобрели знание русского языка на уроках русского языка (т.е. в процессе преподавания), сохраняют и в произношении звонкие согласные. Но В. И. Беликов и Л. П. Крысин утверждают, что такое явление в русском языке происходит под влиянием украинского языка²⁴³: «В области фонотактики, – наиболее сильно воздействует на второй язык тип редукции родного языка. [...] Лица с родным украинским языком, наоборот, переносят на русский привычную модель, сохраняющую звонкость согласного в конце слова и в середине перед глухим: *по[д]писать, са[д]* и т. п., в результате чего появляются минимальные пары типа *дедка/детка, дужка/душка*. Сходным образом во втором языке проявляется и свойственный родному языку тип редукции гласных» (Беликов–Крысин 2001: 20).

4.1.3. Просодическая система

Термин 'просодия' обозначает систему фонетических средств (высотных, временных и силовых), которые функционируют в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст), играющих смыслоразличительную роль. Элементы просодии, т.е. ее компоненты – это речевая мелодия, ударение, временные и тембральные характеристики, ритм (см. Антипова 1990: 401). Характерной чертой просодической системы языка является то, что она подвергается влиянию просодии иностранных языков, с которыми данный язык контактирует (см. Степанов 2004: 155). В фонетической области некоторые языковеды считают, что «интонация основного языка легко воздействует на интонацию родного дополнительного, а в системе фонем и фонотактике, как правило, ведущим оказывается влияние системы родного языка на вторые языки» (Беликов–Крысин 2001: 20).

Ударение – это способ выделения фонетическими средствами одной языковой единицы из ряда однородных единиц: одного слога среди всех слогов слова, одного слова среди всех слов синтагмы, одной синтагмы среди всех синтагм фразы. Фонетические средства образования ударения – это интенсивность, динамическое

²⁴³ «Оглушение звонких согласных в конце слова в укр. языке, + смягчение согласных *р, ч, ш, щ, [...]*. Следует помнить, что фонетическое качество звуков в значительной степени может варьироваться как из-за условий коммуникаций, так и из-за индивидуальных особенностей говорящего» (Высоцкая – Джунусалиева 2009: 29).

ударение, высота голосового тона (музыкальное ударение), продолжительность звучания (что образует квантитативное или количественное ударение) (Виноградов 1990: 530).

В языковом сознании солотвинцев смысловоразличающее ударение русских слов имеет немалую важность. До сих пор солотвинцы с улыбкой рассказывают о бывшем директоре русско-украинско-венгерской школы, за которым осталась кличка «гвѐздики» из-за ошибочного произношения названия цветов «гвозди́ки», которые непременно нужно было достать к празднику Великой Октябрьской Революции²⁴⁴. Ударение на первом слоге может объясняться влиянием венгерской ударной системы, в котором ударение всегда падает на первый слог. Ироническое отношение к этому ошибочному произношению (к которым солотвинцы обычно относятся примирительно) сложилось в этом случае из-за того, что директор интернациональной школы, который – по словам тогдашних учеников – был убежденным сторонником советской идеологии, ошибся в произношении символа социализма и раскрыл тем самым силу своего венгерского языкового субстрата.

В акцентологии известно, что восточные и южно-восточные русские говоры и русский литературный язык в основном принадлежат четвертому архаичному акцентологическому типу, в то время как остальные русские говоры и диалекты украинского языка относятся ко второму или третьему акцентологическому типу (Степанов 2004: 158). В Солотвине интерференции в области ударений усложняются еще и акцентологической системой румынского и венгерского языков, которые в свою очередь имеют свою местную специфику именно из-за взаимного влияния друг на друга. Так под украинским влиянием, которое усиливается и венгерским субстратом, в местном русском языке стала общепринятой глагольная форма мы х[ѐ]чем, вы х[ѐ]чете²⁴⁵ вместо нормативного 'мы хотим', 'вы хотите' (укр. *ми хочемо, ви хочете*).

Очень распространены метатонические формы глаголов прошедшего времени, в частности, с продвижением ударения с флексии на основу в случае женского рода (я п[ѐ]няла, она жѐд[ѐ]ла, она бр[ѐ]ла), а также метатония с корня на префикс в случае мужского рода, как, например в глаголе п[ѐ]здал.

²⁴⁴ См. «все с него смеются, то есть, смеялись». На него остался анекдот, про него: «принесите гвѐздики, гвѐздики». А никто не понял, шо за гвѐздики. А то гвозди́ки надо было принести! Так на нем и осталось: «гвѐздики, гвѐздики» (Т. В., 41 год, венгерка, Солотвино, февраль 2011).

²⁴⁵ См. «Мы вынуждены, х[ѐ]чем, не х[ѐ]чем: по-русски разговаривать» (из высказывания А. Д., Солотвино, август 2008 г., см. Диалог № 5/а в Приложениях).

Другое типичное нарушение нормы в произношении мы заметили в слове *гр[á]ница*. Возможно, ударение на первый слог обусловлено румынским произношением этого слова (рум. *graniță*), усиленное влиянием и венгерской просодической системы²⁴⁶.

По поводу темпа речи русских высказываний в речи солотвинцев мы заметили следующую особенность: русская речь местных румын кажется намного быстрее, чем русская речь венгров, но в нашем распоряжении пока нет конкретных измерений темпа речи.

Касательно интонации, мы не обнаружили в русской речи местных венгров типичные для изучающих русский язык венгерских учеников ошибки, как, например, повышение тона в конце вопросительных предложений. По правилам русской фонетики голосовой тон повышается только в интонационном центре, т.е. на ударном слоге того слова, который является «предикатом» вопроса²⁴⁷. Во время устного перевода венгерских вопросительных предложений на русский, очень хорошо заметно изменение интонации, когда информант (Е. Р., 45 лет, венгерка) переходит на русский язык. Вопросы нашего информанта звучат с «чисто» русским тоном: *«Вы когда-то выступали в телевизоре? Кто разобрал эту машину? Кто (на)писал «Войну и Мир»? Кто перевел «Войну и Мир» первый раз на английский язык?»*²⁴⁸. В этих примерах на подчеркнутый слог падает самый повышенный тон высказывания, который постепенно снижается и доходит до самого низкого уровня в конце предложения. Однако заметим, что в речи 17-летней А. Р. в случае произношения тех же предложений, что и ее мать, эта разница в тоне менее заметна. У билингва (или, в нашем случае, «плюрилингва») интонации разных языковых кодов обычно сближаются, взаимно интерферируют, отличительные черты униформируются. В речи ученицы русского 6-го класса (12 лет, румынка) мы обнаруживаем другую схему вопросительной интонации: *если на альбомный лист, то как делать карандашом, чтобы писать?* В подчеркнутых слогах тон повышается, получается полицентрическая конструкция с многоразовой восходящей

²⁴⁶ Интересно заметить, что в Молдавии распространено слово *graniță* с ударением на *i*, несомненно под влиянием русского языка. Это слово является славянским заимствованием и в стандартном румынском, но с ударением на *a*.

²⁴⁷ Типичной венгерской ошибкой в интонации вопросительного предложения считается удлинение последнего слога и повышение тона в конце предложения (Kosaras 2006: 157).

²⁴⁸ Из речи Е. Р. (45 лет, венгерка, Солотвино, февраль 2011 г.).

интонацией²⁴⁹. Заметим в данном вопросе, что глагол *делатъ* произнесен с ударением на второй слог, возможно из-за контаминации модели с окситонным инфинитивом 'писать'. Окситонными являются и большинство инфинитивов румынских глаголов, особенно первой группы спряжения с окончанием на ударное *a* (см. рум. *a lucrá* 'работать', *a aruncá* 'бросать', *a mâncá* 'есть').

Подытоживая фонетические особенности солотвинского русского языка, мы не можем с уверенностью определить единую солотвинскую интонационную модель, но мы можем с уверенностью сказать, что по произношению русской речи не только лингвист, но и сами солотвинцы превосходно отличают русскую речь с венгерским субстратом от русской речи «румынской редакции».

4.2. Лексические особенности

В условиях массового двуязычия/многоязычия, каким является и языковое сообщество Солотвино, лексическое влияние одного языка на другой может достигать впечатляющих объемов, поскольку лексика является самым проницаемым уровнем языковых систем. Не удивительно, что главной особенностью солотвинского русского языка на лексическом уровне являются заимствования из языков, проживающих по соседству этносов, то есть из румынского, венгерского, а также близкородственного украинского/русинского языков. «Лексические заимствования можно исследовать с точки зрения приведшего к ним механизма интерференции и с точки зрения фонологического, грамматического, семантического и стилистического вставания новых слов в заимствующий язык» (Вайнрайх 1972: 31).

В данной главе мы ограничимся исследованием иноязычных элементов только в местном русском языке с точки зрения их «семантического вставания», но, безусловно, подобному анализу можно подвергнуть все контактирующие языки этого коммуникативного пространства. Для иллюстрации наших наблюдений мы приведем некоторые интересные повторяющиеся примеры из множества записанных нами высказываний, а также – из письменных работ детей (украинско-русской и венгерской школ).

²⁴⁹ Подобное произношение Е. Степанов наблюдал и в Одессе, но оно считается как будучи под влиянием языка идиш и немецкого языка: «біцентрива конструкція з подвійним висхідним інтонаванням центрів [...] є пріоритетною в ОМК під впливом інтонаційних систем мов ідиш і німецької» (Степанов 2004: 178-179).

Заимствование в лингвистическом энциклопедическом словаре фигурирует как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также как процесс перехода элементов одного языка в другой. Обычно заимствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты» (Добродомов 1990: 158).

Имея в виду, что ныне Солотвино находится на территории Украины, местный русский язык – посредник между местными национальными меньшинствами – подвергается довольно сильному влиянию со стороны украинской официально-административной лексики. Во время нашей полевой работы между 2005 и 2011 гг. мы с нарастающей частотой слышали и в поликлинике, и в школе в русской речи обращение *пані/пан*: *Пані²⁵⁰ доктор, можно к вам?* (поликлиника, Солотвино август 2007), *У нас гости пані Анжели нет здесь, не обращайтесь внимания!* (на уроке русского языка, 10 класс, укр.-русс. школа, Солотвино, октябрь 2007) *Пані Лолита, когда будет педсовет?* (укр.-русс. школа, Солотвино, октябрь 2007).

О практической таких форм обращения польского происхождения в украинском языке свидетельствует заключение статьи И. Осиповой о новых и старых формах речевого этикета: «что посоветовать иностранцу, который мучительно ищет аналога итальянских *синьор*, *синьора*, *синьорина* или польских, словацких, чешских *пан*, *пани*? Здесь новшеств в русском речевом этикете пока нет» (Осипова 2010: 45). Солотвинцам тоже не удалось найти истинно русскую форму обращения к незнакомому человеку, поэтому они и переняли польско-чешско-украинские *пан*, *пани*. Эти заимствования вызваны «заменить брешь», «заполнить лексические белые пятна» в русском языке, и украинский язык располагает нужными лексическими средствами для этого²⁵¹. Другие исследователи оправдывают интерференции, которые «обусловлены так называемым 'языковым дефицитом'» (Дешериев 1976: 183).

Другие заимствования, регулярно повторяющиеся в речи солотвинцев – формы приветствия и прощания: *До побачення! Ну, добре! Добре! Чекайте!* Все эти

²⁵⁰ Напомним, что в примерах, приведенных из речи или из письменных работ информантов мы подчеркиваем лексические, морфологические или фонетические интерференции, а также элементы, не принадлежащие основному коду высказывания или же использованные ошибочно с точки зрения нормативной грамматики.

²⁵¹ «Следующая проблема, связанная с лексическими заимствованиями, – это вопрос о том, заполняется ли брешь, связанная с отсутствием данного слова в языке С, перенесением этого слова из языка S в язык С или подысканием на эту роль какого-нибудь из слов языка С, что приблизительно соответствует классическому делению на заимствованные слова и «заимствованные переводы» — кальки» (Вайнрайх 1972: 44).

культурные украинизмы, звучащие в русской беседе, являются, скорее всего, символическими знаками лояльности к молодой украинской державе (ср. после разговора на русском языке в Кишиневе, собеседники громко прощаются на государственном молдавском языке *La revedere!*²⁵²). Венгрозязычная компания в Тячеве прощается тем же образом: *Ну всё, menjünk. До побачення!* (октябрь, 2008).

Культурные, политические украинизмы часто встречаются в русской речи солотвинцев, как в общем и в русском языке во всей Украины. Они в большинстве случаев неизбежны. На это указывает и Е. Степанов на примере слова *Рада*. По его словам, этот политический украинизм «формирует в пределах своей семантики целое культурологическое поле, которое подразумевает целый ряд обычаев и традиций, у которых нет аналогов в русской культуре» (Степанов 2004: 112). И. Н. Кошман говорит о том, что вводимые в русские тексты украинские единицы являются результатом сознательного выбора и всегда связаны с реализацией определенных коммуникативных целей. Украинские единицы используются для адекватного отражения картины мира. Они функционируют как феномены, создающие «эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту» и акцентирующие «явное или неявное противопоставление русского и не-русского» (Кошман 2010: 3). Приведем некоторые примеры таких политических украинизмов из наших наблюдений в Солотвине: *митница* вместо 'таможня', *городской голова*²⁵³ вместо 'мэр' или 'градоначальник', *освіта*²⁵⁴ вместо 'образование' и т.д.

Интересные интерференции порождаются в случае, когда письменный официальный язык влияет не только на политическую терминологию, но и на бытовой язык в отдельных ситуациях, сохраняя при этом и русский эквивалент. Е. Степанов зарегистрировал в Одессе неожиданные украинизмы типа «*уже зачинили магазин*», «*еще не отчиняли*» под влиянием везде висящих на дверях магазинов украинских надписей «*Відчинено*» и «*Зачинено*» (Степанов 2004: 203). Естественно эти ситуативные украинизмы не вытеснили из обихода русские глаголы 'открыть' или 'закрыть'.

²⁵² См. также другие примеры в Молдавии в Palágyi 2003.

²⁵³ Аналогична ситуация с политическими молдовенизмами и в Кишиневе: «Если бы Наталия Морарь могла на одну чашу весов поставить инструментарий *примара* [т.е. мэра города – А. П.], а на другую все то, что от *примара* требуют реализовать, она бы удивилась фантастическому дисбалансу» (газета Вечерний Кишинев, 26/03/2011).

²⁵⁴ Из интервью с директором бывшей русской школы г. Тячева, которая сегодня носит название «Тячівська загальноосвітня школа № 2», О. П. (Тячев, октябрь 2007 г.): «Тячевский район самый большой село-хозяйственный район. Он тоже финансирует освіту».

В районном центре, в городе Тячев, где две трети населения составляют украинцы и одну треть венгры, украинский язык влияет в большей мере на местный русский, чем в Солотвине, где нет такого сильного украинского адстрата. Об этом свидетельствует и интервью с директором тячевской русско-украинской школы, преподавателем русского языка, которая во время краткого интервью не раз использовала украинизмы: «в Ужгороді теж є двомовні класи», «сейчас найду свої заметки, чекайте», «фінансує Освіту»²⁵⁵. Ю. В. Дорофеев упоминает следующие украинизмы, которые используются в русском языке в Западной части Украины: «сам в значении 'один, в одиночестве', голова – 'руководитель', *оранжевий* – 'сторонник определенных политических сил', *наявність* – 'присутствие, наличие'» (Дорофеев 2008: 5).

Г. П. Ижакевич отметила, что отсутствие в языковом сознании билингвальных говорящих четкого разграничения лексических единиц русского и украинского языков часто приводит к «межязыковому паронимическому словоупотреблению» и «порождению гибридных контаминированных форм» (Ижакевич 1985: 41). Таким паронимическим словоупотреблением является и вкрапление²⁵⁶ украинского союза *бо* вместо более длинного русского 'потому что'. В качестве довода почти окончательной контаминации местного русского языка союзом *бо*, мы можем привести письменные работы школьников венгерской школы, в которых только 6 учеников из 27 опрошенных использовали в переводе союз 'потому что', а 21 ученик перевел на русский язык венгерское *mert* посредством украинско-русинского *бо*. Приведем некоторые примеры из теста с переводом с венгерского на русский язык²⁵⁷ (мы приводим текст письменных произведений детей без каких-либо изменений): «*Не открывай вікно бо сьогодні холодно*» (Р. М. 11 класс), «*Не викривай окна бо сіводня холодно єсть*» (К. В., 8 класс), «*Не открівай окна бо согодні голодно*» (Ф. Р. 11 класс), «*Не аткривайте сиводня акно бо холодна*» (Н. С., 8 класс)²⁵⁸. Русский

²⁵⁵ Из интервью с директором русско-украинской школы г. Тячева О. П. (Тячев, октябрь 2007 г.).

²⁵⁶ «Если заимствование в силу каких-то причин не уподобляется полностью, тогда оно пополняет исключения из правил родного языка или квалифицируется как иностранное слово, иностранное «вкрапление» (Панькин 1986: 10).

²⁵⁷ Школьники должны были перевести следующее венгерское предложение *Ne nyissa ki az ablakot, mert ma hideg van* на русский язык. Дословный перевод на русский – 'не открывайте окно, потому что сегодня холодно', а на украинский – *не відкривайте вікно, бо / тому що сьогодні холодно*.

²⁵⁸ Не удивительно, что правописание вышеприведенных примеров является скорее фонетической транскрипцией, чем правописанием, поскольку, напомним, наши информанты никогда не обучались русскому языку. Эти переводы отражают разную степень интерференции русского языка с близкородственным ему украинским языком, который местные дети учат с начальных классов, но в

союз 'ибо' недалек по своей форме от украинского союза *бо*, но он имеет книжную и устаревшую стилистическую окраску, а стилистически нейтральный 'потому что', несомненно, слишком длинный по сравнению со своим украинским эквивалентом²⁵⁹. Мы привели выше самые курьезные модели правописания, но есть, конечно, и почти нормативные ответы («*Не открывайте окна, сегодня холодно*» (Ф., 9 класс, рум. шк.).

Краткость и/или стилистическая окраска не редко являются решающей причиной в заимствовании того или иного элемента из контактирующего языка. О «жанрово-стилистической дифференциации ассимилированных языковых элементов» пишет и В. М. Панькин: «По мере развития языковых контактов формируется двуязычная языковая среда, начинается активное взаимодействие двух языков в разных видах и формах речи, различных по своей жанрово-стилистической дифференциации. 'Ассимилированные' языковые элементы (содержательные и формальные), утвердившиеся в родной и русской речи двуязычного населения как норма или вариант нормы, могут 'осесть', закрепиться в системах родных языков контактирующих народов» (Панькин 1986: 10).

Совершенно закрепились в местной русской речи и частица *так*, выражающая согласие при ответе. С одной стороны она является эквивалентом русского 'да', а с другой – используется и как соответствующее русское наречие 'так': *Ты был в кино? – Так* (вместо 'да'); *Как дела в школе? – Так, идет*. (М. А., 16 лет, Солотвино, венг.шк., февраль 2011 г.).

Из-за общего корня лексических единиц в этих близкородственных языках, дети очень часто прибегают к украинским правилам правописания, даже в классах с русским языком обучения. На графическом уровне лексем мы обнаруживаем очень сильную интерференцию с украинским языком, как, например, колебания и/і а также и/ы: *ліст, про ніх*²⁶⁰, *из-под землі, милій, спригнула, из води, ти, ми*²⁶¹.

Использование украинских превербов в русском тексте может создать нередко очень смешные, или даже двусмысленные ситуации: *он ушел и больше не повернулся*

то же самое время (см. в частности, пример Н. С.) отражает и адекватное (устное!) знание русского языка (правильное ударение, аканье присущие нормативному русскому языку).

²⁵⁹ Е. Н. Степанов считает *бо* украинизмом или диалектизмом в русской одесской речи (Степанов 2004: 423).

²⁶⁰ Можем объяснить это явление гиперкоррекцией, потому что даже в украинском языке эти слова пишутся через *и*: *лист, про них*.

²⁶¹ Исследователи эстонско-русского двуязычия также упоминают у своих респондентов смешивание двух алфавитов. В случае русско-эстонских интерференций это смешивание кириллицы и латиницы (см. Дешериев 1976: 221).

вместо 'не вернулся' (<укр.: він більше не повернувся); *дозвольте* мне вместо 'позвольте' (<укр.: дозвольте мені), *врезать* вам кусок масла вместо 'отрезать вам' (<укр.: 'відрізати вам шматок масла'), *запой* песню вместо 'спой' (<укр.: 'заспівай пісню'). В книге, посвященной функционированию русского языка в близкородственном языковом окружении, подчеркивается отрицательное воздействие интерференции при образовании глагольных форм: «Основным нарушением ... является неразличение сочетаемости/несочетаемости корней и префиксов в одном и другом языке. Ср. в устной речи: *власть встановилась, завечерело*, (слова находящиеся на периферии русской нормированной речи)». Эти интерференции, а также *позаровкался, мастеровать* будешь (ср. русские формы *поздоровался, мастерить*), воспринимаются исследователем как «засорение русской речи на Украине» (Ижакевич 1981: 298).

Среди замеченных нами употребляемых заимствований в Солотвине упомянем еще *трошки* 'немножко' («*Побуираем трошки, я не буду сильно нагужать вас*»), *замість* 'вместо' («*Я здесь работаю замість (укр. замість) Ларисы*»).

Заметим, что в письменных произведениях, в которых отражается современное состояние литературного языка, тоже используются украинизмы для передачи местного колорита, но при этом, авторы письменных русских текстов ограничивают украинское заимствование «рефлексидами»²⁶².

Подобное явление мы заметили и в речи молдавских интеллектуалов, которые не могут отказаться от «сочности» русских словосочетаний, даже будучи большими националистами. Чтобы придать русским вкраплениям более сознательный характер, обычно добовляют вводные фразы или на румынском *cum se spune* 'как говорится' или на русском *как (вам) сказать* и их варианты: «*Când sărbătoresc Crăciunul în Moldova? Cum se spune: главное чтоб был повод, чтобы выпить, și în decembrie, și în ianuarie*» (рум. 'когда празднуют Рождество в Молдове? Как говорится, ..., и в декабре, и в январе'); «*Și cine va fi noul ministru? Как вам сказать, чтоб вы меня поняли?*» (рум. 'Кто будет новым министром? ...); *Cum am plecat noi, a dispărut așanumitul element stabilizator, acolo la minister так сказать, вверх ногами все*

²⁶² По этому поводу примечательны следующие примеры из русскоязычной прессы Украины: «Тю, сказал я себе, словно какой-то житель Восточной Украины (ЗН 2002, № 38)... Есть такое красивое украинское слово несмак. Вот это он и есть. В хромающем переводе – дурновкусие (ЗН 2008, № 2); Испугаться – не испугался, но сердце, конечно, екнуло. За близких всегда очень переживаю. Есть такое хорошее украинское слово «забобоны» – предрассудки (С 2008, 17.09); Мне говорят, что я слишком часто употребляю слово «шляхетный», но ведь оно так идет Украине. Она такая благородная, не скулит (Д 2009, 27.02)» (Кошман 2010: 3–4).

перевернулось» (рум. 'как мы уехали, так исчез и так называемый стабилизирующий элемент, там в министерстве ...); «*Vorba aia, волка сколь не корми, он все равно в лес смотрит*». *Fără părerî de rău, e doar o opinie*» (рум. 'иными словами, ... Не обижайтесь, это лишь мое мнение')²⁶³.

Из других языков, а именно из венгерского мы заметили следующие заимствования в солотвинском русском языке. А. Д. (41 год, румын): *фейеш в воду прыгали* [от венг. 'fejest ugrani a vízbe', т.е. прыгать / кидаться головой в воду]: *Там когда-то у нас шпорна было*. *Шпорна* [от венг. 'sportnap', т.е. в дословном переводе 'день спорта'], *был у нас такой праздник, последняя неделя лета*²⁶⁴. Эти венгеризмы призваны заполнить «дефицит языка» в случае *фейеш*, так как данное понятие отсутствует в русском языке. В. И. Беликов и Л. П. Крысин говорят в таком случае об увеличении языкового кода: «заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно – с помощью двух-, трех-словных сочетаний» (Беликов–Крысин 2001: 75). В случае странного по звучанию заимствования *шпорна*, мы можем сказать, что данное слово отражает местную шахтерскую традицию праздновать разными спортивными и культурными мероприятиями последнее воскресенье лета. Эта традиция является частью венгерского шахтерского фольклора со времен Венгерского Королевства.

К шахтерской терминологии относится и такое заимствование как *чилле*²⁶⁵ [от венг. *csille*, т.е. вагонетка для транспортировки соли]²⁶⁶. Информанты обычно нуждаются в этой лексеме, когда рассказывают об истории местной шахты, то есть «с конкретной коммуникативной интенцией», цитируя конкретный предмет специальной терминологии²⁶⁷.

²⁶³ Из беседы с двумя юристами (Кишинев, апрель 2011 г.).

²⁶⁴ См. Диалог № 5 в Приложениях в конце данной работы, а также его анализ в части 3.1.3. (Солотвино, август 2008).

²⁶⁵ Из интервью с Э. А.: «*Да все там работали, отец мой там работал. Еще в тяжелом состоянии эти волю или быки (или что это?), что это там тянули эти чилле (не знаю как это, ой!, ну они на рельсах такие... ну, вагонетки эти, вспомнила!)*. Тянули они их як сильно, не было этих подъемников как сейчас» (Солотвино, февраль 2011 г.).

²⁶⁶ Л. Тамаш издал список солотвинских шахтерских терминов в 1939 году, в котором фигурирует и *чилле*: „Csille: vágányon guruló szállításító szekér (Tamás 1939: 265)”. Заметим, что в данном словаре зафиксированы ряд венгерских слов немецкого, славянского и румынского происхождения, которые свидетельствуют о многовековом многоязычии Солотвина.

²⁶⁷ Заполнение какой-то брешии» в системе языка Ю. В. Дорофеев связывает с конкретной коммуникативной ситуацией и с интенцией говорящего в момент речи: «использование этих отдельных единиц диктуется необходимостью конкретной коммуникативной ситуации. Эти единицы наиболее адекватно выражают интенции говорящего, когда в родном языке нет подходящего средства» (Дорофеев 2008: 5).

Венгеризмы могут быть и историческими, поскольку довольно длительный период истории края тесно связан с историей Венгрии. Во второй главе данной работы мы уже затрагивали эту тему в связи с воспоминаниями информанта Э. А. Средневековый король Венгрии Бела IV фигурирует в ее речи как Бела Кирай [от венг. *Béla király*], а также редко используемая и исторически окрашенная топонимика в русской речи не только венгров, но и местных румын²⁶⁸ тоже сохраняет венгерскую форму. Таким образом, можем объяснить использование русской формы часто встречающихся в повседневной жизни некоторых географических названий как Ужгород, Мукачево, потому что эти города являются административным и, соответственно, экономическим центром всей закарпатской области. Тогда как «Вишк» (*Visk*) и «Мараморошсигет» (*Máramarossziget*) используются по-венгерски в русской речи наших информантов, поскольку поселок городского типа Вышково (по-украински *Вишково*) сегодня уже не имеет ту средневековую важность, когда был одним из пяти соледобывающих городов, непосредственно подчиненных королю Венгрии (см. *koronaváros*). В связи с Мараморошсигет, напомним, что этот город находится в настоящее время на территории Румынии, его официальное название Сигету-Мармацей, на всех местных языках используется упрощенная форма *Siget*, но в вышеприведенной цитате рассказчица прибегает к традиционному венгерскому названию «Мараморошсигет»²⁶⁹ как бы в память давно минувших дней. В том же порядке идей, культурные венгеризмы проникают в местную русскую речь, когда речь идет о католических праздниках. На вопрос полевого работника: – *А подарки у вас в Солотвине кто приносит?* М. А. отвечает следующим образом: – *У кого кто. У нас приносит конфеты Mikulás. А Jézuska – подарки, игрушки* (см. Диалог № 4, Солотвино, в гостях у М. А., январь 2010 г.). Имена святого Николая и маленького Иисуса (которые приносят подарки детям согласно венгерским обычаям) звучат по-венгерски даже в речи преподавателя русского языка²⁷⁰, для которого один из родных языков (а именно, язык матери) – русский язык.

²⁶⁸ Из речи Д. А. (41 год, румын): «*Отец учился виноделству у одного венгра из Кирайхаза* [от венг. *Királyháza*, по-русски: Королево] (Солотвино, август 2008 г.).

²⁶⁹ Из интервью с Э. А. (63 года, венгерка, учительница начальных классов, ныне на пенсии) (Солотвино, февраль 2011 г.) (См. Диалог № 7 в Приложениях в конце данной работы).

²⁷⁰ В другой записи, а именно в школе, то есть на официальном месте работы М. А., она прибегает к венгерскому языку для того, чтобы объяснить своим ученикам из русского класса как писать прямо посредством транспаранта: «*Учительница: – Только что объяснила доходчивым языком! Есть специальные вот такие вот листочки «számárvezeték» говорят*» (См. Диалог № 4/а Приложениях).

У некоторых местных говорящих можно услышать особый тип суржика, где русская речь до того насыщена украинизмами, что исследователь затрудняется определить на каком языке прозвучало высказывание. Местные румыны и венгры не смешивают русский со своими родными языками. Высокая степень контаминации характеризует именно русско-украинские высказывания, где элементы близкородственных языков воспринимаются неславянскими говорящими как взаимозаменяемые элементы одного «общеславянского» кода. Приведем пример такого смешанного языка из речи Ю. М., жителя соседнего с Солотвином чисто румынского села Диброва: «Зайдите в интернет, там побачите все», «Ева дуже порядочна, добросовестная жінка», «Он мне говорил, что він не має гроши. Я кажу, що то дороговато по нашому времени», «Зараз получается, что это больше чем тысяча доларів за сотку». «Люди бідно живут, десять років тому построили хати, зараз никто не строит, люди не мають гроши» (Ю. М., 25 лет, румын, февраль, 2011 г.). Парадоксально, отсутствие другого национального меньшинства в селении, с которым принято общаться на русском языке (как в случае Солотвина) способствует возникновению местного «суржика» на основе русского языка. В некоторых письменных работах солотвинских детей мы обнаруживаем похожие явления («В лето до нас приехали предкіє з Києва» (А. М., 14 лет, венг. шк.), «У городі много більшійс и новійс дома має» (М. Е, 16 лет, венг. шк.), «Людини байаліс ат Шрека» (А. К., 10 лет, венг. шк.).

Мы часто встречали такие украинизмы как *вони* вместо 'они', *зараз* вместо 'сейчас' и в повседневной речи коренных солотвинцев. Приведем примеры из речи учителей украинско-русской школы Солотвина: *Вы на работе зараз?, Зараз приду, подождите! А вы откуда зараз?* (Солотвино, октябрь 2007 г.). Как мы уже писали выше, румынские и венгерские элементы редко проникают в местную русскую речь (это, скорее всего, трудно заменяемые культурные венгеризмы и румынизмы). Но тем больше русский язык проникает для близкородственных украинских элементов. «Родственные языки, в общем, учить легче, чем далекие, но и интерференция при такого рода билингвизме наблюдается чаще и преодолевается с большим трудом» (Мечковская 2000: 173).

Számárvezeték вместо *számárvezető* свидетельствует о том, что в многоязычном окружении существуют и контаминированные формы слов (см. по примеру *vízvezeték* 'водопровод' → **számárvezeték*).

В заключение этой главы приведем некоторые примеры влияния неродственных языков изучаемого языкового пространства, а именно венгерско-румынский суржик, который был зафиксирован в граничащем с Закарпатьем румынском городе Сату-Маре/*Szatomárnémeti*, венгерско-словацкий суржик в разделенном железной занавесью селе Сельменцы/*Nagyszelmenc*, а также молдавско-русский суржик Кишинева. Естественно, это – экстремальные речевые произведения, но они хорошо иллюстрируют проницаемость даже неродственных языков в результате длительных «несбалансированных» языковых контактов и одностороннего билингвизма, что, несомненно, может угрожать и языковой ситуации в Солотвине.

Приведем пример венгерско-румынского суржика: „*nyaucszor adtam a szálát, oszt mégis respins vótam*“, „*na, vettem a szálát*“, „*angazsáltak a primérián pázának*”²⁷¹. Для одноязычного венгра эти высказывания совершенно непонятны. Они полны кальками: *adtam*<рум. 'am dat', *vettem*<рум. 'am luat' подразумевает 'сдать экзамен в аудитории = 'szálát', и заимствованиями, из которых самое курьезное *respins vótam*<рум. 'am fost respins', где румынское причастие сочетается с венгерским вспомогательным глаголом, который, сверх всего, отражает своим графическим обликом местное произношение.

Пример венгерско-словацкого смешанного языка взят из документального романа М. Зелеи «Разрезанное пополам село» и приведен как пример переключения языковых кодов в закарпатском селе на украинско-словацкой границе: «*Dakujem a felvilágosítást, akkor elbalancírozok u város na piac, veszek tengericü, bab, krumpli, kapusztu, még a resztoránban párkyl horcsicával, aztán malinovkát, és mehešsünk is a rokonhoz, ott lakik Csernyőn nad Tiszoj. Dáj bozse szerencse!*»²⁷². В данном фрагменте не легко определить даже на каком языке высказывание. Решающими все-таки являются синтаксис и «смысло-объединяющие» союзы, которые фигурируют на венгерском (иномязычные по сравнению с венгерским языком элементы приведены подчеркнутым шрифтом).

Молдавские выражения были собраны в сборнике статей о развитии молдавского национального языка 1983 года, которые фиксируют меняющееся состояние молдавского языка под влиянием русского языка, одобряя его: «для

²⁷¹ Собрание подобных выражений предоставлено на сайте http://sracok.ro/?page_id=20 (10.04.2011).

²⁷² Zelei Miklós, *A kettőzárt falu*, Budapest, 2000: 157, цит. по: Krajník 2010: 24.

обиходно-разговорной молдавской речи в высокой степени свойственно использование русских эквивалентов молдавских слов и выражений ... в речи различных профессиональных и социальных слоев: *«Ай фэкут машина? -Ну, кэ ну-с запчасти. Да пэн думиникэ требу с'о фак, кровь с носа»* (разг. механика). *«С'о дус ла пиятиминуткэ. Скоате-о дин скорость, заводешите-о ши дэ задний ход»* (разг. шоферов) (Дырул 1983: 97).

По сравнению с этими примерами, солотвинский русский, хотя подвергается некоторому влиянию соседних языков, с которыми он контактирует, остается легко идентифицируемым, сохраняя основные черты своего языкового бытия.

4.3. Грамматические особенности

4.3.1. Морфосинтаксические замечания

Любой современный язык представляет собой «сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов» (Мечковская 2000: 169). В процессе языковых контактов разные языковые аспекты имеют разные степени податливости изменениям, они по-разному проницаемы. Легко «проницаемыми» являются фонетический и лексический уровень языка, а самым устойчивым и менее «проницаемым» считается морфологический уровень. Примечательно по этому поводу замечание Ш. Рота, исследующего венгерско-славянские языковые контакты в Закарпатье: «В условиях перманентных, маргинальных и интрарегиональных языковых контактов генеалогически неродственных и структурно-типологически разных языков все языковые уровни, за исключением морфологического, проницаемы» (Рот 1973: 363-364). З. И. Высоцкая и Г. Д. Джунусалиева утверждают, что в условиях русско-украинского двуязычия ошибки, связанные с нарушением морфологических норм языка, встречаются гораздо реже, чем на фонетическом уровне, но «они являются более стойкими и с трудом поддаются корректировке» (Высоцкая – Джунусалиева 2009: 30). Именно поэтому некоторые языковеды воспринимают отрицательно «проницаемость» языка и настаивают на чистоте и непроницаемости исследуемых ими языков. Таким образом, Б. И. Добаш на примере южнокарпатских украинских говоров утверждает, что даже синтаксическая система живой речи «при непосредственном контакте с родственными языками проявляет стойкое сопротивление проникновению иноязычных элементов».

Выявление морфологических интерференций в местном русском языке требует несомненно более длительного и тщательного наблюдения, но мы также придерживаемся мнения, что их гораздо меньше, нежели лексические или фонетические интерференции. Чаще всего, замечанные нами морфологические особенности порождены интерференциями синтаксического уровня. Поэтому мы будем их рассматривать вместе.

Проведем сопоставительный анализ результатов тестирования учеников венгерской школы в Солотвине и румынской школы в Тирасполе, которые позволили нам выявить национальную специфику некоторых морфосинтаксических интерференций. Ученики венгерской школы должны были перевести с венгерского на русский следующее предложение *A városban sok magas és új ház van* (т.е. 'в городе много высоких и новых домов'). 40 % опрошенных вместо ожидаемой конструкции 'много + род.п., мн. ч.' написали им.п., а 10 % употребили род.п. в ед. ч. из-за неоспоримого влияния родного венгерского. Остальные 60 % поставили существительное в род.п., мн.ч. В анализе результатов теста мы не брали во внимание правописание, а лишь «звучание» ответов. В этом предложении можем заметить и колебание в употреблении глагола бытия в речи детей. При переводе венгерского глагола бытия *van* примерно 40 % учеников не использовали русскую соответствующую форму 'есть', а 40 % поставили глагол бытия в конце русского предложения под прямым влиянием позиции венгерского глагола (см. «*В городе много високий і новце дома есть*» (С. А., 13 лет, венг. шк.), «*В городе много большых и новых домов есть*» (М. С., 17 лет, венг. шк.). Использование глагола 'есть' в конце предложения может объясняться и старанием детей дословно перевести венгерское предложение. Естественно, письменный перевод может вызвать у билингвов даже такие ошибки, которые обычно в устной речи не встречаются (такой является и позиция глагола бытия в конце предложения, чего мы никогда не слышали в устной речи учащихся). Глагол 'есть' фигурировал на втором месте только в случае перевода с румынского (см. «*В городе есть много домов...*» Ф., 14 лет, рум.шк., Солотвино).

То же самое предложение переводили и ученики Тираспольского румынского лица, но на этот раз с молдавского языка *Bîn oraş sunt multe case înalte şi noi*. Как и в венгерском предложении, глагол бытия *sunt* 'есть' во мн. ч. также фигурирует, но во второй позиции после определения места *în oraş* 'в городе'. Для молдавских билингвов особую трудность составляет постпозиция румынских прилагательных по сравнению с глаголом и существительным. 72 % опрошенных

сохранили и в русском переводе глагол 'есть', и также как в молдавском оригинале, он фигурирует на втором месте: «*В городе есть много новых и высоких домов*» (Д. А., 13 лет, рум. шк., Тирасполь). В этой позиции с точки зрения нормативного русского языка употребление глагола 'быть' не является грубой ошибкой. Заметим, что один тираспольский ученик поставил в скобках глагол 'есть', что показывает высокую языковедческую чувствительность маленького респондента. Под влиянием румынского языка 34 % тираспольских румыноязычных школьников поставили прилагательные после существительного «*В городе есть много домов высоких и новых*» (М. А., 13 лет, рум. шк., Тирасполь, 2009 г.). Всего лишь 10 % опрошенных пользовались именительным падежом вместо родительного, но только в случае прилагательных, например как в предложении «*В городе ести много домов высокие и новые*» (К. Т., 13 лет, рум.шк., Тирасполь, 2009 г.).

Результаты теста показали значимую разницу между венгероязычными и румыноязычными учениками, так как в случае переводов язык оригинала (т.е. родной язык респондентов) порождает разные типы интерференции.

Такую постпозицию прилагательного по сравнению с существительным мы обнаруживали не только в искусственных речевых произведениях, т.е. в переводах, но и в более спонтанных письменных работах, сочинениях на свободную тему «Мой город», «Моя семья»: «*в селе есть дома высокие*» (К. А., 10 лет, русск.кл., Солотвино), «*у нас есть дама высокие*» (П. М., 9 лет, русск. кл., Солотвино), «*с подругами моими*», «*в городе моем много цветов*» (Р. Д., 16 лет, русск. кл., Солотвино), что является неоспоримым влиянием румынского синтаксиса на русский. Интерференция данного типа может быть усилена и венгерским языком, в котором притяжательные местоимения имеют форму постфиксов (ср. а *barátnőjmel*, а *városomban*).

В местном русском языке нам кажется укоренившимся украинизм *у мене*, который мы очень часто замечали в устной речи солотвинцев (см., к примеру, «*В принципе нет у мене уже этих нервов*»²⁷³). О распространении, о «регулярном употреблении» таких форм как *менé*, *тебé*, *себé* и в других русскоязычных регионах Украины еще с 50-ых годов прошлого столетия говорит и Е. Степанов²⁷⁴.

²⁷³ См. Диалог №1 в Приложениях в конце данной работы, а также его анализ в части 3.1.2.

²⁷⁴ «Впливом української мови можна пояснити регулярне вживання в ОМК до середини 20-го ст. форм особових і зворотнього займенників *менé*, *тебé*, *себé* у значенні знахідного відмінка» (Степанов 2004: 417).

На морфологическом уровне могут заимствоваться и отдельные грамматические конструкции. Во время контакта языков могут «переноситься» из одного языка в другой и отдельные морфемы. В речи учеников мы неоднократно замечали интересную форму аналитической сравнительной степени: *май дале* (т. е. дальше), *май краше* (т. е. красивее), которая скалькирована с румынской конструкции (*mai*=более), но с добавлением «украинизированных» форм прилагательных (*дале, краше*). Это – избыточная форма сравнительной степени, которая выражена синтетическим (*краше*) и аналитическим (*май*) способом. Это явление было приведено в пример У. Вайнрайхом в связи с вероятностью перенесения морфем в процессе языковых контактов. Опираясь на исследования К. Раковицэ, который в 30-ые годы изучал язык украинско-румынских билингвов, У. Вайнрайх объясняет «уживчивость» данного явления тем, «что, для замещения более связанной морфемы, которая в выполнении данной функции обладает большой вариативностью, вероятнее всего будет использована эквивалентная ей относительно несвязанная морфема». В случае украинского и румынского языков прилагательные изменяются по степеням сравнения, но согласно разным способам формирования сравнительной степени: в украинском сравнительная степень выражается с помощью связанного безударного суффикса (часто с изменениями в корне слова). В румынском же языке используется более четкая модель: чтобы образовать сравнительную степень, перед прилагательным ставится отделяемая частица *mai*, а само прилагательное сохраняет неизменную форму. «По некоторым данным, в ситуации украинско-румынского контакта двуязычные практикуют усиление собственной украинской формы сравнительной степени с помощью перенесенной румынской морфемы *mai* (в результате получается нечто вроде избыточного сочетания *more older* 'более старший')» (Вайнрайх 1979: 63). По словам В. А. Виноградова, мы имеем дело в данном случае с явлением «диаморфии» (Виноградов 1990/б: 197).

В чисто морфологическом плане, отметим как специфику местного русского языка, вставной *л* и в 1 лице мн. ч. после губных согласных: «мы купляли дом», «кроме румынского, нравлятся английский», «звери готовлятся к зимней спячке» (из сочинений школьников русских классов Солотвино, октябрь 2007 г.). Вероятнее

всего, эта диаморфия имеет место под влиянием украинского просторечья²⁷⁵. На украинских вебстраницах мы обнаружили более двухсот тысяч случаев формы *«купляли»* как в русском, так и в украинских текстах, что доказывает существование этого явления в русской речи в Украине.

Другие распространенные глагольные формы – ошибочные с точки зрения русского кодифицированного литературного языка – это *мы хотим, вы хотите*. Эти глагольные формы считаются регулярной подсистемной чертой современного русского языка Украины, который стремится к «приравнению форм разноспрягаемых глаголов»²⁷⁶.

В случае возвратных глаголов, солотвинцы предпочитают в повелительном наклонении редуцированный возвратный постфикс *-ся*: *«Научись говорить!»* (Э. А. 63 лет, венгерка, Солотвино), *«Смотри, не влюбись!»*. Оказывается, что и данное явление может быть следствием влияния украинского языка: «Под влиянием украинского языка, в возвратных глаголах которого *-ся* не имеет стилистически нейтральных вариантов, *-сь* после гласных иногда заменяют на *-ся*»²⁷⁷.

В солотвинском местном русском языке функционируют все синтаксические конструкции, кодифицированные в русском литературном языке. Для выражения одинаковых семантических отношений говорящие употребляют как литературные, так и нелитературные варианты синтаксических конструкций. Нелитературные варианты могут объясняться использованием просторечного варианта, который часто граничит с синтаксической интерференцией. Интерференция на синтаксическом уровне обычно проявляется в нарушении управления. «Вариативность синтаксических конструкций вызвана разными факторами: внутренними тенденциями развития языка, а также влиянием диалектов и иностранных языков» (Тукова 2006: 165).

Контаминацию синтаксемы *'над + тв.п.'* с синтаксемой *'с + род.п.'* мы заметили в высказываниях типа *«все с него смеются»*, *«мы с него смеялись»* (Т. В., 41 год, венгерка, февраль 2011). Е. Н. Степанов объясняет это явление влиянием

²⁷⁵ «В синтаксисе русской разговорной речи на Украине в конкретных условиях его реализации «могут проявляться черты граничащие с нарушением нормы, сближающие его с диалектным и просторечным синтаксисом» (Ижакевич 1981: 306).

²⁷⁶ «Використання деяких зрівнених форм різновідмінюваних дієслів» (Степанов 2004: 422).

²⁷⁷ Ср. высказывание Степанова по поводу этого явления в Одессе: «У РМО під впливом української мови, у зворотних дієсловах якої *-ся* не має стилістично нейтральних варіантів, *-сь* нерегулярно замінюють на *-ся*» (Степанов 2004: 421).

южных русских диалектов, а также украинского языка²⁷⁸. В книге Г. П. Ижакевич говорится, что «одним из наиболее распространенных проявлений интерферирующего воздействия украинского языка на русскую разговорную речь, функционирующую в республике, выступает перенос сочетаемостных свойств украинских управляющих форм на соотносительные русские формы. [...] Чаше, естественно, интерференция наблюдается при совпадении основ глаголов с неодинаковым управлением.: *С тебя уже все смеются; Мама соскучилась за тобой* (ср. укр. *сміятися з кого/з чого, скучати за ким, за чим*)» (Ижакевич 1981: 312).

Под влиянием украинского языка регулярной является корреляция директивной кодифицированной синтаксемы *к + дат.* и некодифицированной синтаксемы *до + род.п.*: *Я зайду до вас / к вам.* (в укр-русс. школе, Солотвино, окт. 2007). Подобное явление встречается в русских говорах всех регионов Украины²⁷⁹. Некоторые исследователи связывают эту корреляцию с «процессом ограничения употребления в русской речи Украины предлогов, которые не функционируют в украинском языке» (Ижакевич 1981: 315).

В выражении медиатива преобладает конструкция *с + тв.п.*: «*я с автобусом ехал*», «*с поездом мы приехали*» (А. М., отец – румын, мать – венгерка, 16 лет, февраль, 2011). Несмотря на двойной вопрос исследователя с конструкцией *на + пред.п.*, респондент отвечает конструкцией *с + тв.п.*, ставшей привычной и общеиспользуемой в Солотвине из-за похожих субстратных конструкций румынского (см. *am mers cu autobusul / cu trenul*), а также венгерского (см. *busszal / vonatral érkeztünk*) языков. Е. Н. Степанов также заметил продуктивность этой конструкции в Одессе, но он объясняет ее влиянием немецкого и языка идиш²⁸⁰.

Курьезное выражение мы слышали в речи детей «*Он уходил с твоей кепкой*» вместо 'в твоей кепке', «*он ел с моей вилкой*». В этих выражениях возможно влияние румынской конструкции с предлогом *си*, которая используется и в ассоциативном, и в инструментальном значении. Е. Фодор также заметил подобные «случаи недифференцированного использования конструкции с творительным падежом (с

²⁷⁸ «Впливом південних російських діалектів і української мови можна також пояснити регулярну кореляцію у РМО об'єктних синтаксисом 'над N₃' (кодифікованої) і 'с N₂' (некодифікованої). Напр.: *Смейся краще с себя, олух!*» (Степанов 2004: 430)

²⁷⁹ См., к примеру, «*С завтрашнего дня я приступаю до кухні и буду готовить, что я умею*» (из передачи *Міняю жінку* 3, 6-ой выпуск от 22.03.2011 (<http://kinovik.net/show/ukraine/15-menyayu-zhenyu-3-mnyayu-zhnku-3-2011.html>) (20.04.2011)).

²⁸⁰ «продуктивність у РМО [Російське мовлення Одеситів – А. П.] фразеотрансформів з залежним орудним прийменниковим *с/со* +N₃ замість орудного безприйменникового» (Степанов 2004: 408-409).

предлогом и без предлога) при выражении ассоциативного и инструментального значений, которые в румынском языке выражаются одной конструкцией» (Фодор 1973: 203).

Венгеризмом можно с уверенностью считать следующее выражение локатива: вместо синтаксемы *по + дат.п.* используется синтаксема *в + пред.п.* («выступить в телевизоре» (Е. Р., 45 лет, венгерка, Солотвино, февраль, 2011 г.), «в телевизоре показывали» от венг. *tévében szerepelni, a tévében mutatták*).

Также венгеризмами можем считать особый порядок слов в посессивной конструкции: «*Моей матери крестная*» (А. Д., румын, февраль 2011), «*мужа сестра там работает*» (Т. В., венгерка, август 2008), «*у Крылова отец умер*» (В. Д., русск. 6 класс, Солотвино, октябрь 2007). В венгерском языке в притяжательной конструкции обладатель предшествует обладаемому (ср. венг. *anyám keresztanyja; a férjem nővére ott dolgozik; Krilov apja meghalt*).

В спонтанной речи наших информантов для выражения наличия мы чаще всего слышали конструкцию *иметь + вин.п.*, которая вдоволь встречается в русском языке всей Украины²⁸¹ и считается украинизмом: «*Евро я не имею*», «*Я ж не имею евро!*» (Продавщица, 50 лет, венгерка, Бар «Марамуреш», декабрь, 2009), «*если буду иметь время*», «*имею еще друзья там, в украинской школе, и в румынской тоже, и по-русски говорим*» (А. М., отец – румын, мать – венгерка, 16 лет, Солотвино, февраль, 2011 г.). Таким образом, Е. Н. Степанов, исследуя русский язык Одессы, говорит, что русский язык принадлежит к языкам типа '*быть*', а украинский является «языком переходного типа» от языков типа '*быть*' к языкам типа '*иметь*'. Корреляция посессивных конструкций с '*быть*' и с '*иметь*' является нормативной в одесском городском койне, который этим приближается к литературному украинскому языку²⁸². Предпочтение конструкции «иметь» в одесском русском говоре, считалось немецким наследством²⁸³. Заметим, что на солотвинский языковой узус влияет и румынский язык, который также является языком типа '*иметь*'.

²⁸¹ См. также замеченные «синтаксические нарушения» связанные с глаголом *иметь*: «он имеет два высших образования» (Андерш–Баландина 1999: 491).

²⁸² «Відомо, що російська мова належить до «бути-мов» [...]. Українську ж мову [...] вважають мовою перехідного типу – від «бути-мов» до «мати-мов» [...]. Кореляція посессивних «бути- і мати-конструкцій» є нормативною в ОМК. У цьому одеське міське койне наближене до літературної української мови» (Степанов 2004: 434-435).

²⁸³ Е. Степанов цитирует статью В. М. Дорошевича с 1895 года: «Добрые немцы привезли в Одессу секрет великолепного приготовления колбас и глагол *иметь*». Но сам Степанов отвергает эту теорию, считая источником данного явления украинский язык (Степанов 2004: 436).

4.3.1.1. Замечания по поводу использования глагольного вида в местном русском языке

Одно из самых трудно осваиваемых грамматических категорий русского языка в процессе обучения – это, несомненно, категория вида и способов действия. На это указывают последовательно и исследователи национально-русского двуязычия в 70-ые годы: «Интерференция в области глагольных категорий наиболее ярко выражена в употреблении вида. Эта категория продолжает оставаться большой трудностью и на второй ступени двуязычия» (Дешериев 1976: 251).

Как мы уже упоминали выше, языки, входящие в солотвинскую языковую картину, относятся к разным языковым семьям: русский и украинский принадлежат внутри славянской семье к одной и той же восточнославянской группе²⁸⁴ и, по словам Л. Ясаи, с точки зрения глагольного вида формируют «одну территориальную группу»²⁸⁵, хотя и наблюдаются «некоторые расхождения», например, сужение двувидовости в украинском языке по сравнению с русским²⁸⁶. Румынский язык относится к романской семье индоевропейских языков, тогда как венгерский принадлежит финно-угорской языковой семье, которая в свою очередь является ветвью уральских языков. Таким образом, все три языка представляют собой разную языковую систему, и конечно, в них по-разному функционирует и интересующая нас видо-временная система. В современном русском языке категория вида выражается в обязательном и последовательном порядке во всех глагольных формах²⁸⁷. Считаясь со множеством трудностей и возможностей определить вид, Л. Ясаи дает следующую дефиницию: «Славянский вид является морфологической

²⁸⁴ „Az igeaspektus a mai szláv nyelvekben lényeges elvi hasonlóságokat, közös vonásokat mutat fel, melyek nyelvenként (illetve inkább nyelvcsopontonként, azaz a keleti, a nyugati és a délszláv nyelvekben) bizonyos funkcionális és formai különbségekben differenciálódnak” (Krékits–Jászay 2008: 159).

²⁸⁵ „Az említett eltéréseknek a (2) és (4) formáját (nevezetesen a „prefixális pár – szuffixális pár” megfelelést, valamint a különböző igezőkötökkel képzett párokat) esetenként megfigyelhetjük akár az *azonos területiális csoport*hoz tartozó [кырсив наш – II. А.] nyelvekben is, így például a rokonságilag szorosan összetartozó oroszban is ukránban” (Krékits–Jászay 2008: 162).

²⁸⁶ „Az a tendencia, amely bizonyos ige kettősszemléletűségének elvesztését jelzi, erősebb az ukránban, mint az oroszban, ami tehát némely orosz kettős aspektusú ige nék szabályos szemléletpárokkal való megfeleltetését jelenti az ukránban” (Krékits–Jászay 2008: 162).

²⁸⁷ Знаменитый французский славист начала прошлого века А. Мейе с привычным своим презрением ко всему «нефранцузскому», охарактеризовал славянский вид как «ветхий остаток» древних времен, как «среднеотвлеченное» понятие: „Les langues slaves, au contraire, sont les plus archaïques. Elles ont gardé dans leur grammaire une infinité de vieilleries [кырсив наш – А. II.]: les noms ont encore une déclinaison; grand nombre de cas et de formes variées suivant les types; les démonstratifs et adjectifs se fléchissent autrement que les substantifs. Le verbe a une flexion à formes très diverses, exprimant des notions subtiles et de caractère médiocrement abstrait [кырсив наш – А. II.]: la considération du degré d’achèvement de l’action y domine, et non la notion relativement abstraite du temps” (Meillet 1915: 201).

категорией, характеризующей протекание действия во времени изнутри, выражая отношение действия к своему пределу, и находящей формальное выражение в противопоставлении двух рядов грамматических форм по признаку наличия/отсутствия ограниченного пределом целостного действия в рамках одного лексического значения» (Ясаи 1998: 142).

В языках, как венгерский (а также и румынский), где выражение вида не обязательно и не подчиняется строгим формальным правилам как в русском (префиксации, суффиксации), категория вида также представлена, но формализована в разной степени. В принципе, возможно, что формальных средств нет, тем не менее, вид выражен посредством временной последовательностью, одновременностью или лексическим значением самого глагола²⁸⁸.

В румынском языке, как и во всех романских языках, категория времени включает в себя и значение вида. Согласно большинству современных исследователей, категория вида в романских языках представлена «противопоставлением сложных (аналитических) и простых глагольных форм, с точки зрения других, она выражена противопоставлением *имперфекта* / *перфекта*, третьи признают ее в обеих оппозициях, четвертые считают, что грамматический вид свойствен всем формам» (Пицкова 1982: 22).

Ввиду вышесказанного, в плане видовых интерференций, в отличие от рассмотренных выше фонетических и грамматических особенностей местного русского языка, ожидается больше интерференций со стороны венгерского и румынского языков, чем со стороны украинского языка, принадлежащего к той же видовой территориальной группе. Интерференции, несомненно, существуют между русским и украинским, но они касаются в основном «средств выражения видовой парности», то есть выражаются в ошибочном употреблении глагольных префиксов, которые квалифицируются в первую очередь как «лексические, а не морфологические ошибки» (Соколова 2004: 172). Подобные интерференции мы также заметили в местном русском языке, и рассматривали их как лексические интерференции (см. подробнее рассмотренные в главе 4.2. глагольные формы *не повернулся* вместо 'не вернулся' (<укр.: не повернувся), *врезать вам кусок масла* вместо 'отрезать вам' (<укр.: відрізати вам шматок масла), *запой песню* вместо 'спой'

²⁸⁸ „A magyar nyelv egyben kiváló példája annak, hogy az aspektusjelentés kifejezésének változatos eszköztára lehet: igeikötő, képző, igeikötő hátravetése, igeikötő ikerítése [...], a névelő megválasztása, a tárgy jellege, lexikai jelentés, körülírások, a kontextusból való levezethetőség stb.” (Jászay 2000: 7).

(<укр.: заспівай пісню). Формальные средства выражения видового значения отличаются довольно часто в этих близкородственных языках, но «семантические отношения в парах всегда совпадают» (Соколова 2004: 174). Поэтому в плане употребления видовых значений украинский язык не способен создавать ошибочные интерференции в русском.

Е. Н. Степанов замечает, что в русской речи Одессы до первой половины XX века часто использовались неправильные видовые формы под влиянием не украинского, а таких языков, которые «не имеют категорию вида глагола и не различают глаголов движения по направленности действия», как греческий, еврейский, немецкий, армянский и др.²⁸⁹ Видовые интерференции могут даже привести к обязательному выражению несуществующих в первом языке видовых значений²⁹⁰.

Чтобы зафиксировать использование глагольного вида мы пользовались тестами с упражнениями по глагольному виду²⁹¹, сочинениями школьников, целенаправленными переводами с румынского и венгерского языков на русский.

Тест, проведенный в украинско-русской школе Солотвина и в русской школе Тирасполя (Парканы) дал следующие результаты: в Солотвине в тесте принимало участие 59 учеников из русских классов в возрасте 11-16 лет и 34 – из украинских классов. Изначально в анкетировании принимало участие 99 учеников, но оказались пригодными ответы только 93 ученика²⁹². В Приднестровье тест заполняли 37

²⁸⁹ «Мовленнєвими візитівками Одеси довгий час уважають помилки в уживанні доконаного та недоконаного видів дієслова, дієслів одно- та різноспрямованого руху [...] Гадаємо, що в XIX – першій половині XX ст., коли етнічними мовами значної частини одеситів (греків, євреїв, німців, вірмен, деяких інших) були мови, що не мають категорії виду дієслова і не розрізняють дієслова руху за спрямованістю дії, зазначені вище відхилення від літературної російської норми поширювалися з підживінв на спільне російське мовлення городян (ОМК). Напр.: – *Перестаньте казати*, – відповів доктор. Урожай, *будем казати*, нічого (замість *говорить*). Вопил он, *летая* вниз (замість *летя*)» (Степанов 2004: 422). По поводу греческого и немецкого языка, мы согласимся с одесским языковедом лишь по поводу отсутствия отдельной категории глаголов движения, которую мы также затрагивали в наших тестах, и хотели бы в будущем изучить основательнее.

²⁹⁰ „Eine sehr wichtige Erscheinung im Sprachkontakt ist der Ausbau von grammatischen Kategorien, die in der Kontaktsprache grammatikalisiert sind. So gibt es zum Beispiel im Deutschen keine grammatische Markierung von Aspektualität : 'er arbeitet gerade'“ (Riehl 2004: 93).

²⁹¹ Даже в сугубо научно-теоретических исследованиях об использовании вида в славянских языках, как мы видели в работе Л. Ясан, тесты такого типа оказываются очень полезными (см. тест о двуви́довых глаголах в Krékits–Jászay 2008: 308-313). В составлении наших тестов по использованию глагольного вида двумя / трехязычных детей мы пользовались практическим пособием по употреблению видов русского глагола для иностранцев, изучающих русский язык А. А. Караванова (Караванов 2004).

²⁹² На некоторые предложения мы получили очень интересные варианты ответа, но которые не имеют к глагольному виду никакого отношения. Так, например, на вопрос *Кто первым полетел / летел в космос?*, в котором нужно было выбрать глагол СВ или НСВ, двое респондентов ответило: *Юрий*

учеников из класса с русским языком обучения в возрасте 13-16 лет. Из двадцати двух предложений теста, мы выбрали четыре, в которых видовая оппозиция более однозначна, но, в то же время, требует от носителя языка очень четкую «видовую» осведомленность, так как в случае видовых значений учащий русский язык или уже говорящий на нем «иностранец» (если иметь в виду нынешние границы официального функционирования русского языка) имеет дело с очень «пестрой», «разношерстной», «разнохарактерной» и «чрезвычайно широко разбросанной» системой (см. Караванов 2004: 11).

Одну из главных трудностей для иностранцев представляет использование НСВ, когда говорящего интересует не само действие, а его обстоятельства, в предложении типа: *Кто полил / поливал цветы? Земля была очень сухая*. В вопросе такого типа говорящего интересует не производитель действия и не само действие, а именно обстоятельство его совершения. 67 % респондентов из русских классов, 53 % из украинских классов Солотвина и 54 % из русских классов Тирасполя использовали НСВ. Как мы видим из полученных результатов, этот нюанс НСВ оказался трудноуловим и для наших маленьких билингвов как из Зкарпаття, так и из Приднестровья²⁹³. Заметим, что данная задача имела двойную трудность: с одной стороны, мы имеем дело со «слабым видовым противопоставлением», а с другой стороны – «контекстуальные средства и ситуативный фактор» являются решающими при выборе вида в этом примере (см. Рассудова 1982: 52).

Похоже употребление НСВ и в вопросе типа *Вы когда-нибудь выступали / выступили по телевизору?*, где говорящего интересует просто общий факт, произошло ли данное действие или нет. Но в отличие от первого примера, где почти половина респондентов предпочли СВ, в этом предложении почти все респонденты выбрали НСВ: в русских классах Солотвина 95 % респондентов, в украинских

Гагарин. Это несомненно так, но исследователю функционирования глагольного вида в многоязычном сообществе такой ответ, к сожалению, не в помощь. Были и такие ответы, в которых были пропущены именно решающие буквы (т.е., видоотличающие *и* и *а/я* в основе таких глаголов как *получить/получать*, *сменить/сменять*). Во всех тестах или анкетах мы должны считаться с тем, что часть ответов будет непригодна.

²⁹³ Подобные примеры привогит и Л. Ясаи, см. *Кто на/писал Войну и Мир?* В котором единственно правильным считается СВ (Krékits-Jászay 2008: 267). Но данная модель не всегда однозначна, например вопрос *Кто строил зимний дворец?* абсолютно нормативен наряду с использованием СВ. Специальная литература не в состоянии объяснить это колебание в узусе глагольного вида: „Az általunk ismert aspektológiai szakirodalom nem ad magyarázatot arra, hogy miért használnak befejezett helyett folyamatos igét az olyan kérdésekben mint *Кто строил Петербург? Кто строил зимний дворец?*” (Krékits-Jászay 2008: 268).

классах – 85 %, а в Тирасполе – 100 %. Присутствие неопределенного наречия *когда-нибудь*, несомненно повлияло на правильный выбор неопределенного НСВ в этом случае.

В предложении *Он несколько раз поступил / поступал в Университет* правильным (или желательным) является употребление НСВ так как изначально подразумевается тот факт, что абитуриент поступал в тот же самый институт, но каждый раз неудачно. В таком случае мы имеем дело с «безрезультатным действием», а результативный глагол, который указывает на «недостигнутость результата», в сочетании с выражением 'несколько раз' и ему подобными, должен иметь форму НСВ (см. Караванов 2004: 51). Это значение имперфектива почувствовали все 100 % респондентов из русской школы Тирасполя. В русских классах Солотвина 75 % школьников написало *поступал* (НСВ), и почти столько же из украинских классов Солотвина (79 %). В одном устном переводе, в котором участвовали 45-летняя мать и 17-летняя дочь, мы услышали исчерпывающее объяснение значения перфектива в этом примере. Нужно было перевести с венгерского на русский *többször felvételizett az egyetemre*. Е. Р. (45 лет, венгерка) начала перевод с использованием СВ: «Много раз поступил в Университет». Дочь (которая, напомним, никогда не учила русский язык в учебном заведении) сразу же заметила ошибку и объясняет матери: «*Nem! 'hocmennyi' az akkor már felvették!*» (венг.: 'нет! *поступил* – это значит, что уже приняли!') Мать незамедлительно исправилась: «Много раз *поступал* в Университет».

Интересные расхождения в результатах мы получили в предложении *За год он три раза сменял / сменил квартиру*. В этом примере СВ, сочетаясь с выражением *три раза*, указывает на «накопление» действий, на их суммирование (Костомаров 2004: 52-53). Но в данном случае, в отличие от предыдущих примеров, лучший результат показали солотвинские русские классы, из респондентов которых 91 % выбрали СВ, в то время как в украинских классах этого закарпатского города лишь 65 % выбрало правильный вариант. В Тирасполе СВ написали 78 % учеников.

Сделаем также несколько общих замечаний по поводу использования глагольного вида, без уточнения процентных соотношений. В примере: *Кто не делал / сделал ошибок в своей жизни?* в большинстве случаев дети из Солотвина ошибочно выбрали глагол СВ *сделал*. Это общефактическое значение НСВ в данном предложении еще более явно выражено, благодаря дополнению в род.п. *ошибок*, но

несмотря на это они предпочли СВ. Тираспольские респонденты предпочли в большинстве случаев НСВ.

Использование глагола в значении повелительного наклонения НСВ для возобновления прерванного действия также оказалось проблематичным для маленьких полиглотов. В примере: *Я покрасил уже половину забора. Ещё красить / покрасить?* Примерно половина солотвинских респондентов использовали опять же СВ.

Из вышеприведенных примеров мы видим, что тираспольские ученики более уверенно используют видовые значения. Среди учеников русских и украинских классов Солотвина, как ни странно, мы обнаружили значимую разницу. Несмотря на близкородственные видовые оппозиции в обоих языках, дети из украинских классов более «неудачно» выполнили тесты по глагольному виду. Возможно, объяснением данного факта служит не влияние языкового субстрата, а лишь личные способности учеников. На эту мысль нас наводит и замечание директора тячевской школы О. П., которая считает, что «в классы с русским языком обучения отдают более способных детей родители со средним или высшем образованием, которые понимают, что знание еще одного языка пойдет только на пользу ребёнка»²⁹⁴. Другое объяснение этой разницы можно найти и в возрасте детей. Видовые интерференции медленно искореняемы, как справедливо заметил Ю. Дешериев на примере речи эстонских школьников: «Видовые значения в эстонском языке выражаются аналитически. В программном минимуме соотносительные видовые глагольные пары русского языка предложены для заучивания, однако на первой степени двуязычия их категориальная семантика еще плохо различается учащимися» (Дешериев 1976: 218).

В случае венгерской школы Солотвина и румынской школы Тирасполя, мы предлагали респондентам перевести одинаковые по смыслу предложения с венгерского и, соответственно, с румынского на русский язык. В тесте с переводом участвовали 26 респондентов из венгерской школы Солотвина и 55 из румынского лицея Тирасполя в возрасте 13-16 лет.

Мы выбрали следующие более «проблематичные» примеры (из 22 предложенных венгрозычным ученикам) чтобы проиллюстрировать различия в переводе вида: 1. *Szeretek leveleket kapni*; 2. *Ne nyissa ki az ablakot, mert ma hideg van*;

²⁹⁴ Из интервью с директором бывшей русской школы г. Тячева, которая сегодня носит название «Тячівська загальноосвітня школа № 2», О. П. в октябре 2007 г.

3. *Ne mondjátok meg Évának, milyen ajándékot vettünk neki.* Румыноязычным тираспольцам были предложены для перевода их эквиваленты. Заметим, что тесты были предложены детям на румынском языке латиницей и кириллицей (т.е. на анахроническом молдавском, который остался государственным языком в Приднестровье до сих пор)²⁹⁵: 1. *Блмь плаче сэ примеск скрисорь*; 2. *Ну дескидець жеамул, азь е фриг*; 3. *Ну спунець Александрей, че кадоурь й-а кумпэрат*.

В предложении 1. *Я люблю получать письма* большинство венгрозязычных респондентов перевело глаголом НСВ (85 %), тогда как в Тирасполе 99,8 % (т.е., 54 из 55) учеников перевели правильно²⁹⁶ данное предложение. В примере 2. *He открывайте окно, сегодня холодно!* лишь 65 % солотвинцев предпочли имперфектив, в то время как тираспольцы опять же «выступили» буквально безошибочно и в употреблении императива с отрицанием сознательного, преднамеренного действия (99,4 %). В третьем примере (*He говорите Еве / Александре, какой подарок мы ей купили*) обнаруживаем самый высокий процент неправильных ответов у венгрозязычных школьников Солотвина: 38 % респондентов перевели *He скажите...* В Тирасполе мы получили 100 % правильных ответов, т.е. респонденты написали формы НСВ (*не говорите* или *не рассказывайте*).

Специально для венгерских респондентов мы приготовили отдельную пару для перевода на русский: *Nyisd ki az ajtót! / Nyiss ajtót!* ('Открой дверь!'). Различие в этих двух императивных предложениях буквально не переводимо на русский язык. В *Nyiss ajtót* ударение ставится меньше на объект, чем на само действие и его результат (смысл этой фразы скорее можно передать по-русски как 'дай ему войти'). В префиксальном варианте *Nyisd ki az ajtót!* нет такого оттенка, он соответствует русскому нейтральному побуждению к действию, выраженному глаголом СВ (*Открой дверь!*). В этом провокационном упражнении школьники должны были каким-то образом решить с одной стороны оппозицию между определенным и неопределенным объектом действия (*az ajtót / ajtót*), а с другой стороны, передать венгерский проверб *ki*, который обычно содержит видовое значение, в то время как в русском языке видовая пара глагола *открыть* образуется путем добавления имперфективного суффикса *-ыва-*. Из всех заданных упражнений, самые

²⁹⁵ Для экономии места мы приведем лишь примеры кириллицей (а также, из солидарности со шрифтом данной работы).

²⁹⁶ Мы не принимали во внимание орфографические ошибки ни в случае приднестровских (где русский язык преподается в школе), ни в случае закарпатских респондентов (которые выучили/учат русский язык лишь в общении).

разнообразные ответы мы получили именно в связи с этими двумя предложениями. Из 27 респондентов 10 постарались выразить разницу между ними оппозицией СВ/НСВ²⁹⁷, 8 из них написали *открой* в переводе к *nyisd ki*, а 2 респондента – *открывай*. Трое попытались выразить разницу изменением порядка слов (*открой дверь!* / *дверь открой!*) Двое учеников даже попытались выразить венгерский определенный артикль (*открой дверь* / *открой двери*). Четыре респондента написали тот же императив *открой дверь!* два раза, семь респондентов ничего не написали на *Nyiss ajtót!*, а один ученик соединил средства всех ему знакомых славянских языков и написал *открой* / *открый* (несомненно под влиянием укр. *відкрий*).

Подытоживая результаты тестов по употреблению видовых пар, мы с удивлением обнаруживаем высокий процент правильных ответов даже в таких проблематичных случаях как выбор между непрефиксальными СВ и НСВ (см. видовые значения оппозиций *получить* / *получать*, *поступить* / *поступать*), в которых ни венгерский²⁹⁸, ни румынский языки не могут служить опорой в выборе правильной формы. В вышеупомянутых примерах румыноязычные респонденты из Тирасполя превосходно справились с задачей (около 100 %), то что свидетельствует практически о владении устным русским языком как родным. По поводу солотвинских респондентов, мы можем заявить, что большой процент их удачных ответов также доказывает высокую степень владения устным русским языком, который они осваивают в процессе общения и спонтанной речи. В случае употребления видовых пар, интерференция с украинской грамматикой может даже оказаться «положительной» по сравнению с интерференциями из румынского и венгерского субстратов. Однако заметим, что их знания не имеют теоретической основы, и скорее всего, свидетельствуют о «панграмматическом» подходе к вопросу глагольного вида. Объяснение одной ученицы 11 класса венгерской школы по этому поводу раскрывает перед нами всю проблематику видовых (и родовых) оппозиций русского глагола в многоязычном сознании. На вопрос «какая разница между

²⁹⁷ П. Патрович указывает на связь между категорией вида и определенности/неопределенности дополнения, сравнивая венгерское и польское словосочетание, похожее на наш пример: «*pisalem list – levelet irtam* vs. *napisalem list – irtam egy levelet*» (Pátrovics 2004: 173).

²⁹⁸ Исходя из нашей преподавательской практики, мы с уверенностью можем заявить, что для изучающих русский язык венгров в Венгрии, которые усваивают язык не в общении, а только в учебных заведениях, процент ошибок гораздо выше. В наших дальнейших исследованиях мы имеем намерение проанкетировать будущих студентов в качестве контрольной группы.

открой и *открывай?*», она неуверенно ответила: «форма *открой* это наверняка мужской род, а *открывай* – женский»²⁹⁹.

4.4. Заключительные замечания о состоянии русского языка в Селотвине

Мы видели, что местный русский язык подвергается всестороннему влиянию близкородственного официального украинского языка и, в меньшей мере, неродственных румынского и венгерского языков, которые в сознании местных говорящих резко отделяются от языков славянской группы. Несмотря на то, что в советские времена стратегической целью считалось усовершенствование владения русским языком, объединяющим все советские нации, все-таки положительно относились и к «обогащающим» великую русскую речь украинизмам³⁰⁰. Но в основном, процесс был обратным: влиянию русского языка подвергались национальные языки, что считалось неизбежным и поощряющим изменением языка. Таким образом, некоторые синтаксические изменения в молдавском языке, которые сегодня отвергаются как грубые русизмы, 25 лет назад воспринимались очень одобрительно³⁰¹. В связи с венгерско-славянским двуязычием того же периода Ш. Рот придерживался подобного примиренческого мнения, хотя он упоминает некоторые «языковые аномалии» под влиянием двуязычия³⁰². Сегодня же в

²⁹⁹ Заметим, что эта ученица не была ни на одном уроке русского языка, но свободно владеет русским и активно им пользуется – по ее словам – на улице, с друзьями, в магазине.

³⁰⁰ «Возникнув на уровне речи, интерференция может приобрести и языковой характер, то есть отклонения от норм могут привести к изменениям в самой языковой системе и соотношении некоторых элементов в ней. Так, отдельные элементы украинского языка, в том числе и структурные, проникнув в русскую речь на территории Украины и впоследствии выйдя за ее пределы, находят более широкое распространение и становятся в отдельных случаях достоянием русской нормированной литературной речи» (Ижакевич 1981: 300).

³⁰¹ Примечательно по этому поводу объяснение, одобряющее скалькированное по русской модели 'работать инженером' молдавское выражение '*а лукра инженер*': «беспредложная модель с глаголом *а лукра* более проста, «непретенциозна» и информативно более конкретна. Стало быть и со структурной, и с информативно-коммуникативной точек зрения нет серьезных оснований для того, чтобы не признавать новую дистрибутивную модель глагола *а лукра*. И это тем более, что беспредложная модель широко употребляется в произведениях современных молдавских писателей. [...] каждый носитель современного молдавского языка уже давно свыкся с беспредложной конструкцией глагола *а лукра*» (Чобану 1983: 51).

³⁰² «В результате лингвистической интерференции венгерско-украинских межъязыковых связей образовалось в синтаксисе закарпатского ареала северо-восточных диалектов и, частично, и в латеральных говорах секейских диалектов ряд языковых аномалий: а) сдвиги в глагольном управлении: а) *A fiam tanul az egyetemen.* (Бар.) б) изменения в согласовании (*Sok embereknél döngoszta.*) (Рак.) в) сдвиги в порядке слов: *Mit én tudom.* (Рак.) г) изменения в употреблении глагольных наклонений (Вил.) д) Сдвиги в употреблении объективного спряжения глаголов, его вытеснение субъективным: *Én írok a levelet.* (Виш.) [...] в условиях перманентных, маргинальных и интрарегиональных языковых контактов генеалогически неродственных и структурно-типологически

Солотвине нет инстанций, которые препятствовали бы интерференциям и «боролись» бы за чистоту русского языка (кроме, конечно, класса с русским языком обучения, в который ходят максимально 10 % солотвинских учеников). Здесь русский язык имеет чисто практическую функцию общения с представителями других национальных меньшинств. Этот факт, хотя и способствует его дальнейшему «выживанию», в то же время не исключает его возможное постепенное слияние с официальным украинским языком³⁰³.

разных языков все языковые уровни, за исключением морфологического, проницаемы» (Рот 1973: 363-364).

³⁰³ Некоторые наблюдатели обеспокоены тем, что уровень знания русского языка и его грамотности уменьшается среди выпускников украиноязычных школ и пессимистически видят будущее русского языка вне русскоязычных сообществ в Молдове и Украине: “some observers are concerned that the level of Russian-language competence and literacy are decreasing among the graduates of Ukrainian-language schools [...] In Moldova and western Ukraine derussification is at work, and while the Russian language is still present in the public space [...], its future outside of the Russian-speaking community is uncertain” (Pavlenko 2008: 64).

5. Выводы

5.1. Заключительные замечания по поводу поставленных целей и достигнутых результатов исследования

Для изучения особенностей русского языка в Солотвине мы исходили из трех подходов. Во второй главе мы рассматривали исторические и демолингвистические условия функционирования русского языка в Солотвине, основываясь преимущественно на исторических и географических работах. Третья глава посвящена социолингвистическому аспекту и представляет сожительство местных языков в конкретных коммуникативных ситуациях в сопоставлении с похожими примерами из Гагаузии и Приднестровья. Четвертая же глава представляет собой попытку описать самые характерные фонетические, лексические и морфосинтаксические особенности русской *lingua franca* в Солотвине. Мы осознаем, что этот многодисциплинарный подход не позволил нам с требующей глубиной и доскональностью проанализировать все стороны этого разветвленного вопроса. Тем не менее, мы надеемся, что наше исследование внесёт скромный вклад в изучении разнообразного и постоянно меняющегося русского языка в постсоветском пространстве, а также в преподавании русского языка как иностранного.

5.2. Прогноз будущего русского языка в Закарпатье в сопоставлении с Одессой, Гагаузией и Приднестровьем

На основе нашей полевой работы в разных областях Украины и Молдове, у нас сложились некоторые соображения по поводу будущего русского языка в этом регионе.

Из вышеприведенных примеров спонтанной речи, а также результатов письменных анкет и тестов, мы обнаружили в случае молодого поколения Солотвина тенденцию смешивания русского языка с близкородственным официальным украинским языком при сохранении и повседневном использовании родных языков: румынского и соответственно, венгерского языков. Какое может быть будущее русского языка в этих условиях в многоязычном Солотвине?

Исходя из гипотез исследователей русского языка постсоветского пространства, возможны как минимум три сценария³⁰⁴:

³⁰⁴ По поводу других сценарий будущего русского языка в Украине, см. также (Симэки 2010: 65). По поводу неустойчивости двуязычных ситуаций, которые приводят или к «медленному постепенному

- 1) полное его исчезновение³⁰⁵,
- 2) превращение в устный вариант с суженной сферой использования (в некотором роде пиджинизация)³⁰⁶,
- 3) или же превращение в полноценный региональный вариант русского языка³⁰⁷.

Много объективных факторов (политических, географических, демографических и даже экономических) угрожают выживанию русского языка в рассматриваемом регионе. С другой стороны, однако, следует учитывать и один субъективный фактор в поддержку его выживания, а именно «сверхнациональный», нейтральный характер, который русский язык приобрел особенно в межнациональном общении национальных меньшинств Солотвина, в противоположность «национально окрашенному» украинскому языку³⁰⁸. Согласно нашим наблюдениям, он исполняет роль *lingua franca* не только на общественном уровне, но и в домашнем кругу смешанных семей, где разноязычные родители говорят каждый на своем родном языке с детьми и по-русски между собой. Таким образом, на сегодняшний день этот островной русский язык в Солотвине является самым «удобным»

переходу к одноязычию», или же к «разделению государства по языковому признаку» см. Высоцкая–Джунусалиева 2009: 27.

³⁰⁵ «Как свидетельствуют некоторые прогнозы о сферах функционирования русского языка, отсутствие у него статуса государственного приведет сначала к сужению до регионального, а затем к возможному исчезновению [...]. В устном варианте будет сохраняться при межгосударственных контактах в постсоветском пространстве до тех пор, пока у руля новых независимых государств будут люди, получившие образование во времена СССР.» (Андерш–Баландина 1999: 489).

³⁰⁶ «Таким образом, наше неудовлетворение состоянием русского языка в украинском бизнесе вызвано простым сокращением числа единиц языка, ухудшением качества и ограничением количества наиболее часто используемых; упрощением и недоброкачественностью грамматических правил. Имея же в виду положение русского языка в Украине в целом и в бизнесе в частности, то, прибегнув к известной Соссюровской «шахматной» метафоре языка, можно сказать, что поле игры сузилось, потеряно много фигур и пешек. Забудутся ли правила игры, покажет время» (Андерш–Баландина 1999: 491).

³⁰⁷ «Таким образом, русский язык сам по себе существует как система вариативная. [...] в настоящий момент на территории СНГ довольно явно проявляются тенденции, которые свидетельствуют о возможности формирования в не очень отдаленном будущем ряда национальных вариантов русского литературного языка» Что касается проблемы национальных вариантов русского языка, то она, как показывает наше исследование, пока что разрабатывается недостаточно активно. Однако, на наш взгляд, сегодня следует отказаться от мнения, что за пределами России функционирует «испорченный» вариант русского языка, который можно рассматривать в ряду диалектов. Признание неомогенности русского языка позволит осознать, что он является достоянием всех народов, входивших в СССР, и обеспечит свободное функционирование и развитие русского языка на всей территории бывшего СНГ (Дорофеев 2009: 4). Е. Н. Степанов предпочитает термин «социально-территориальной разновидности» в определении русского языка Одессы (Степанов 2004: 126).

³⁰⁸ «Представители иных этнических групп предпочитают именно русский язык. [...] Малейший намек на неуважение или несправедливость к немногочисленной нации вызывают немедленный психологический отпор, который выражается в отказе от 'национально окрашенного' украинского языка и расширении 'нейтрального русского'» (Мечковская 2006: 280).

средством общения румын и венгров как в социально-бытовой, так и во внутрисемейной сферах. Одновременно с этой тенденцией, украинский язык, который 20 лет тому назад был, скорее всего, *L*-вариантом по сравнению с более престижным русским языком, превращается постепенно в *H*-вариант. Русский же язык, потеряв статус языка власти, стал более привлекательным, в первую очередь, как средство межэтнического общения. Ирония судьбы: язык социалистического строя, на который были «обречены» все национальные меньшинства Советского Союза, в условиях нынешней украинизации стал в закавказском Селенгинском самом удобным и нейтральным средством межэтнического общения. Внедренный насильственной советизацией, теперь, через 20 лет после распада СССР, русский язык стал языком свободного выбора. Поскольку, однако, Селенгинский демографически маленький остров русского языка и его носители владеют двумя или даже четырьмя языками, а русский язык относительно недавно утвердился как язык межнационального общения, прогноз его дальнейшего функционирования здесь менее оптимистичен, чем в Одессе, а также в Приднестровье и Гагаузии.

Одесса – город миллионного населения, бывшая столица Новороссии, в котором живут украинцы, русские, болгары, евреи, молдаване, армяне, греки, общающиеся на русском языке с момента основания Одессы при Екатерине Второй. С 1991 года Одесса оказалась в составе Незалежной Украины. С тех пор большинство школ Одессы были украинизированы, официальные надписи пишутся только на украинском, но практическая информация продолжает фигурировать на русском, кроме рекламы, которая согласно закону может быть исключительно на государственном, т.е. украинском языке. Сегодня в Одессе русский язык на государственном уровне не имеет никакого официального статуса³⁰⁹, хотя на областном уровне были попытки ввести русский как местный язык администрации. До сегодняшнего дня русский язык является основным языком большинства населения города. Знаменательно по этому поводу высказывание Н. Б. Мечковской: «русский язык в повседневной жизни одесситов преобладает, при этом его роль в публичных сферах (прежде всего в СМИ, а также в образовании) отнюдь не 'угасает' и не 'стирается'» (Мечковская 2006: 270). В Одессе позиция русского языка сильна не благодаря официальной поддержке, а вследствие демографической и

³⁰⁹ Напомним, что на сегодняшний день, русский язык в Украине имеет лишь статус языка национального меньшинства.

экономической силы русскоязычной общины. Сегодня трудно представить, что миллионный город даже под интенсивном государственным давлением перейдет на украинский язык, хотя бóльшая часть жителей города считает себя украинцами.

В столице Гагаузской автономии Комрате проживают в основном русскоязычные гагаузы, а русский язык имеет статус официального языка наряду с гагаузским и молдавским. Все таблички на административных учреждениях трехязычны, например на Парламенте Гагаузии фигурирует в следующем порядке *Gagauziyanın Halk Topluşu / Adunarea Populară a Găgăuziei / Народное собрание Гагаузии*. Но уже на высшем учебном заведении, которое аккредитировано Кишиневом надписи чередуются следующим образом: на первом месте румынское *Facultatea de economie*, за которым следует гагаузско-турецкое *Ekonomika Fakulseti* и на последнем скромном месте фигурирует русское *Экономический Факультет*. Над парадным входом висит огромная вывеска лишь по-гагаузски *Komrat Devlet Universiteti*, т.е. Комратский Государственный Университет, но в то же время, при входе посетителей встречает менее символическое, но более «жизневажное» предупреждение *Осторожно сколъзко!* на напечатанной бумаге только на русском языке³¹⁰. В том же порядке идей, внутри Университета, от вахтера до ректора, все общаются на русском языке. Такое распределение *L*- и *H*-вариантов языка иллюстрируют особенную трудность описания местной диглоссии. Гагаузский имеет коннотацию слишком фольклорного и сельского языка, а молдавский – языка, принужденного государственным центром. Таким образом, русский воспринимается как более нейтральное и удобное средство коммуникации как на официальном уровне, так и в делопроизводстве. Интересно отметить, что названия улиц и даже памятники Ленину перед Народным Собранием были сохранены³¹¹. Мы видим объяснение не в том, что здесь жители более коммунистически настроены, а в том, что все эти остатки советского периода функционируют как гарантия исторической продолжительности и как символический противовес национальной идеологии нового молдавского государства. На месте решающей битвы против турок на юге Гагаузии стоит колонна Победы в честь Суворова, которая наряду с памятником Ленину, входит в ту же линию идей надежности и продолжительности местной истории. Исходя из вышеприведенных доводов, мы можем утверждать, что в

³¹⁰ См. Фотографию (в) сделанную во время полевой работы в Гагаузии в Приложениях.

³¹¹ См. Фотографии (г, д) из Гагаузии в Приложениях.

Гагаузии позиция русского языка намного стабильнее, чем в Закарпатье, и даже в Одессе, но здесь ему предстоит на государственном-административном уровне выдержать натиск государственного молдавского, а также нарастающее давление со стороны турецкого языка. Как средство межэтнического общения, русский язык в Гагаузии явно еще незаменим.

С точки зрения оппозиции языковое бытие – национальная самоидентификация, характеризуя ситуацию в Одессе и в Гагаузии, мы можем сказать, что «русский язык является доминирующим, но в большинстве случаев не является показателем принадлежности говорящего к той или иной нации»³¹².

По поводу прогноза русского языка в Приднестровье, рассмотрим языковую ситуацию в его столице, городе Тирасполе. Столица самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики (признанной только Россией), в которой проживают русские, украинцы, молдаване, гагаузы, болгары и евреи – была основана в конце XVIII века (как и Одесса) после освобождения от Османской Империи Суворовым. В ПМР три официальных языка (русский, украинский и молдавский на основе кириллицы). В государственно-административной, а также бытовой сфере русский имеет неоспоримое первенство. Он обязателен во всех школах Приднестровья. На местном Парламенте фигурирует надпись *Дом Советов* только на русском языке. Но на здании вокзала, например, есть и надпись на молдавском кириллицей *Гара* как в былые советские времена³¹³. Все это напоминает так называемый «советский языковой *status quo*», который – в отличие от новых одноязычных государств – прокламирует *de jure* официальное многоязычие, но *de facto* способствует процветанию одного русского языка. Параллельно с культурно-историческими памятниками Гагаузии, Приднестровье не отказалось от памятника Ленину перед Домом Советов. Здесь, также как и в Гагаузии, Памятники Ленину не воспринимаются как символы коммунистического режима, а наряду с памятниками Суворову и недавно возведенным памятником Екатерине Второй³¹⁴, стали символом альтернативной истории, в каком-то роде сверх-национализма, символом исторической продолжительности, традиций, противостояния новым типам

³¹² Данное определение было сформулировано в связи с языковой ситуацией в Белоруссии (Ровдо 2007: 565).

³¹³ См. Фотографии (б, в) сделанные в Приднестровье в Приложениях.

³¹⁴ Интересно отметить, что в тот же день, то есть 27 октября 2007 года, был открыт и памятник основателям Одессы с фигурой российской императрицы Екатерины II в центре композиции в Одессе.

национализма, возникшим после распада СССР³¹⁵. Самым надежным в данный момент является положение русского языка в Приднестровье, где несмотря на три официальных языка, русский преобладает во всех сферах жизни. Но нельзя забывать, что с внешне-политической точки зрения Приднестровье подвергается двойному давлению со стороны Молдовы и Украины, а также Евросоюза. Если ПМР все-таки потеряет свой «независимый» статус, престиж русского языка в административной сфере несомненно уменьшится.

Недавно возникшая полемика между европейскими специалистами по языковой политике о предоставлении русскому языку статуса регионального официального языка в Украине свидетельствует о том, что вопросом официального дву- или многоязычия очень озабочены и на европейском уровне. Благодаря почти уникальной своей языковой ситуации, закарпатский шахтерский городок Солотвино был приведен в пример европейским экспертам, которые «с удивлением» узнали об уже существующей модели официального на местном уровне украинско-венгерско-румынского трехязычия в Солотвине. О законопроекте по поводу введения региональных официальных языков в Украине, Венецианская Комиссия Совета Европы высказала неодобряющее мнение, ссылаясь на то, что двуязычие, или – еще хуже – трехязычие привело бы к существенным трудностям в работе местной администрации³¹⁶. Каково было бы недоумение Венецианской комиссии, если бы

³¹⁵ Смесь идеологий, коммунистического прошлого и капиталистического настоящего на пути к глобализации отражает и тираспольская улица имени Карла Либкнехта (немецкого коммуниста, соратника Розы Люксембург), которая пересекает улицу Ленина и на которой сегодня находится Автосалон Мерседес-Бенц.

³¹⁶ „Ez véleményük szerint jelentős nehézségeket okozna a közigazgatásoknak. Meglepetés volt Sergio Bartole (az Európa Tanács Demokráciával a Jogért, közismertebb nevén a Velencei Bizottság elnöke) számára, hogy Ukrajnában az ilyen többnyelvűségre már vannak példák, például a kárpátaljai Aknaszlatinán – folytatja az UMDSZ tiszteletbeli elnöke. – A nagyközség közintézményein békésen megférnek egymás mellett a három – ukrán, magyar, román – nyelvű feliratok, és az adminisztráció is akadálymentesen működik az államnnyelven, korábban oroszul, most ukránul” (См. сообщение о деятельности Венецианской Комиссии на веб-странице венгерского МИД-а http://kitekinto.hu/karpat-medence/2011/03/02/haduzenet_az_ukrajnai_nyelveknek/ (07/05/2011). Характерным для антирусской позиции Венецианской Комиссии является употребление в связи с русским языком таких слов, как «угроза» и «разделение», а также намек на возможную дезинтеграцию общества из-за русского языка: “By protecting and promoting the Russian language on almost the same level as the Ukrainian language, which is the sole official language of Ukraine, the Draft Law threatens to diminish the integrative force of this language. [...] It is concerned that, by strongly protecting the Russian language, without taking additional measures to confirm the role of Ukrainian as the State language and to ensure protection of other regional or minority languages, the Draft might increase existing linguistic divisions in the country rather than decreasing them” (Opinion no. 605/2010 CDL-AD(2011)008, European Commission for Democracy through law, *Opinion on the Draft Law on Languages in Ukraine*, on the basis of comments by S. Bartole, J. Velaers, M. Galdia; [http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD\(282011\)29008-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD(282011)29008-e.pdf), c. 21-24).

она узнала, что солотвинцы в повседневном общении пользуются еще и четвертым, «нежеланным» языком, т. е. бывшим советским средством межнационального общения!

Литература

- Абдуллаев 1984 = Абдуллаев, А. А., *История становления и функционирования русского языка как средства межнационального общения в Дагестане* (на материале лакского региона). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Махачкала, 1984.
- Аванесов 1984 = Аванесов, Р. И., *Русское литературное произношение*. Москва, 1984.
- Андерш–Баландина 1999 = Андерш, Й., Баландина, Н., Положение русского языка в Украине в целом и в бизнесе в частности. *Rossica olomucensia XXXVIII*. 1999: 483-492.
- Антипова 1990 = Антипова, А. М., Просодия. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990: 401-402.
- Арефьев, А., Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве, Демоскоп, <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php> (17/01/2011).
- Барань 2009 = Барань, Э., Лексичні гунгаризми у творах українських письменників Закарпаття. *Українська мова* 2009/2: 56-69.
- Беликов–Крысин 2001 = Беликов, В. И., Крысин, Л. П., *Социолінгвістика*. Москва, 2001.
- Болла-Палл-Папп 1977 = Болла, К., Палл, Э., Папп, Ф., *Курс современного русского языка*. Будапешт, 1977.
- Булыко–Крысин 1999 = Булыко, А. Н., Крысин, Л. П. (науч. ред.), *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*. Минск, 1999.
- Вайнрайх 1972 = Вайнрайх, У., Одноязычие и многоязычие. В кн.: *Новое в лингвистике*. Выпуск 6, 1972: 23-42.
- Вайнрайх 1979 = Вайнрайх, У., *Языковые контакты*, пер. с англ., Киев, 1979.
- Варич 2006 = Варич, М. В., Багатомовність на сторінках української преси та її вплив на розвиток національної журналістики. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология»*. Том 19 (58) 2006/5: 117-119.
- Вахтин–Головко 2004 = Вахтин, Н., Головко, Е., *Социолінгвістика и социология языка. Учебное пособие*. Санкт-Петербург, 2004.
- Величко 2009 = Величко, Н. В., Современное состояние и тенденции функционирования русского языка на территории Украины (Крым, г. Севастополь). В кн.: Дедова, О. В., Захаров, Л. М., Ремнева, М. Л., *Международный научный симпозиум "Славянские языки и культуры в современном мире": Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 24-26 марта 2009 года: труды и материалы*. Москва, 2009: 10-11.
- Виноградов 1972 = Виноградов В. А., *Лингвистические аспекты обучения языку*. Москва, 1972.
- Виноградов 1990/а = Виноградов, В. А., Диглоссия. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990: 136.
- Виноградов 1990/б = Виноградов, В. А., Интерференция. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990: 197.
- Виноградов 1990/в = Виноградов, В. А., Ударение. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990: 530-531.
- Высоцкая – Джунусалиева 2009 = Высоцкая, З. И., Джунусалиева, Г. Д., Интерференция как лингвистический феномен и ее проявление в условиях

- билингвизма близкородственных языков. *Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса, 2009/14: 25-33.
- Гаврилов 2008 = Гаврилов, К. и др., Русский язык в новых независимых государствах: текущее состояние и перспективы. *Экономическое обозрение ЕвразЭС+*. 2008/1: 9-14. http://www.dcenter.ru/eaes/policy/200801_1.pdf
- Геровский 1977 = Геровский, А., Карпатская Русь в чешском ярье. В кн.: Грабарь, О. (отв. ред.), *Путями истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни*. Том I. Нью-Йорк, 1977: 227-259
- Геровский 1995 = Геровский, Г., *Язык Подкарпатской Руси*. Москва, 1995.
- Дешериев 1976 = Дешериев, Ю. Д. (отв. ред.), *Развитие национально-русского двуязычия*. Москва, 1976.
- Добош 1971 = Добош, Б. I., *Синтаксис українських південнокарпатських говорів*. Ужгород, 1971.
- Добродомов 1990 = Добродомов, И. Г., Заимствование. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990: 158-159.
- Дорофеев 2008 = Дорофеев, Ю. В., Функциональная обусловленность процесса взаимодействия языков. *Русская филология. Украинский вестник*. Харьков, 2008/3-4: 3-6. http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ros_fil/2008_3-4/1.html
- Дорофеев 2009 = Дорофеев, Ю. В., *Вариантные формы языка*. Вісник Дніпропетровського університету. Серія "Мовознавство" Вип. 15, т. 3, 2009. http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2009_15_3/article/6.pdf
- Дырул 1983 = Дырул, А. М., О формах существования молдавского национального языка. В кн.: Ильяшенко, Т. П., (сост.): *Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка*. Кишинев, 1983: 94-101.
- Захарова 1985 = Захарова, Г. Н., *Современные украинско-молдавские межэтнические связи*. Киев, 1985.
- Завьялова 2001 = Завьялова, М. В., Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами). *Вопросы языкознания* 2001/5: 60-85.
- Земская 2001 = Земская, Е. А., Умирает ли язык русского зарубежья. *Вопросы языкознания* 2001/1: 15-30.
- Ижакевич 1981 = Ижакевич, Г. П. (отв. ред.), *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении*. Киев, 1981.
- Ижакевич 1985 = Ижакевич, Г. П. (сост.), *Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия*. Москва, 1985.
- Исаев 2002 = Исаев, М. И., Этнолингвистические проблемы в СССР и на постсоветском пространстве. *Вопросы языкознания*, 2002/6: 101-118.
- Камболов 2007 = Камболов, Т. Т., *Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы*. Владикавказ, 2007. <http://ironau.ru/khaebic/kambolov-4.pdf> (18.04.2011).
- Караванов 2004 = Караванов, А. А., *Виды русского глагола: значение и употребление*. Москва, 2004.
- Ковач 2009 = Ковач, О., Українські запозичення в угорській мові та проблеми їх виявлення. *Studia Russica XXIII* (2009): 101-109.
- Коряков 2002 = Коряков, Ю. Б., Языковая ситуация в Белоруссии. *Вопросы языкознания* 2002/2: 109-127.

- Кошман 2010 = Кошман, И. Н., О специфике рефлексивов в русских публицистических текстах Украины. *Вісник Дніпропетровського університету. Серія "Мовознавство"*. Вип. 16/2010.
http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2010_16/article/30.pdf (15.03.2011)
- Крючкова 1994 = Крючкова, Т. Б., Типология языковых конфликтов. В кн.: *Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках*. Москва, 1994: 125-130.
- Кузнецова 1999 = Кузнецова, Т. В., Двомовна сім'я як об'єкт соціолінгвістичного дослідження. В кн.: *Проблеми семантики слова, речення та тексту*. Київ, 1999: 95-100.
- Лекант 1988 = Лекант, П. А. (ред.), *Современный русский литературный язык*. Москва, 1988.
- Маев 2009 = Маев, И. А., Статус русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра. *Вестник МАПРЯЛ* 2009/60: 18-27.
- Мечковская 2000 = Мечковская Н. Б., *Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов*. Москва, 2000.
- Мечковская 2003 = Мечковская, Н. Б., Об учебнике по социолінгвістике В. И. Беликова и Л. П. Крысина. *Russian Linguistics*, 2003/27: 41-55.
- Мечковская 2006 = Мечковская, Н. Б., Русский язык в Одессе: вчера, сегодня, завтра. *Russian Linguistics*, 2006/30: 263-281.
- Михальченко 1976 = Михальченко, В. Ю., Типологические особенности литовского и русского языков. В кн.: Дешериев, Ю. Д. (ред.), *Развитие национально-русского двуязычия*. Москва, 1976: 128-156.
- Млечко 2007 = Млечко, Т. П., Русская языковая идентичность в условиях лингвокультурной полифонии. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ*. София, 2007: 532-540.
- Новак 2002 = Новак, Е., *Русский язык, 1 класс, Книга для учителя*. Кишинев, 2002.
- Ожегов 1989 = Ожегов, С. И., *Словарь русского языка*. Москва, 1989.
- Орос 1966 = Орос, В. І., Про українсько-румунські мовні контакти в східних районах Закарпаття. *Востоочнославянско-восточнороманские языки. Литературные и фольклорные связи*. Черновцы, 1966: 54-55.
- Осипова 2010 = Осипова И., О новых и старых формах речевого этикета. *Русский квартал. Информационный журнал исследовательского и методического центра Русистики ЭЛТЭ*. П/3-4, 2010: 45-46.
- Палади 2008 = Палади, А., Хочет ли еще Закарпатье говорить по-русски? (на примере школ с русским языком обучения Тячевского района). В кн.: *Русский язык в начале XXI. Проблемы развития, функционирования, преподавания*. Венгрия, Печ, 6-8 декабря 2007. Печ, 2008: 126-130.
- Панькин 1986 = Панькин, В. М., Русский язык в межнациональном общении. Проблема интерференции. *Вопросы языкознания* 1986/2: 7-17.
- Перехвальская 2008 = Перехвальская, Е. В., *Русские поджины*. Москва, 2008.
- Пицкова 1982 = Пицкова, Л. П., *Грамматическая категория вида в современном французском языке*. Москва, 1982.
- Пушкаш 2006 = Пушкаш, А., *Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918-1945*. Москва, 2006.
- Рассудова 1982 = Рассудова, О. П., *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва, 1982.
- Романов – Ярская-Смирнова 2008 = Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. П., *Методы прикладных социальных исследований*. Москва, 2008.

- Ровдо 2007 = Ровдо, И., Особенности русско-белорусского двуязычия в Беларуси. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ*. София, 2007: 564–567.
- Рогова 2010 = Рогова, А. С., Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье. *Вопросы языкознания* 2010/4: 27–35.
- Рот 1973 = Рот, А. М., *Венгерско-восточнославянские языковые контакты*. Будапешт, 1973.
- Рудяков 2007 = Рудяков, А., Двуязычие как предпосылка интеграции украинского общества. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ*. София, 2007: 568–572.
- Русецка 2007 = Русецка, Л., Русский язык в Молдове: влияние миграционных процессов. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ*. София, 2007: 573–575.
- Рябчук 2002 = Рябчук, М., Третворядна проблема першорядної ваги: українська мова як політичний чинник. *Сучасність* 6 (2002): 50–70.
- Симэки 2010 = Симэки, Ю., Русский язык в Украине: анализ факторов, связанных с использованием русского языка и отношением к русскому языку двуязычного населения. В кн.: *Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1*. Slavic Eurasia Papers (Hokkaido University), 2010: 35–65. http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/slavic_eurasia_papers/no3/contents.html (03.04.2011)
- Смолина 2009 = Смолина, К. П., Русский язык в современной России и новых независимых государствах: состояние и перспективы. *Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса, 2009/14: 11–16.
- Соколова 2004 = Соколова, С. О., Видовые оппозиции глаголов в русском и украинских языках (к сопоставительному изучению). В кн.: Черткова, М. Ю. (отв. ред.), Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Т. 4. Москва, 2004: 166–176.
- Степанов 2004 = Степанов, Е. М., *Російське мовлення Одеси. Монографія*. Одеса, 2004.
- Танюк 2002 = Танюк, Л., Мова в житті народу. В кн.: *Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наук. конф. 28–29 травня 2001 року*. Київ, 2002: 7–10.
- Ташкович 2008 = Ташкович, О., Билингвизм, диглоссия или многоязычие? Некоторые характерные черты сложившейся в г. Ужгороде языковой ситуации. В кн.: *Slavistika v moderním světě. Konference mladých slavistů III – říjen 2007*. Praha, 2008: 269–277.
- Ташкович 2009 = Ташкович, О., Від русофільства до русинофільства на прикладі творчості Емілі Балецького. *Studia Russica XXIII* (2009): 249–255.
- Тудосе 2007 = Тудосе, В., Особенности функционирования русского языка в Молдавии. В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ*. София, 2007: 601–609.
- Тукова 2006 = Тукова, Т. В., Реклама в эфире как репрезентатор русско-украинской интерференции. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология»*. Том 19 (58) 2006/3: 161–166.
- Федосов 1997 = Федосов, В. А., *Венгеризмы в русском произношении венгерских студентов*. Nyíregyháza, 1997.
- Федосов 1997/6 = Федосов, В. А., *Венгерско-русские языковые контакты*. Nyíregyháza, 1997.

- Фодор 1973 = Фодор, Е., К вопросу о грамматической интерференции (на материале русского и румынского языка). В кн.: *Лингвистические основы и методические проблемы интерференции при изучении русского языка славянами (Материалы международного симпозиума состоявшегося в апреле 1971 г. В г. Белико Тырново)*, София, 1973: 200-205.
- Фролова 2004 = Фролова, Т. Д., *Українська за 26 днів для тих, хто її не вивчав*. Київ, 2004.
- Ципщюра 1973 = Ципщюра Л. Ф., Фонетическая интерференция при изучении русского языка украинцами. В кн.: *Лингвистические основы и методические проблемы интерференции при изучении русского языка славянами (Материалы международного симпозиума состоявшегося в апреле 1971 г. в г. Белико Тырново)*, София, 1973: 93-99.
- Черничко 2005 = Черничко, С., Соціолінгвістичний аспект вивчення українсько-угорських міжмовних контактів і освіта. В кн.: Huszti, I., Koljadzsín, N. (szerk.): *Nyelv és oktatás a 21. század elején*. Ungvár, 2005: 153-165.
- Чобану 1983 = Чобану, А. И., Молдавско-русское двуязычие в диахронии и синхронии; Активизация некоторых синтаксических моделей в молдавском языке под влиянием русского языка. В кн.: Ильашенко, Т. П. (сост.), *Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка*. Кишинев, 1983: 40-51.
- Шведова 1980 = Шведова, Н. Ю. (отв. ред.), *Русская грамматика в 2-х томах*. Москва, 1984.
- Щерба 1974 = Щерба, Л. В., *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград 1974.
- Ясаи 1998 = Ясаи, Л., Несколько замечаний по поводу дефиниции вида. В кн.: *Nemzetközi Szlavisztikai Napok VI. Knyiga 3/2. Sambotel – Pečuh 1998*, 139-143.
- Ясаи 2000 = Ясаи, Л., К вопросу об общефактическом значении несовершенного вида. *Studia Slavica Hung.* 45 (2000). Budapest, 2000: 117-129.
- Arel 1995 = Arel, D., Language Politics in Independent Ukraine: Towards One or Two State languages. *Nationalities Papers* 23/3 (1995): 597-622.
- Bartha 1999 = Bartha, Cs., *A kétnyelvűség alapkérdései*. Budapest, 1999.
- Barrington-Herron 2004 = Barrington, L. W., Herron, E. S., One Ukraine or Many? Regionalism in Ukraine and Its Political Consequences. *Nationalities Papers* 32/1 (2004): 53-86.
- Beregszászi-Csernicskó-Orosz = Beregszászi A., Csernicskó I., Orosz I., *Nyelv, oktatás, politika*. Beregszász, 2001.
- Beregszászi 2004 = Beregszászi, A., Idegennyelv-oktatásunk gondjairól és feladatairól szociolingvisztikai nézőpontból. In: Huszti, I. (szerk.), *Idegennyelv-oktatás kisebbségi környezetben*. Ungvár, 2004: 10-20.
- Beregszászi 2004/a = Beregszászi, A., A kárpátaljai magyarok kódváltási szokásairól. In: Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004: 36-43.
- Beregszászi-Csernicskó 2004 = Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004.
- Bilaniuk 2008 = Bilaniuk, L., A tense and shifting balance: bilingualism and education in Ukraine (coauthored with Svitlana Melnyk). *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11(3/4) 2008: 340-372.

- Bonnard 2007 = Bonnard, P., Ukraine. Enjeux du débat sur le statut de la langue russe. *Le Courrier des Pays de l'Est* 1060 (2007): 87–98.
- Borbély 2000 = Borbély, A., Kódváltás a magyarországi románok beszédében. *Annales, Giula*, 2000: 103-136.
- Botoş 2004 = Botoş, I. M., *Istoria care ne doare: o carte despre românii din Transcarpatia (Maramureşul istoric)*. Tirgovişte, 2004.
- Cathomas 1988 = Cathomas, B., Les Grisons: canton trilingue. In: Windisch, U., (ed.) *Majorités et minorités linguistiques en Suisse. Fribourg, Valais, Tessin, Grisons*. Genève, 1988.
- Chew 2009 = Chew, Ph., *Emergent Lingua Francas and World Orders: The Politics and Place of English as a World Language*. New-York–London, 2009.
- Csapodi 1907 = Csapodi, I., Máramarosi nyelvjárás. *Magyar Nyelvőr* 36/1, 1907: 31-34.
- Csernicskó–Váradí 1996 = Csernicskó, I., Váradí, T. (szerk.), *Kisebbségi magyar iskolai nyelvhasználat*. Budapest, 1996.
- Csernicskó 1998 = Csernicskó, I., *A magyar nyelv Ukrajnában (Kárpátalján)*. Budapest, 1998.
- Csernicskó 1998/a = Csernicskó, I., Az ukrán nyelv Kárpátalján. *Regio* 1998/1: 5-48.
- Csernicskó 2003 = Csernicskó, I. (szerk.), *A mi szavunk járása. Bevezetés a Kárpátaljai magyar nyelvhasználatba*. Ungvár, 2003.
- Csernicskó 2003 = Csernicskó, I., Csap. In: Bakó Boglárka (szerk.), *Lokális világok. Együttélés a Kárpát-medencében*. Budapest, 2003: 333-346.
- Csernicskó 2004 = Csernicskó I., Kisebbségi anyanyelv és identitás. In: Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004: 27-35.
- Csernicskó 2004/a = Csernicskó, I., A magyar nyelv kárpátaljai helyzetéről, *Magyar Tudomány* 2004/4: 473-481.
- Csernicskó 2006 = Csernicskó, I., Az ukrán-orosz nyelvi háború és a kárpátaljai magyarság. *Kisebbségkutatás* 15 (2006): 764–769.
- Csernicskó–Márku 2007 = Csernicskó, I., Márku, A. (szerk.), „Hiába repülsz te akárhová...”. *Segédkönyv a kárpátaljai magyar nyelvjárások tanulmányozásához*. Ungvár, 2007.
- DeWalt–DeWalt 2002 = DeWalt, K., DeWalt B., *Participant observation: a guide for fieldworkers*. Oxford, 2002.
- Dupka–Horváth–Móricz 1990 = Dupka, Gy., Horváth, S., Móricz, K., *Sorsközösség. A kárpátaljai magyarok a 80-as évek végén*. Ungvár, 1990.
- Fedinec 2002 = Fedinec Cs., *A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája 1918–1944*. Galánta-Dunaszerdahely, 2002.
- Ferguson 1964 = Ferguson, Ch., Diglossia. In: Hymes, D. H., *Language in Culture and Society*. New-York, 1964: 429-39.
- Ferguson 1975 = Ferguson, Ch. A. 1975. Diglossia. In: Pap, M., Szépe, Gy. (szerk.), *Társadalom és nyelv. Szociolingvisztikai írások*. Budapest 1975: 291-317.
- Firisz 2009 = Firisz, H., Мадярски слова у лексики языка бачванско-сримских Русинох. *Studia Russica XXIII* (2009): 95-100.
- Gal 1979 = Gal, S., *Language shift: social determinants of linguistic change in bilingual Austria*. New York, 1979.
- Göncz 1999 = Göncz, L., *A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban)*. Budapest – Újvidék, 1999.
- Gönczy 1943 = Gönczy, L., *Ruszin nyelvkönyv a M. Kir. Honvéd Akadémiák részére*. II. Rész. Budapest, 1943.
- Grenoble 2003 = Grenoble, L. A., *Language policy in the Soviet Union*. Dordrecht, 2003.

- Gribincea–Șișcanu 2004 = Gribincea, A., Gribincea M., Șișcanu, I., (eds.). *Politica de moldovenizare în RSS moldovenească. Culegere de documente și materiale*. Chișinău, 2004.
- Gumperz 1967 = Gumperz, J., Types of linguistic communities. *Anthropological linguistics* 4 (1967): 26-40.
- Gumperz 1971 = Gumperz, J., *Language in Social Groups*. Stanford, 1971.
- Gumperz 1989 = Gumperz, J., *Engager la conversation*. Paris, 1989.
- Gumperz 1996 = Gumperz, J., The sociolinguistic significance of conversational code-switching. In: Cook-Gumperz, J., Gumperz, J. J., *Papers on language and context*. Berkeley, 1996: 1-26.
- Gustavsson 2006 = Gustavsson, S. R., *Jihoslovanští Rusíni, jejich kultura a jazyk* (перевод H. Vaňková). Acta Slavica et Baltica Vol. IV. Praha, 2006.
- Haines 1988 = Haines, J., *L'incroyable Monsieur Maxwell : Histoire d'un empire*. Paris, 1988.
- Hamers–Blanc 1983 = Hamers, J. F., Blanc, M. H. A., *Bilingualité et bilinguisme*. Bruxelles-Liège, 1983.
- Hamers–Blanc 2000 = Hamers, J. F., Blanc, M. H. A., *Bilingualité et bilinguisme* (перевод с французского). Cambridge, 2000.
- Horváth–Lizanec 2007 = Horváth, K., Lizanec, P., A kárpátaljai magyar nyelvjárások főbb sajátosságairól. In: Csernicskó I., Márku A. (szerk.), *„Hiába repülsz te akárhová...”*. Segédkönyv a kárpátaljai magyar nyelvjárások tanulmányozásához. Ungvár, 2007.
- Husztí 2004 = Husztí, I. (szerk.) *Idegennyelv-oktatás kisebbségi környezetben*. Ungvár, 2004.
- Husztí–Koljadzsín 2005 = Husztí, I., Koljadzsín, N. (szerk.), *Nyelv és oktatás a 21. század elején*. Ungvár, 2005.
- Káprály 2003 = Káprály, M., Русский язык в Подкарпатье, *Studia Russica XX* (2003): 176–182.
- Káprály 2009 = Káprály, M., У истоков «русскости» Эмилия Балецкого. «Школьная хроника» села Чинадиево (1920-1938гг.). *Studia Russica XXIII* (2009): 10-20.
- Karmacsí 2004 = Karmacsí, Z., A magyar nyelv használatának lehetőségei Beregszászban és Tiszaújlakon. In: Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004: 97-105.
- Karmacsí 2007 = Karmacsí, Z., *Kétnyelvűség és nyelvelsajátítás*. Ungvár, 2007.
- Kerswill 2004 = Kerswill, P., Koineization and accommodation. In: Chambers, J. K., Trudgill, P., et al. (eds.), *The handbook of language variation and change*. Oxford, 2004: 669-702.
- Kiefer 2001 = Kiefer, F., *Nyelvtudomány*. Budapest, 2001.
- Kolossov 2000 = Kolossov, V. Ethnic and political identities and territorialities in the post-Soviet space. *Geo-Journal* 48, 2000: 71-81.
- Kontra 1996 = Kontra, M., Magyar nyelvhasználat határainkon túl. In: Diószegi, L. (szerk.), *Magyarságkutatás 1995–96*. Budapest, 1996: 113–123.
- Kosaras 2006 = Kosaras, I., *Orosz nyelvtan a középiskolák számára*. Budapest, 2006.
- Kovács 2000 = Kovács, S., *Verejtékből fakadó sóvirágok – Az aknaszlatinai sóbányák és a magyar iskola történelmi múltjának rövid áttekintése*. Gödöllő, 2000.
- Kovács 2005 = Kovács, S., *Ahol a Tisza születik*. Budapest, 2005.
- Krajník 2010 = Krajník, I., *Igazolás, szprávka vagy dovidka? Orosz és ukrán kölcsönszavak szociolingvisztikai vizsgálata Kárpátalján* (дипломная работа по венгерской лингвистике). Debrecen, 2010.

- Krékits–Jászay 2008 = Krékits, J., Jászay, L., *Szláv igeaspektus, különös tekintettel az orosz nyelvre*. Budapest, 2008.
- Labov 1972 = Labov, W., *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia, 1972.
- Ladányi 1999 = Ladányi, M., When East Met West. Sociolinguistics in the Former Socialist Bloc. *Magyar nyelv* 1999/4: 489-493. <http://www.c3.hu/~magyarnyelv/99-4/ladanyi.htm#nb489>
- Lanstyák 1993 = Lanstyák, I., Diglossia és kettősnyelvűség, *Kétnyelvűség* 1, 1993: 5-21.
- Lanstyák 2000 = Lanstyák, I., *A magyar nyelv Szlovákiában*. Budapest–Pozsony, 2000.
- Lanstyák 2006 = Lanstyák, I., *Nyelvből nyelvbe. Tanulmányok a szókölcsönzésről, kódváltásról és fordításról*. Pozsony, 2006.
- Magocsi 1975 = Magocsi, P. R., *An historiographical guide to Subcarpathian Rus'*. Harvard University, 1975.
- Magocsi 1978 = Magocsi, P. R., *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus' 1848-1948*. Cambridge-Massachusetts, 1978.
<http://mnib.malorus.org/kniga/43/> (28/03/2011).
- Meillet 1915 = Meillet, A., Les langues et les nationalités. *Scientia*, vol. 18, 1915: 192-201.
- Meillet 1918 = Meillet, A., La situation linguistique en Russie et en Autriche-Hongrie. *Scientia*, vol. 23, 1918: 209-216.
- Melika 2007 = Melika, G., Sprachkontakte in Transkarpatien. *Spiegelungen*, Heft 4, 2 (56) 2007, München: 388-401.
- Moldovan 2008 = Moldovan, Gh., *Politică și planificare lingvistică: Abordare teoretică și aplicativă (Autoreferat)*. Chișinău, 2008.
- Molnár 2004 = Molnár, J., Kárpátalja lakosságának nyelvi összetétele a 2001-es ukrainai népszámlálás adatai alapján. In: Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004: 119-130.
- Molnár–Molnár 2005 = Molnár, J., Molnár, D., *Kárpátalja népessége és magyarsága a népszámlálási és népmozgalmi adatok tükrében*. Beregszász, 2005.
- Myers-Scotton 2006 = Myers-Scotton, C., *Multiple voices, an introduction to bilingualism*. London, 2006.
- Nelde 1986 = Nelde, P., Ecological implications of language contact. In: Nelde, P. et al. (eds), *Language Contact in Europe*. Tübingen, 1986.
- Orosz 2004 = Orosz, I., Anyanyelvi / anyanyelvű oktatás a kárpátaljai magyar szorványban. In: Beregszászi, A., Csernicskó, I. (szerk.), *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatról*. Ungvár, 2004: 55-76.
- Orosz 2007 = Orosz, I. (szerk.), *Magyarok a Tisza-forrás környékén. A felső-Tisza-vidéki magyarok anyanyelvi-oktatási helyzete egy kutatás tükrében*. Ungvár, 2007.
- Palágyi 2008 = Palágyi, A., От Закарпаття до Гагаузии: особенности функционирования русского языка в многоязычных общинах. In: Přihoda, M., Vaňková H. (editoři), *Slavistika v moderním světě. Konference mladých slavistů III – říjen 2007*. Praha 2008: 237-251.
- Palágyi 2003 = Palágyi, T., Языковые контакты в сегодняшней Молдове. *Studia Russica XX* (2003): 356–362.
- Palágyi 2009 = Palágyi, T., Új fogalmak kifejezése kisebbségi nyelvközösségben: esettanulmány a Beszterce-Naszód megyei Szentmátéből. In: Bárdosi, V. (szerk.), *Quo vadis philologia temporum nostrorum? Korunk civilizációjának nyelvi képe: feladatok és lehetőségek*. Budapest, 2009: 231-240.
- Pátrovics 2004 = Pátrovics, P., Az aspektus története és tipológiája. Budapest, 2004.
- Pavlenko 2008 = Pavlenko, A., Russian in post-Soviet countries. *Russian Linguistics* 32/ 2008: 59-80.

- Pavlenko 2008/a= Pavlenko, A., Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11(3/4), 2008: 275-314.
- Pilipkó 2007 = Pilipkó, E., *Ütköző identitások. A kárpátaljai magyar görög katolikusok etnikai és vallási identitástudatának vizsgálata az 1989-es változások kapcsán*. Ungvár – Budapest, 2007.
- Riehl 2004 = Riehl, C. M., *Sprachkontaktforschung: eine Einführung*. Tübingen, 2004.
- Rot 1967 = Rot, S., Magyar-ukrán és ukrán-magyar kétnyelvűség Kárpát-Ukrajnában. *Magyar Nyelvőr* 91, 1967: 185-191.
- Rot 1991 = Rot, S., *Language contact*. Frankfurt/M., Bern, New York, Paris, 1991.
- Tamás 1939 = Tamás, L., Az aknaszlatinai bányászok szókincséből. *Magyar Nyelvőr* 68 (7), 1939: 260-269.
- Tanasković 1982 = Tanasković, D., *Arapski jezik u savremenom Tunisu (diglosija i bilingvizam)*. Beograd, 1982.
- Udvari 2003 = Udvari, I., Александр Духнович – продолжатель традиции русинского литературного языка. *Studia Russica XX* (2003): 456-461.
- Vermès-Boutet 1987 = Vermès, G., Boutet, J. (eds.), *France, pays multilingue*. Paris, 1987.
- Wardhaugh 1995 = Wardhaugh, R., *Szociolingvisztika*. Budapest, 1995.
- Wardhaugh 2006 = Wardhaugh, R., *An introduction to sociolinguistics*. Fifth edition, Oxford, 2006.
- Windisch 1992 = Windisch, U., *Les relations quotidiennes entre Romands et Suisses alémaniques*. Lausanne, 1992.
- Zentai 2001 = Zentai, L. (szerk.), *A történelmi Magyarország atlasza és adattára 1914*. Pécs, 2001.
- Zoltán 2005 = Zoltán, A., A kárpátaljai magyar nyelvhasználat sajátosságai. *Kisebbségkutatás* 14 (2005): 531–535.
- Zoltán 2008 = Zoltán, A., Про мову «Газеты для народных учителей» (Пешть-Будинь, 1868–1872). In: Moser, M., Zoltán, A. (Hg.), *Die Ukrainer (Ruthenen, Russinen) in Österreich-Ungarn und ihr Sprach- und Kulturleben im Blickfeld von Wien und Budapest* (Slavische Sprachgeschichte, Bd. 4). Münster–Hamburg–Berlin–Wien–London, 2008: 101–110.

Приложения

Диалог № 1 (Из разговора продавщицы с разноязычными покупателями, Салотвино, август 2008 г.)

В данном диалоге участвуют следующие лица: продавщица (местная венгерка), молдо-русскаяязычный покупатель из Молдовы (покупатель 1), местный венгро-украинскаяязычный Арпи, венгрияязычная покупательница из Румынии (покупательница 1), местный украинскаяязычный покупатель 3, румынияязычный покупатель из Румынии (покупатель 4), местный русско-румынскаяязычный румын (покупатель 5) и др..

Покупатель 1 (приехавший из Молдовы на соленые озера Салотвина): – *Это клубника, клубника*³¹⁷? *Ха-ха! Девушка, привет! Мне... ред-бул мой и сигарета моя...*

Продавщица (35 лет, родной язык венгерский, житель Салотвина): – *Так, красиво! Люди добрые, времени нет. Там развлекайтесь. Пиво остынет...*

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Am ters acasă... la Кишинёв*, [рум. «Я поехал домой... в Кишинёв»] *Кишиневская область у нас. Давайте в город! ... Бери, бери, я сигареты хочу сначала.*

Продавщица: – *Mi van Arpi?* [венгр. «Как дела, Арпи?»] *Шо?*

Арпи (местный сотрудник магазина, вероятно грузчик): – *Шо?* [укр. «Что?»]

Продавщица: – *Шо? Позано тобі?* [укр. «Ну что, плохо тебе?»]

Арпи: – *Хворенько...* [укр. «Плоховато», см. русск. 'хворать'] *Дай мне, пожалуйста, Мальборо!*

Покупатель 1 (из Молдовы): – *Порядочная сволочь.*

Арпи: – *Hy, köszönöm!* [венг. «спасибо!»]

Покупательница 1 (приехавшая в Салотвино за покупками из приграничного румынского города Сигету Мармацией): – *Bani românești nu serviți? Da? Dă o halbă!* [рум. «Румынские деньги принимаете? Да? Дай бокал!»]

Продавщица: – *O halbă de bere? Câte bere?* [рум. «Бокал пива? Сколько пива?»]

Покупатель 2: – *A kávé mennyi, tessék mondani?* [венг. «Сколько стоит кофе, скажите пожалуйста?»]

Продавщица: – *Égy ötven.* [венг. «один пятьдесят», т.е. «гривня пятьдесят копеек»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Még magyarul is tud a kislány! Maguknál mennyi a Winchester?* [венг. «Девушка даже и по-венгерски знает! Сколько стоит у вас Винчестер?»]

Продавщица: – *Nincs.* [венг. «Нет у нас»]

Покупатель 3: – *Пачку ..., дайте, будь ласка, будьте ласка!* [укр. «будьте добры»]

Продавщица: – *Будь ласка, почекайте!* [укр. «Будьте добры, подождите!»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Nincs? Hosszú Marlboro, azt sincs? Egy doboz kellett volna az apatársamnak. Azt mondta hosszú legyen és piros.* [венг. «Нет у вас? Ни длинных Мальборо нет? Пачка нужна была бы мужу. Он сказал, чтобы была длинная и красная»]

Покупательница 2: – *Сложно всем угодить...*

Продавщица: – *В принципе нет у мене уже этих нервов, продолжаю улыбаться и всё... Так я уже и не знаю, чо сказать и не думать...*

³¹⁷ В данных примерах (а также, в дальнейшем) мы подчеркиваем лексические, морфологические или фонетические интерференции в русском языке информантов, а также элементы, не принадлежащие основному коду высказывания или же использованные ошибочно с точки зрения нормы.

Покупательница 1 (из Румынии): – *S lejben nem jó?* [венг. «и в леях (румынская денежная единица) не подойдет?»]

Продавщица: – *Dehogy nem jó!* [венг. «Конечно, подходит!»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Na mennyit adjak?* [венг. «Ну сколько дать?»]

Продавщица: – *Három és fél.* [венг. «три с половиной»]

Покупательница 1 (из Румынии): – *Legyen 4, legyen meg a te akaratod!* [венг. «Пусть будет четыре, да будет воля твоя!»]

Покупатель 4 (тоже приехавший в Солотвино за покупками из приграничного румынского города Сигету Мармацией): – *Un pachet!* [рум. «Одну пачку»]

Продавщица: – *De care? Roșu?* [рум. «Какую? Красную?»]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Da! Apă minerală la pahare este? Cât face un pahar de apă minerală?* [рум. «Да! Продаете минеральную воду в стаканах? Сколько будет стакан минеральной воды?»]

Продавщица: – *Cincizeci de kopeici.* [рум. «Пятьдесят копеек»]

Покупатель 4 (из Румынии): – *N-am kopeici, numai banii ăștea?* [рум. «Нет у меня копеек, только вот эти монеты»]

Продавщица: – *Nu treabă.* [рум. «Не надо», ср. нормативное *nu trebuie*]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? da uite zece de-ai noștri!* [рум. «Нет? А вот наша десятка!»]

Продавщица: – *Nu treabă.* [рум. «Не надо», ср. нормативное *nu trebuie*]

Покупатель 4 (из Румынии): – *Nu? Mulțumesc. Înseamnă că o să ne înțelegem bine noi!* [рум. «Нет? Спасибо. Значит, мы хорошо поймем друг друга!»]

Покупатель 5 (местный румын): – *Пачку Мальборо мне!*

Продавщица: – *Конечно.*

Диалог № 2 (Из разговора продавщицы с румыноязычным и венгероязычным покупателями, Солотвино, бар «Марамуреш», январь 2010 г.)

В данном диалоге участвуют: румынско- и венгероязычный покупатель из Румынии, его спутница (русскоязычная местная румынка) и трехязычная продавщица

Покупатель 1 (румын из Румынии, но говорит и по-венгерски): – *N-am fost băut niciodată...* [рум. «Я никогда не был пьяным»] *Mennyi?* [венг. «Сколько?»]

Продавщица: – *Negyven.... Mivel akar fizetni?* [венг. «Сорок. Чем хотите платить?»]

Покупатель 1: – *Grívenj-be* [венг. «В гривнях»]

Продавщица: – *Negyvenkét grívnya* [венг. «сорок две гривни»]

Покупатель 1: – *Mennyi? Negyvenhat? Nincs is annyi. Add csak nekem euróba. Tessék parancsolni!* [венг. «Сколько? Сорок шесть? Нет у меня столько. Дай мне в евро. Прошу!»]

Продавщица: – *Hát de nekem nincs visszaadni euró!* [венг. «Но у меня нет евро, чтобы дать сдачу!»]

Спутница клиента 1: – *Há miér nem viszo?* [венг. «Ну почему нет обратно?»]

Продавщица: – *Откуда я возьму евро?*

Спутница клиента 1: – *Сто двадцать, но!*

Покупатель 1: – *Adjál nekem vissza, no! Mennyit fizessek?* [венг. «Давай мне сдачу, ну! Сколько мне платить?»]

Продавщица: – *Двести двадцать гривен.*

Спутница клиента 1: – *Двести двадцать и сорок.... возьмите сто и шесть, шо.. не имеет?*

Продавщица: – *Евро я не имею.*

Покупатель 1: – *Euróba fizessen nekem! Mennyit fizessek?* [венг. «Платите мне в евро! Сколько мне платить?»]

Продавщица: – *Tizenegy grivnya egy euró.* [венг. «Одинадцать гривень один евро»]

Покупатель 1: – *Isten őrizz!* [венг. «Боже упаси!»]

Продавщица: – *Az kétszázhusz grivnya* [венг. «Это 220 гривень»]

Покупатель 1: – *Jól van! Adjál nekem vissza, te lány!* *Grivenybe...* [венг. «Ну хорошо! Дай мне сдачу, девочка! В гривнях»]

Продавщица: – *Grivnyába?* [венг. «В гривнях?»] *Sto семьдесят восемь.*

Спутница клиента 1: – *Na, sto семьдесят восемь дайте!*

Продавщица: – *Я ж не имею евро!*

Спутница клиента 1: – *Na nem baj, ha nem jevro! Griveny nem van? Tessék várni!* [венг. «Ну не беда, если не евро! Гривень нет есть? Подождите, пожалуйста!»]

Продавщица: – *Stai, stai, stai! Dați doi griveni! Ai doi griveni?* [рум. «Подожди, подожди! Дайте две гривны! Есть у тебя две гривны?»]

Покупатель 1: – *Tessék parancsolni! Ott van két griveni. Tedd el!* [венг. «Прошу! Вот две гривни. Возьми!»]

Спутница клиента 1: – *Tessék venni!* [венг. «Будьте добры, возьмите!»]

Продавщица: – *Tuue, tuue! Várjál! Várjál!* [венг. «Подожди, подожди!»]

Покупатель 1: – *Tessék parancsolni nekem! Már kétszáz grivenyt elköltöttem. B... a számok! Rendes fiú vagyok. Na válts fel nekem egy százast! ... Válts fel nekem, te lány! Itt egy százast!* [венг. «Прошу тут мне! Уже двести гривен потратил. Й... эти цифры! Я порядочный мальчик. Ну, разменяй мне эту сотню! ... Разменяй мне, девушка! Вот сотня»]

Продавщица: – *Apróba? Várjon, harminc, negyven, ötven, ... száz.* [венг. «На мелочь? Подождите, тридцать, сорок, пятьдесят, ... сто»]. *Меняю же сто гривень на мелкие!*

Покупатель 1: – *Váltson nekem még tíz lejesbe!* [венг. «Разменяйте мне еще по десять лей!»]

Продавщица: – *Nincs lej!* [венг. «Нет леев!»]

Покупатель 1: – *Há miért?! F...-ba!* [венг. «Ну почему?! Нах...!»]

Продавщица: – *Mi ez itt? Románia van vagy mi?* [венг. «Что это здесь? Румыния что ли?»]

Покупатель 1: – *Am zis să-mi schimbi încă zece griveni, mă!* [рум. «Я сказал разменять мне еще 10 гривен, слышь!»]

Продавщица: – *Да, да.. А у меня нет лей! Откуда я ему дам лей! ... Понапиваются блин и потом тут цирк делают!*

Диалог № 3 (два румына и один венгр, кафе-бар возле шахты Солотвино, сентябрь 2007 г.)

В диалоге участвуют два местных румына (которые говорят в основном на румынском и русском языках) и один местный венгр, который просит по-румынски своих собеседников перейти на русский.

Собеседник 1: – *Spune rusește!* [рум. «Скажи по-русски»]

Собеседник 2: – *Știe el românește.* [рум. «Знает он по-румынски»]

Собеседник 3: – *Я не буду тебе переводчиком.*

Собеседник 2: – *Are patru zavoade.* [рум. «У него есть четыре завода»]

Собеседник 1: – *Spune rusește.* [рум. «Скажи по-русски»]

Собеседник 2: – *Четыре завода имеет, бэй! Тебе это надо?*

Собеседник 3: – *Totalul și menjünk haza!* [рум. «Счет давайте и...», венг. «пойдем домой!»]

Диалог № 4 (в венгерско-румынской семье М. А., Солотвино, январь 2010 г.)

В данном диалоге участвуют следующие лица: М. А. (31 лет, венгерка), ее дети (Л. и В.) и соседка, о национальной принадлежности которой мы не имеем точной информации, но по ее языковым компетенциям, можем предположить, что она имеет и венгерские корни, так как кроме русского хорошо владеет и венгерским языком. В семье двое детей: дочь В. (8 лет) ходит в украинский класс, а сын Л. (6 лет) – в русский класс. Дети общаются между собой по-русски, но отец (32 года, румын) и его семья говорят с ними по-румынски. С мужем М. А. говорит только на русском языке, а с детьми иногда и по-венгерски.

М. А. (полевому работнику): – *Там вообще пугаться не надо... Закрывай глаза и заходи! Свет тут.*

(Дальнейшая запись происходит без присутствия полевого работника)

Соседка: – *Так что, вот такие дела... Mit lehet csinálni, ez van!* [венг. «Что можно сделать, вот такие дела!»] *Jó* [венг. «ладно»], иду я. *Работай, не мерегүйся!* [русин. «не волнуйся»] *Все будет хорошо! Все должно быть хорошо! Всё Marika, встретимся в следующем году!*

М. А.: – *Да я надеюсь, ты еще в этом зайдешь, на пятьдесят грамм.*

Соседка: – *Ну, на пятьдесят грамм. До силы – пятьдесят грамм. Всё, пока! Счастливо!*

М. А. (полевому работнику): – *У нас же директор умер ночью. Они все были там. А мы только с утра, с десяти пошли на работу. И сегодняшнее дежурство имею. Ну, распределили меня вчера на дежурство с трёх до шести. (Говорит по телефону) Mit csinállok? Krumplit tisztítok. Meddig leszek? Mindjárt megtisztítom a krumplit, gyorsan megcsinálom a izét, az ebédet, egy, kettő és akkor máris jövők, jó? Négy óráig Kijev szerint be fogok jönni, pázol? Három óra miszerintünk. Nem, nem, én kimegyek, ha kél lesz valami? Nem engedlek téged. Jó? Na, давай, чао!*

М. А. (сыну): – *Jössz ide? A káposztát te би любишь (??).*

Полевой работник: – *А подарки у вас в Солотвине кто приносит?*

М. А.: – *У кого кто. У нас приносит конфеты Mikulás. A Jézuska – подарки, игрушки.*

Полевой работник: – *А на Новый Год?*

М. А.: – *А на Новый Год никто ничего не приносит, а на второе Рождество дети ходят колядовать и с этих денег, что наколяют, сами себе покупают подарки. А ну, Lőrinc, проколядуй с Вирджинией!*

Л.: – *Я не знаю песню.*

М. А.: – *Ну вспомни с прошлого года. А ну-ка, Lőríncka, встань!*

Л. (поет): – *O ce veste minunată! În Vîflăim ni s-arată. Astăzi s-a născut... Cel ... făr'de-nceput...* [рум. «Какая прекрасная новость! В Вифлееме нам показывается. Сегодня родился... Тот, кто без начала...»]

М. А. (подсказывает сыну слова песни): – *Cel ... făr'de-nceput.*

Диалог № 4/а (Из разговора учительницы русского языка со своими учениками, Солотвино, Украинская школа, 6-Б класс, октябрь 2007 г.)

Во время перемены учительница (М. А., венгерка, 29 лет) объясняет группе из 5 учеников из класса с русским языком обучения как делать настенную газету.

Учительница: – *Значит, слушай сюда! Ты выбираешь себе человека, у которого хочешь брать интервью и подготавливаешь заранее, на который он должен ответить...*

Ученица: – *Как мне писать? Например, я с ней разговариваю и все это записала?*

Учительница: – *Да! Вопрос, ответ.*

Ученица: – *Только я одно не понимаю... Когда, например, её как спрашивать, например, какого года вы родились? Так и записывать?*

Учительница: – *Так и записываешь. Ты себе пишешь. Когда и где родилась? И оставляешь место. (...)*

Учительница: – *У нас в школе начался чемпионат школы по гандболу. Будут играть такие-то... в чемпионате будут принимать участие такие-то команды, посмотришь. На первом этаже есть расписание. Ты себе **то** запишешь. И идешь на игру.*

(Без наблюдателя)

Учительница: – *Указать обязательно во вступлении место и цель проведения выставки. А при концовке написать мнение об этой выставке.*

Ученицы: – *Мы тогда пошли. ... Идём говорить об этом в классе? А сейчас язык или ?*

Учительница: – *Язык, а потом литература-*

Ученицы: – *А на литературе они [то есть, наблюдатель – А. П.] будут?*

Учительница: – *Она [то есть, наблюдатель – А. П.] придёт и на тот урок, и на тот урок. Её интересует ваша речь, как вы умеете разговаривать.*

Ученица: – *А вы обязательно будете орать.*

Учительница: – *Увы, я ничего не могу сделать! ...*

Учительница: – *... Здесь я напишу название, внизу подпишу, шо?: Одноразовая газета или.... единичное издание газеты... Ну шоб это больше было похоже на газету. Обычно газета делится на колонки. Правда? Колонками идут статьи. Вот я в эти колонки должна уместить ваши работы.*

Ученица: – *А где эти работы будут висеть?*

Учительница: – *У вас в классе. Можно по шире.*

Ученица (М.Л., румынка): – *У меня вопрос: если на альбомный лист, то как делать карандашом, чтобы писать?*

Учительница: – *Так оформляй! ...*

Ученица: – *Клеточками или вот так в линейку, да?*

Учительница: – *Ничего не расчерчивай! ...*

Ученик: – *Потихоньку можно так карандашом, потом можно стереть.*

Учительница: – *Есть бумага такая, в Изрубке можно взять. По сколько там это стоит? Или же возьмёте сами отчертите, возьмёте чистый лист, начертите на нём чёрным фломастером линии, под низ подложили и всё видно прекрасно! Андестэнд [анг. 'understand']?*

Ученики: – *Не! Ной [анг. 'no']!*

Учительница: – *Ещё раз! Чего вам не понятно?*

Ученица (М.Л., румынка): – *Как? Как на него писать?*

Ученица: – *Это не так, а как на нём писать?*

Учительница: – Как писать на листочке? Хорошо, берёте лист, то что мы используем обычно при печати. Вот он лист, простой.... Каждая газетная статья, очерк, репортаж заметка, ещё не знаю что... имеет название. Я открываю газету, читаю. Мне нравится название, читаю, а не нравится статья, почитаю другую статью, что мне будет более интересно. Делайте названия. Придумывайте! ... дальше излагаете своим языком ...Это ваша фантазия. Вы есть журналисты!

Ученица: – Да нам всё понятно, но....

Учительница: – И в конце подписать фамилию, имя.

Ученики: – Нас, да? а начертить? Как чертить? У нас криво будет.

Учительница: – Только что объяснила доходчивым языком! Есть специальные вот такие вот листочки «számárvezeték» говорят.

Ученица: – А мне некогда пойти....

Учительница: – Значит берёшь чистый лист бумаги, берёшь фломастер, линейку, потом делаешь много, много полосочек вниз, подкладываешь его под белый листик, и у тебя просвечивает все твои полоски.

Ученик: – Да, уже понял!

Учительница: – Рассказываю, показываю. Во! Криво ты, косо ты не напишешь.

Диалог № 5 (С венгерско-румынской семьей Т. В., Солотвино, август 2008 г.)

В данном диалоге участвуют следующие лица: отец А. Д. (41 год, румын) учился в молдавской школе, окончил Сельскохозяйственный Институт в Молдавии, в настоящее время – без определенного места работы; мать Т. В. (38 лет, венгерка) училась в украинской школе, работает учительницей английского языка в венгерской школе Солотвина; мальчик М. (14 лет) – их сын, ученик 8-ого класса венгерской школы; девочка К. (10 лет) – их дочь, ученица 3 класса венгерской школы. Диалог происходил на берегу реки Тисы под бдительными взорами румынских пограничников.

Отец (жене): – Помнишь, мы здесь еще детьми были, купались, фейеш [от венг. 'fejest ugrani a vízbe', т.е. прыгать/кидаться головой в воду] в воду прыгали и помню, что я пошел довольно глубоко, потому что у нас такое, шо кто пойдет аж до дна. Я вышел с черепом открытым. (Полевому работнику) Но по сути это лечебное, хорошее место.

Полевой работник: – А кто умеет плавать?

Девочка: – Én egy kicsit. [венг. «Я немного»]

Мать (дочке): – Sós vízben tudsz úszni. [венг. «В соленой воде ты умеешь плавать»].

Отец: – Оба любят воду, потому что когда она была беременной, постоянно в воду лезла.

[...]

Отец: – Там такое красивое место было. Там когда-то у нас шпорна было. Шпорна, был у нас такой праздник, последняя неделя лета, сейчас, вот, получается воскресенье...

Мать: – Sportnap [венг. «День спорта»]. Ты по-венгерски говоришь! S-P-O-R-T-N-A-P!

Отец: – Я румын, не русский, что ты хочешь?! Следующее воскресенье у нас получается последняя неделя августа. Последняя неделя августа – как получается?– праздник в честь шахтеров. У нас там выступали, с разных сел поприезжали, сцены делали, спортом ... вот этим всяким ... показывали, футбол играли.

Мать: – День шахтаря [укр. «шахтер»]. Просто нет уже шахты, нету и шахтаря. ... Дети тоже там танцевали.

Полевой работник (к сыну): – *А что ты там танцевал?*
 Мальчик: – *Молдованское танцы.*
 Мать: – *Ха-ха, молдованский!*
 Мальчик: – *Что-о? (обиженно) Молдавский!*
 Отец (сыну): – *Венгерский ты танцевал, нет? Не сейчас, в прошлом году не танцевал? Когда одевался там...*
 Мать (сыну): – *Тогда не, тогда было представление.* [не понятно слово – *А. Р.*]
előadás, nem? [венг. на ... представлении, нет?]
 Девочка: – *Igen, mikor zászlóval álltam ott.* [венг. «Да, когда я там стояла с флагом»].
 Мать (дочке): – *Mikor a zászlóval álltál ott, nem?* [венг. «Ну когда ты там стояла с флагом, нет?»]
 Мальчик: – *Március tizenöt.* [венг. «≈ март пятнадцать»]
 Мать (сыну): – *Március tizenöt, igen.* [венг. «≈ март пятнадцать»]
 Полевой работник: – *А какая школа организует это?*
 Мальчик: – *Венгерская, наша.*
 Полевой работник: – *И в венгерской школе вы танцевали молдавский танец?*
 Мальчик: – *Да. [...]*
 Отец (дочке которая полезла в воду): – *Cari, nu sint cuie? Cuie nu sint ale?* [рум. Кари, нет гвоздей? Это не гвозди там?]
 Полевой работник (мальчику): – *Ты когда с сестрой говоришь, на каком говоришь?*
 Мальчик: – *На венгерском.*
 Полевой работник (девочке): – *А кто тебя учил так камни бросать?*
 Девочка: – *Марк.*
 Мать (дочке): – *Vigyázz, mert kicsúszik a kezedből és aztán bevered a fejed!* [венг. «Будь осторожна, может выскользнуть из руки и тогда ударишь себя по голове!»].
 Полевой работник (девочке): – *А какие камни надо бросать?*
 Девочка: – *Маленькие.*
 Полевой работник (девочке): – *А какого цвета? ... Белого, черного?*
 Девочка: – *Все равно.*
 Полевой работник (девочке): – *А сколько у вас детей в классе?*
 Девочка: – *Двадцать два.*
 Полевой работник (девочке): – *И больше мальчиков или девочек?*
 Девочка: – *Девочек.*
 Полевой работник (девочке): – *А сколько девочек?*
 Девочка: – *Десять.... двенадцать!*
 Полевой работник (девочке): – *А мальчиков сколько?*
 Девочка: – *Деять.*
 Полевой работник (девочке): – *Но 12 и 9 будет 21?*
 Девочка: – *Еще одна мальчик пришел.*
 Полевой работник (девочке): – *А откуда он пришел?*
 Девочка: – *Из Румынии* [ударение на первое и, как в румынском языке].
 Полевой работник (девочке): – *И в венгерский класс пошел? А он румын?*
 Девочка: – *Нет, венгерский.*
 Полевой работник (девочке): – *А где он родился?*
 Девочка: – *В Румынии.* (2-й раз уже русскую форму использует).
 Полевой работник (мальчику): – *А ты помнишь своих бабушку и дедушку?*
 Мальчик: – *Ну, помню.*
 Мать: – *Он маленький был, не помнит.*
 Полевой работник (мальчику): – *А кого ты лучше помнишь?*
 Мальчик: – *Бабушку, ... и дедушку.*

Полевой работник (мальчику): – *А ты не помнишь, на каком языке ты говорил с бабушкой?*

Мальчик: – *На венгерском!*

Мать: – *Конечно на венгерском! Ха-ха! [...] Их воспитывала моя бабушка, в восемьдесят восемь лет она умерла. Она до последнего их воспитывала. ... Она два года лежала у меня парализованная, я за ней еще ухаживала. Восемьдесят шесть ей было, ее парализовало, и умерла она в восемьдесят восемь.*

Отец (обращается к жене): – *У нас, помнишь такое время было, что мы не могли из дому выйти. Ни на день рождения, ни на свадьбу. Если мы и ходили куда, то на пару часов и обратно.*

Мать: – *Было, шо она лежала, я еще оставляла дочку с ней, ходила на работу, на пару уроков, вот так...*

Диалог № 5/а (В гостях у венгерско-румынской семьи Т. В., Солотвино, август 2008 г.)

В беседе участвуют: отец А. Д. (41 год, румын); мать Т. В. (38 лет, венгерка); мальчик М. (14 лет) – их сын, ученик 8-ого класса венгерской школы; девочка К. (10 лет) – их дочь, ученица 3-ого класса венгерской школы.

Полевой работник: – *Румынские дети лучше говорят по-русски или венгерские?*

Отец: – *Как вам сказать, по моим соображениям, румыны лучше говорят по-русски, чем венгерские.*

Мать: – *Но нельзя так, надо смотреть. Если взять Берегово, туда, там венгры не знают по-русски. Hogy mondják, Felső Tisza-vidék, Alsó Tisza-vidék [венг. «как говорят, район Верхней Тисы, Нижней Тисы]. Здесь лучше намного разговаривают по-русски, чем, например, в Берегове. Там чисто венгерские семьи, там не очень знают.*

Отец: – *Если взять здесь у нас в Закарпатье в общем, у нас никогда розни не было, потому что у нас много национальностей. Только у нас в Солотвине сорок четыре национальностей. Мы вынуждены, x[ó]чем, не x[ó]чем: по-русски разговаривать. Все-таки в Союзе когда-то родились. Иначе не поймем друг друга.*

Полевой работник: – *И нынешние дети? Они тоже больше на русском или больше на украинском общаются.*

Мать и отец вместе: – *То же самое.*

Отец: – *На русском, конечно. Я вам скажу: пока родители, то есть мы, по-русски разговариваем, они еще тоже скоро украинский не будут знать. Хотя должно быть, чтоб учили тот язык, где они действительно живут, то есть, украинский.*

Полевой работник: – *Но в школе же изучают?*

Отец: – *Да, изучают.*

Мать: – *Ну почему-то больше тянет на русский.*

Отец: – *Ну, можем разговаривать по-украински, и она, и я, но вот привыкли по-русски и дети наши привыкли.*

Полевой работник: – *А дети на самом деле как с вами разговаривают?*

Отец: – *Я с ними по-румынски, а она – по-венгерски.*

Полевой работник: – *И как проходит семейный разговор за столом?*

Отец: – *Понимают больше, чем надо. Задачи в школе, вот она мне должна перевести, чтоб я понял. С венгерский на русский. Ну а я, уже мысленно, если я учился по-молдавски, я должен сам уже себе перевести, чтоб понять, что там имеется в виду. Иногда, как говорится, сложение, умножение, такое там, есть*

- минус, плюс, которые нельзя в голове делать. И она может мне объяснить одно, а там вообще суть по-другому. Ну, чтоб вы поняли, если так взять: почему большинство венгров обращается на ты и **то** не обидно, а у нас должно обращаться на вы, правильно? Вот то же самое и математика: она может мне объяснить, так как действительно там пишет, но я могу понять иначе.
- Мать: – Они говорят ему dumata [т.е. «dumneata» = средняя форма вежливости в рум. яз. между 'вы' и 'ты'] или как там это? Так говорят, нет?
- Отец: – Я, например, говорю матери 'вы'. А у вас, у венгров, ты говоришь 'ты'.
- Мать: – Наоборот, даже больше идет tegezés, igaz [венг. «тыканье, правда»]?
- Полевой работник: – А если взять ваших детей, как можно определить их знание языков?
- Отец: – Я могу сказать, что я со своим сыном, я нахожусь под ним. Потому что он знает румынский, венгерский, украинский, русский, немецкий, английский.
- Полевой работник: – А какой самый сильный его язык?
- Отец: – Больше он на венгерском, потому что...
- Мать: – Ну, anyanyelv! Anyanyelv! anyanyelv! [венг. «родной язык, это родной язык», дословно «язык матери»]
- Полевой работник: – И на втором месте?
- Отец: – Ну, ... я знаю? Я считаю, что румынский. Ну, со мной разговаривает. С бабушкой по-румынски и с родней. У меня вот родители живут напротив, и мы по-румынски часто. Вот сестра его, моя племянница учится в румынской школе. Ну, сейчас можем ее позвать.
- Мать: – С ней говорят по-румынски.
- Мать (обращается к входящему сыну): – Márki, tudod a magyart, román, utána melyiket tudod jobban, legjobban [венг. «Марк, ты знаешь венгерский, румынский, потом лучше»]?
- Мальчик: – Ukrán, orosz [венг. «украинский, русский»].
- Мать: – De milyen sorrendben [венг. «но в каком порядке»]?
- Отец: – Mai bine știi ucrainește decât rușește [рум. «вы»]
- Мальчик: – Rușește [рум. «по-русски»].
- Отец: – Du-te și spune lui Florinica să vină până aici la noi [рум. «иди скажи Флоринике чтобы подошла сюда к нам»]!
- Мальчик: – Am să-i spun [рум. «Сейчас скажу»].
- Отец: – Вот я так с ним по-румынски, она с ним по-венгерски. У нас нет таких проблем как в другом месте. Если будет такая рознь, что нам тогда границу по середине кровати ставить?

Диалог № 6 (Интервью с учительницей русского языка О. А., Солотвино, октябрь 2007 г.)

Интервью с учительницей русского языка О. А. (по национальности – русская, вышла замуж за местного румына и переехала из России в Солотвино 25 лет назад) состоялся на перемене в украинско-русской школе Солотвина.

- О. А.: – Меня не то, что поразило тогда в первый раз, меня вообще восхищает то, что здесь так много языков знают. У меня муж свободно владеет на венгерском.
- Полевой работник: – А он тоже из России?
- О. А.: – Нет, он румын. У него венгерский как второй родной язык, на русском он учился в России, там он кончал какой-то техникум, а украинский так... Вы знаете, что удивительно, вот украинский язык... они говорят, правильно

неправильно. Вот я, допустим, что-то не так сказала, начинают улыбаться там на Украине, знаете, все равно русский акцент слышан, не так сказала, не так произнесла, они улыбаются. А здесь все местные спокойно говорят, говорят, потихонечку они привыкают и начинают говорить и общаться и так у них должно быть. У них в общении 4 языка и это их родные языки. Мы знаем один язык, и я, значит, говорю только на этом языке и для меня это так естественно, потому что такая была среда общения. А вот здесь молодцы, я восхищаюсь! Во-первых, у них нет такой вражды по отношению одного языка к другому, к разноязычным людям. Это очень важно. Поэтому здесь нет таких этнических столкновений...

Полевой работник: – А как вам кажется, роль русского языка изменилась за последние годы?

О. А.: – Да, конечно, роль русского языка уменьшается, вытесняют... Раньше русские классы в нашей школе были очень сильными, очень наполняемыми. Сейчас русские классы менее наполняемые и сдают контингент чисто те кто ездят на заработки, вот поэтому контингент слабый. Те, кто хотели куда-то поступать раньше, вот поступали в Россию, везде, контингент был сильный. Вы что заканчили, нашу школу или венгерскую?

Полевой работник: – Школу я окончила еще в Молдавии, а Университет уже в Будапеште.

О. А.: – Но в Молдавии вы какую закончили? Русскую?

Полевой работник: – Нет, молдавскую, но ходила в русский садик. И в Кишиневском Университете – где изучала французский язык – обучение, в основном, происходило на русском языке.

О. А.: – Ну у вас тоже в свободном общении три языка, как у наших румын. Венгерский не ваш родной?

Полевой работник: – Нет, я его начала учить только когда переехала в Венгрию 13 лет тому назад.

О. А.: – Значит это еще не ваш...

Диалог № 7 (Из интервью с Э. А., Солотвино, февраль 2011 г.)

Опрашиваемая – Э. А., венгерка, 63 года, работала воспитательницей в детском садике, потом учительницей начальных классов в разных школах Солотвина, ныне на пенсии.

На основе звуковой записи:

Полевой работник: – Можете нам рассказать историю шахты? Вы не помните, с каких пор она работает?

Э. А.: – О-о-о, это было давно, шахта давно открылась. В тысяча пятьсот или каком году приезжал Béla király... Рассказать это? Béla király женился на польской, как ее звали, не помню, дочь звали Кунигунда и он проезжал по этой трассе... Тогда Солотвино еще не существовало, но соль наверное уже добывали, вот Хуст вот эти замки были, он проезжал Вишк, Хуст, Ужгород и тогда они Máramarosziget проехали, тогда это был как центр для Солотвины, и тогда он посмотрел, показал дочери и говорит, «Я тебе подарю – вот такая легенда, ну, не легенда, говорят правда – я тебе подарю вот эту шахту» и тогда уже начали добычу соли. Она тогда взяла кольцо и бросила в одну из этих... котлованов, где уже добывали соль. Потом они уехали и через три года... (как раз я не знаю, где читала, нет, не в этой книге) она нашла кольцо в Польше, потому что в Польше тоже были рудники, солекопальни, и там она кольцо нашла. Значит, они

считают, что какие-то подземные воды, связи есть между Польшей и даже с Румынией, это само собой. Это была уже девятая шахта.

Полевой работник: – *А кто работал в шахте?*

Э. А.: – *Да все там работали, отец мой там работал. Еще в тяжелом состоянии эти волы или быки (или что это?), что это там тянули эти цилле (не знаю как это, ой!, ну они на рельсах такие... ну, вагонетки эти, вспомнила!). Тянули они их як сильно, не было этих подъемников как сейчас.*

Полевой работник: – *А аллергологическая больница?*

В. Т.: *Сначала была только областная больница. Начало семидесятых годов. А потом где-то в семьдесят шестом году, если не ошибаюсь, начала работать эта республиканского значения.*

Э. А.: – *Ну давно еще имела очень большое значение. Очень хорошо жили люди, довольно в достатке, была своя музыкальная школа, русская, украинская, молдавская школа, даже в Ужгород ездили наши дети, они всегда там поступали в музучилище, на высоком уровне было Солотвино особенно по музыкальной линии тогда, это все знают. Солотвино – самый первый поселок, который имел музыкальную школу. Был свой духовой оркестр, очень большой духовой оркестр. Были такие эстрадные оркестры отдельно.*

Полевой работник: – *А вы не помните, оркестр был еще до советских времен?*

Э. А.: – *Был, был! Мама рассказывала, ходили на маёвки. Между прочим, первое мая праздновали даже до советских времен, не важно, что там венгерская власть была: это был рабочий день, праздник рабочих. И когда шло первое мая, они все готовились на маёвки, они выходили на улицы, одевались, шли в лес и праздновали, к речке. В принципе, для нас это был рабочий день.*

В. Т.: – *Это потому, в принципе, что Первое Мая праздновали и в Англии и везде. Когда пришел Советский Союз это уже свое значение добыло.*

Э. А.: – *День рабочих. Ну а так как Солотвино поселок рабочих был. Мам рассказывала, есть фотографии, где они сидели возле речки. И молодежь и всё! Были венгры, потом чехи, потом опять венгры. Чехи мало были.*

Полевой работник: – *А вы где работали? (6:40)*

Э. А.: – *Сначала в садике, потом в школе. В ясли-сад номер 1 на русском языке из ... до... Сначала я работала из шестидесят седьмого до семьдесятых работала в школе на селе, меня направили в украинскую школу в Тячевский район, туда, далеко в горах.*

Полевой работник: – *А вы в какую школу ходили?*

Э. А.: – *В украинскую, а дома мы говорили только по-венгерски. Мои родители не разговаривали ни на русском, ни на украинском.*

Полевой работник: – *А почему они вас отдали в украинскую школу?*

Э. А.: – *Ну, тогда это было пятьдесят четвертый год, первый класс... Эту сестру Еву сначала дали в венгерскую до четвертого класса, потом дали в украинскую, она закончила украинскую, потом и меня. Я пошла в первый класс, я ни слова не знала по-украински. У нас так было тогда организовано, что учителей подбирали, которые разговаривали на трех языках: украинском, на русском, на венгерском и даже на румынском. И каких детей первоклассников принимали, они на том языке с ними и общались. ... И так учились понемножку. Все мои учительницы были венгерки, полу-венгерки. До сих пор так стараются у нас в начальных классах так подбирать учителей.*

Т. В.: – *Каждый знает и поймет и по-румынски.*

Полевой работник: – *А какие садик сейчас есть, вы не знаете?*

Э. А.: – Знаю, конечно, знаю. Был садик на русском, вообще только на русском, потом нас объединили с молдавским, молдавский был отдельно. Потом, так как мы перешли в большой садик – построили – тогда был молдавский / русский, ну изучали украинский язык. ... А потом перестройка пошла, ну может в 95-м, тогда уже начали на украинском. Сейчас в Солотвине есть 3 садика: венгерский отдельно при церкви (...), в центре – городской, ну и этот большой, был на румынском, а сейчас только на украинском. Было на румынском, на венгерском и на украинском, а потом, как стало очень тяжело, сократили группы и остался только украинский, но сейчас говорили, что хотят они открыть и венгерскую группу, и румынскую. (...) Ну заведующая старается. Значит сначала был отдельно на молдавском тогда, там в центре, отдельно венгерский в Малом Солотвине, и тут был большой, который построили возле школы там где девятиэтажка. Это был русский. Потом тяжело было детям, это были старые здания, ну думали-думали, тут было большое здание, свели всех, вместе, отдельно группы были, но в одном месте. И тогда уже мешались дети, разговаривали на таком и на таком, игрались во дворе, уже не было такого чуждения, что разные дети. И воспитатели начали замещать друг друга: я зашла в румынский, она зашла в украинский. Все смешалось, но на выступления, утренники, это было отдельно: молдавская группа, венгерская группа и украинская группа. И когда уже приехали, это не так уж давно, когда на этот украинский язык нажали, тогда надо было уже на украинском. Потом я перешла в школу в восемьдесят шестом и в украинских классах изучали русский язык. Еще тогда. А когда я в девяносто седьмом пошла на пенсию, уже начали меня прижимать, что не надо русский язык, ну, не желательно. А я говорила, что я буду учить своих детей до четвертого класса! Я хочу этот язык. Как иностраный, пусть будет как иностранный. Урок русского языка, украинская школа, украинский класс. Русский класс был, и сейчас есть. Но не изучают русский язык в украинском. В русском украинский изучают, а в украинском – нет. Я вообще возмущаюсь и теперь. Я ушла, потом мне девушки говорят: «ты представь себе, вообще сняли русский язык в украинских классах». Не знаю почему? Я считаю, что это надо. Почему-то можно немецкий, румынский, всякие другие языки, а почему нельзя русский? Они же рядом, соседи? И сколько наших детей и людей ездят туда, попадают, они же должны знать. Почему так полностью снять русский язык, я не знаю? Это плюс знать еще и русский язык.

Полевой работник: – А как вы думаете в Солотвине русский язык еще...?

Э. А.: – ... существует? В Солотвине существует, конечно, русский язык. Вот на нем разговаривают румыны, венгры. Вот я иду в магазин, я тоже по-русски спрашиваю, потому что там румыны работают. А если они румыны, они знают русский, украинский они хуже знают. Может уже знают теперь, молодежь. На базаре, например, покупаю у румынов, я спрашиваю по-русски, потому что на украинском они меня не поймут. Вот румынам и венграм легче на русском разговаривать, намного, они сами говорят «украинский – тяжелый язык, очень тяжелый». Им тяжело его выучить и они больше общаются на русском. Ну и это так закоренелось, что на русском. Надо года, ну... чтоб не разговаривать. Ну, например, через Молдавию поедешь, ну как будешь? На украинском?! – На русском, нет? Поэтому я и говорю, что надо знать русский язык. Или даже туда, в Донецк или Луганск. Там тоже на русском разговаривают, и ты поедешь туда. Так что «це телячий язык не розумію» (показывали по телевизору, не видели? Остановил милиционер в Киеве машину, а этот хитрый шофер молодой, он уже был готов на это, они с мобилкой. А этот:

– «Прошу мне предъявить, там ... пропуск, или что у них там... права!» А он:– «А ви про що мене питаєте» и вот так своим украинским. А этот: – «Так?». А тот: – «А ви що не розумієте?» / – «Я этот телячий язык не понимаю». А этот взял, на камеру и в интернет. – «А вы его выучите!» / – «А его не хочу знать!» Сейчас уже суд идет, показывали. Выходит, что и этот будет виноват, шофер, потому что вроде он готовился на это, специально, что он это хотел. Он так и сказал, что он подготовился, потому что знает, что эти там не знают.

Полевой работник: – А были ли у вас неприятности из-за выбора неподходящего языка на работе, в банке, в баре, на улице?

Э. А.: – Нигде! У нас не будет такого. Вот если поедите туда дальше, в Раховский район или туда, в Водицу, там могут вам сказать «Говори по-украински!» Потому что там коренелые гуцулы эти свои, говорят уже по-своему, по местному своему, они даже не чисто по-украински разговаривают, а по местному. Ну, мне легко, потому что я на всяких языках, куда я пойду, я так общаюсь как надо.

На основе письменной записи:

«Придумал этот Клуб Интернациональной Дружбы – как сказать? не придумал же?! – организовал директор Леонид Петрович Лапицкий, историк, ветеран войны. Был започтаткован, то есть, создан с шестидесятого года и действовал где-то до восьмидесят пятого года. Полпредам этого клуба – как бы почетный член, заслуженный член – был Юрий Гагарин и еще немецкая глава, кто тогда был. Когда заседания клуба были, члены интернационального клуба приходили в своих национальных костюмах, соответственно венгры в венгерских, румыны в румынских».

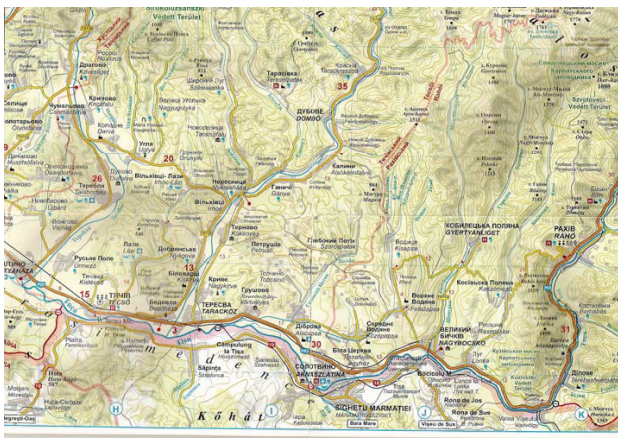
Карта № 1: Украина и граничащие с ней страны

Полевая работа, результаты которой фигурируют в данной работе, была проведена в основном в Солотвине (на украинско-румынской границе) и в близлежащих селениях в Украине и в Румынии, а также на юге Молдавии – в Автономном Территориальном Образовании Гагаузии (АТОГ) и на востоке Молдавии – в Приднестровье (ПМР) со столицей в городе Тирасполе (Из карты *Закарпатська область з угорсько-українською та українсько-угорською назвою населених пунктів*. Будапешт, 2004).

Карта № 2: Солотвино на карте *Закарпатська область з угорсько-українською та українсько-угорською назвою населених пунктів* (Будапешт, 2004).

Сегодняшнее официальное название – Солотвино / *Aknaszlatina*.

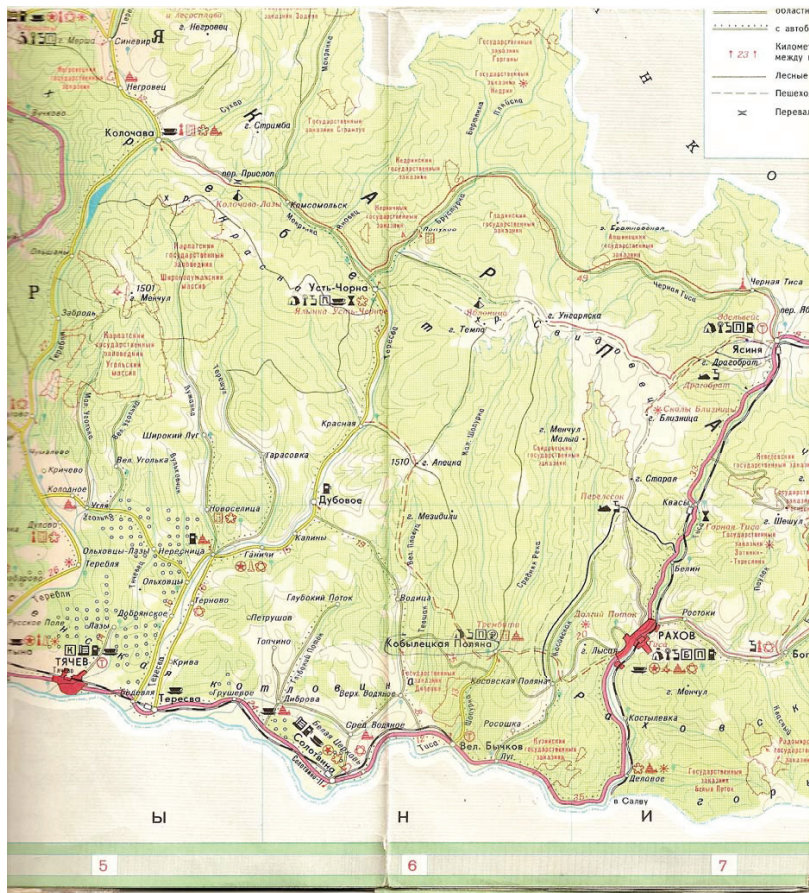

На этой карте сегодняшнее Солотвино фигурирует еще как Солотвина.

Карта № 4: Солотвина на карте Закарпатья (издание Картография СССР, Москва, 1988)

Здесь поселок Солотвино фигурирует как Солотвина, но в то же самое время на карте обозначена и железнодорожная станция Солотвино II. На оборотной стороне карты фигурируют достопримечательности разных населенных пунктов области. О Солотвине: «памятник В. И. Ленину. Музей истории солекопален (народный). Старая солекопальня эпохи Римской Империи, I-II вв. Городище II-I вв. до н.э. Выход каменной соли на поверхность. Уникальная здравница в старой соляной шахте.

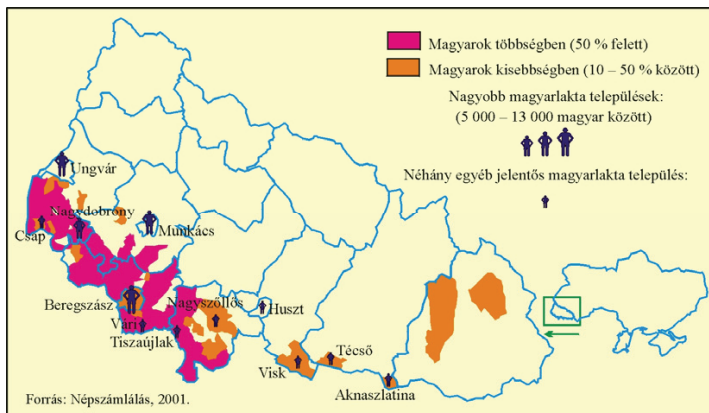
Карта № 5: Военная карта Мараморошского края 1914 года (42-48 Máramaros-Sziget, Ungarn XXX, K.u.k. militär-geographisches Institut, 1914)

Солотвино еще разделено на *Falu-Szlatina* и *Akna Szlatina* с обозначением соляной шахты: *Salz Bgw.*

Карта № 6: Венгриязычное население в Закарпатье (перепись 2001 года).

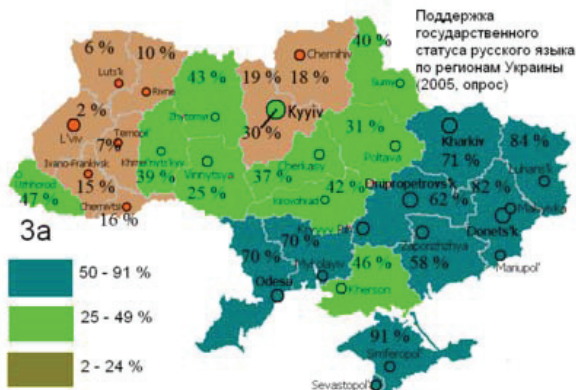
Районный центр Тячев / Técső и Солотвино / Aknaszlátina / Slatina находятся на юго-востоке области.

Карта № 7: Поддержка государственного статуса русского языка в регионах Украины по данным ИС НАНУ, 2005 г.

Кроме известной юго-восточной разделочной линии, на карте четко выделяется и западная граница межвоенной Украинской ССР (линия р. Збруч), а из западных украинофильских территорий выделяется национально пестрое и более «прорусское» Закарпатье.

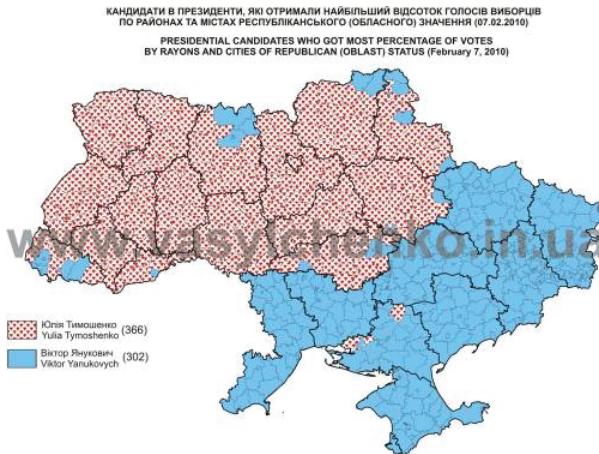
(http://ru.wikipedia.org/wiki/Изображение:3a_русский_язык_как_государственный.png).

Карта № 8: Кандидаты в президенты, которые получили самый большой процент голосов по районам и городам республиканского (областного) значения (7 февраля 2010 г.)

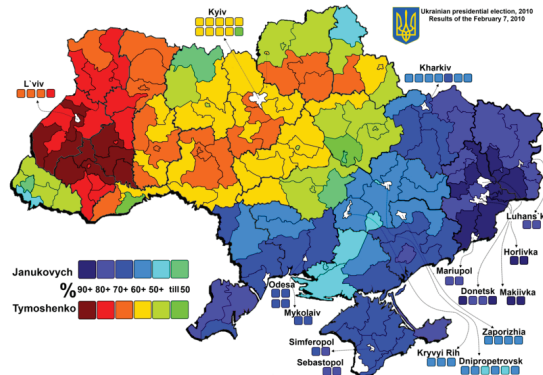
В западной Украине выделяются четыре района, густо населенные национальными меньшенствами: Береговский (в котором по данным переписи 2001 года проживают 76,1 % венгров), Хустский, Тячевский (где проживают в значительной доли румыны и венгры; здесь находится и Солотвино) и Герцаевский (где по данным переписи 2001 года проживает 91,5 % румын) районы.

(http://en.wikipedia.org/wiki/Elections_in_Ukraine)

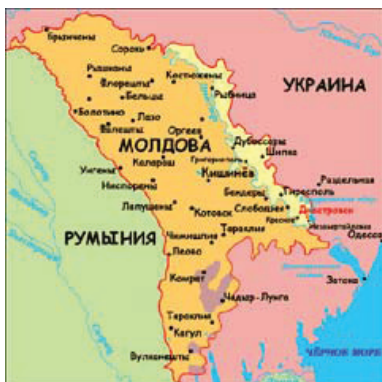
Карта № 9: Украинские президентские выборы 2010 года

На данной карте все Закарпатье (светло-зеленый и голубой участок) отделяется от Западной Украины, в которой одержали победу оранжевые силы в лице Ю. Тимошенко. Даже внутри Закарпатья резко отличаются избирательные округа, где живут преимущественно венгры (окрашенные в голубой цвет округа) и где Партия Регионов в лице про-русского В. Януковича получила абсолютное большинство.

Карта № 10: Гагаузия и Приднестровье на карте Молдовы

На юге Молдовы – Автономное Территориальное Образование Гагаузия с 1994 года (столица Комрат); на западе – Приднестровье, само-провозглашенная в 1991 г. Приднестровская Молдовская Республика (ПМР) со столицей в городе Тирасполь.

Фотографии сделанные во время полевой работы в Солотвине

а) При въезде в Солотвино надписи на табличках на украинском, румынском и венгерском языках. В надписи на кириллице вместо *И* фигурирует латинское *N*.

б) Надписи на местном горсовете на румынском, украинском и венгерском языках

в) Объявления в фотоателье Солотвина: украинская буква *є* вкрапилась в местный письменный русский язык, в то время как дата запечатленного на фотографии события фигурирует в обязательном порядке на государственном языке.

- в скобках перечисление предметов, на которых могут быть нанесены фотографии, больше похоже на русский язык (и по орфографии, и по лексическому составу), чем на украинский:

Фотографии сделанные во время полевой работы в Гагаузии

- а) При въезде на территорию Автономного Территориального Образования Гагаузии (Gagauziya / Gagauz Yeri)

- б) Табличка на здании местного Парламента в столице Гагаузии городе Комрате не трех официальных языках автономии: гагаузский, молдавский / румынский и русский.

- в) Табличка на здании Экономического Факультета комратского Университета (внизу справа на напечатанной бумаге фигурирует только по-русски *Осторожно скользко!*).

г) Памятник Ленину перед зданием городской администрации Комрата:

д) Кафе СССР (с «распорядком работы») в Комрате:

Фотографии из Приднестровья (ПМР)

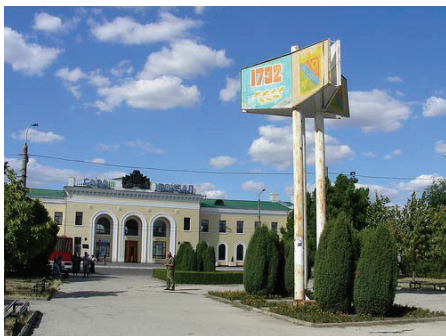
а) Трехязычный герб ПМР, сохраняющий атрибуты советской власти (серп и молот, красную звезду) и сильно напоминающий герб бывшей Молдавской ССР.

б) Памятник В. И. Ленину перед Тираспольским Домом Советов и памятник Александру Суворову в Тирасполе, которые могут интерпретироваться как символы исторической продолжительности и противостояния новым типам национализма.

в) Здание вокзала в Тирасполе (надпись на молдавском кириллицей *Гара* и на русском). На трех столпах перед вокзалом видны герб города Тирасполя и дата его основания 1792 г. (год Ясского мирного договора, когда территория между Южным Бугом и Днестром отошла к России).

г) Приднестровская денежная единица: приднестровский рубль, сильно напоминающий советские рубли. На каждой купюре – надписи на молдавском с кириллицей, русском и украинском языках. На лицевой стороне купюр – выдающиеся личности русской, украинской и молдавской культуры:

- На купюрах в 1, 5, 10, и 25 рублей – портрет русского полководца А. Суворова.

- Изображение Т. Шевченко на 50-рублевой купюре.

- Портрет молдавского политического деятеля и писателя Д. Кантемира на 100-рублевой купюре.

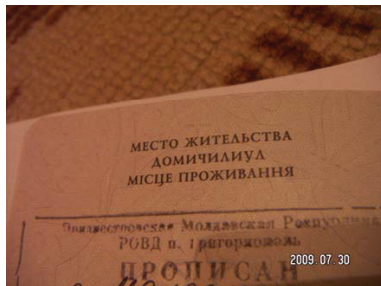
- Гравюра с изображением портрета русского военного деятеля графа, генерала-фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского (1725-1796) – фаворита Екатерины II, губернатора Малороссии и победителя сражения против турок при Кагуле в 1790 г. – на 200-рублевой купюре.

- И на выпущенной в 2004 году 500-рублевой купюре – гравюра с изображением портрета российской императрицы Екатерины II.

д) Паспорт гражданина Приднестровской Республики с гербом ПМР. Все записи на трех языках: на русском, на молдавском (кириллицей) и на украинском.

- Печать в паспорте приднестровского гражданина на 3-х языках: молдавском (Министерул Афачерилор Интерне РМН), русском (Министерство Внутренних Дел ПМР) и украинском (Міністерство Внутрішніх Справ ПМР).

е) Надпись на одном здании в центре Тирасполя (столица Приднестровской Республики): *Наша сила в единстве с Россией*

